

АРИК КРУПП

И ЖЕНЩИНЫ

КРАСИВЫ,

И МУЖЧИНЫ...

ББК 85.94
К 84

Ведущий редактор
Наталья Жукова
Художник
Елена Горбачёва
Составитель
Надежда Крупп
Редактор
Велла Щербакова
Музыкальный редактор
Владимир Ланцберг
Нотные записи
Людмила Скворцова

Крупп А. Я. И женщины красивы, и мужчины...
К 84 /Сост. Н. Крупп. — 2001. — 352 с.: илл., ноты.

В книгу вошли практически все известные материалы об Арике Круппе — как его тексты (стихи, песни, повесть), так и воспоминания друзей. Фотографии, факсимиле писем и рисунков ранее не публиковались. Эта книга — наш долг перед ушедшим другом. Она будет интересна всем, кто любит авторскую песню и творчество Арика Круппа.

ББК 85.94

© Н. Крупп, Д. Крупп, тексты, ноты, 2001
© Н. Крупп, составление, 2001
© Группа нотного набора (ГНН), ноты, 2001

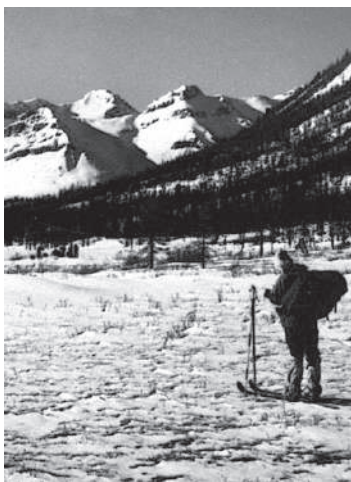
ИХ БЫЛО ДЕВЯТЬ

Они попали в шквал лавин на подступах к Пихтовому перевалу (Восточные Саяны) 25 марта 1971 года. Самому младшему из них, Вадику Казарину, было двадцать три года, самому старшему, Игорю Корнееву, — сорок один.

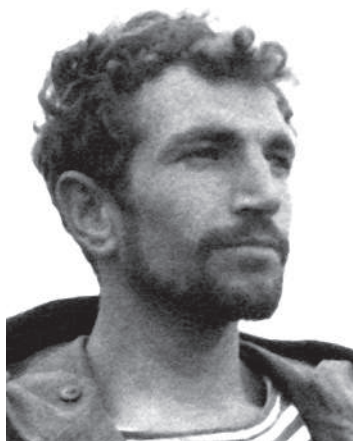
Арику Крупну было тридцать три...

Миша Корень,
руководитель группы

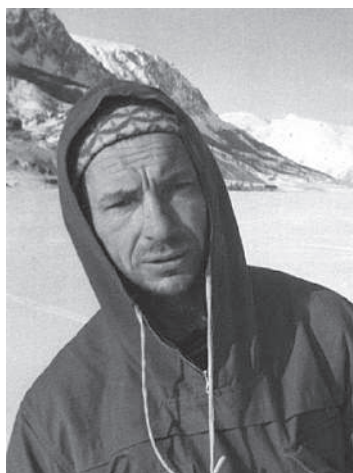
Пихтовый перевал

Саша Фабрисенко

Саша Носко

Игорь Корнеев

Вадик Казарин

Володя Скакун

Аня Нехаева

Федя Гимеин

Арик Крупп

*Пожалуй, мне не жаль моих ушедших лет.
Они ушли, но не пуста моя ладонь:
Друзья, ошибки, горы, горе, чёрный хлеб,
Вокзалы и ночных костров огонь...
Я до сих пор пою про десять звёзд над головой,
И до сих пор дорога мне как будто бы впервой,
И песни, и любовь — ещё как первая любовь,
И новый день — ещё открытье смысла старых слов,
И там, где я бывал, ещё не стёрся след...
Пожалуй, мне не жаль ушедших лет.*

1970

Арика Круппа принято считать классиком туристской песни. Но туристской песни нет, как нет песни геологической, песни строителей, песни пахарей — есть песня человеческая, которая во все времена способствовала выражению человеческой души. И в зависимости от того, как жилось душе человеческой в том или ином времени, так она и выражала себя через песню. А термин «туристская» — лишь фигурный листок для прикрытия сути, которая состояла в том, что существовала у нас кроме песни профессиональной — официальной и узаконенной ещё песня и неподцензурная. Вот она-то и была непосредственным выражением свободной души, а туристские атрибуты для некоторых авторов — лишь материал, которым они пользуются, чтобы говорить об общечеловеческом. Таковы и «туристские» песни Круппа.

В студенческие годы, как и почти все его сверстники, Арик прошёл сквозь лавину комсомольской лжеромантики.

... С молотком отбойным, ломом и лопатой
Мы уходим вглубь, ломая на куски гранит.
До чего ж студенты крепкие ребята,
Пред ними и скала не устоит.
И пускай одежду мы до дыр проносим,
Пусть для нас проходит это лето стороной,
Мы себе другого отдыха не просим,
С победою вернёмся мы домой.

Пой, пока ты молод,
Люби, пока ты молод,
Ходи, пока ты молод,

Строй, пока силён.
Мы ведь всех сильнее,
Мы ведь всех нежнее,
Дружба нам нужнее,
Чем богатств мильон.

Эта солянка из двух песенок Крупна студенческой поры как нельзя лучше говорит о настрое целого поколения, которое ехало на целину, на студенческие стройки, откликалось на любой зов Родины — безоговорочная вера в своё великое назначение, энтузиазм и эмоциональный порыв определяли его поступки и всю его жизнь.

Но проходит время, и рассеивается дым «побед». Институт позади, и начинается просто жизнь. Жизнь молодого специалиста, рядового советского инженера, который любит свою профессию, но не умеет и не хочет делать карьеру. Который с увлечением делает открытия и предоставляет своему коллеге оформлять с ним в соавторстве свидетельства об изобретениях. Который не умеет и не будет добиваться себе жилья — так восемь лет и проживёт в общежитии, что после смерти зачтётся ему в заслугу некоторыми его «друзьями». Которому скучно писать диссертацию — он с куда большим удовольствием ходит в походы и пишет песни.

Но это уже не те песни... В них ещё звенят леса Белоруссии, ещё горит десяток звёзд над головой, бунтует молодое нетерпение и желание помериться силами с ветром, колючей пургой и снежными просторами, но всё чаще приходят раздумья:

Давай поговорим о городах,
Давай с тобой придумаем весы,
На чашу бросим серые года,
А на другую — радости часы...

Время жизни распадается на месяц отпуска, проведённый в северном походе, и на остальное существование, в котором утреннее пробуждение трагично, потому что «в черноту стены уходят картины снов» и окружающий человека город со множеством людей живёт как одно существо: «Утром, спеша, встаёт, слушает город «Маяк», кофе горячий пьёт. Транспорт родной кляня, сотню найдёт злых слов, город во власти дня, люди во власти снов». В городе этом нет солнца — «лишь сеется дождь через крупное сито... Дождь заливают костры и желанья, дождь вымывает из мира краски...» Образ города вырастает в злоебный символ, враждебный человеческой душе, ибо он не выпускает человека из-

под своей власти. И вырваться из его объятий — главное желание, самая заветная мечта. Почему?

Когда Арика не стало, мне пришлось много думать, перечитывая его повесть и в который раз слушая его песни, о том, что же такое туризм. Вывод был однозначен: это неосознанная, скрытая форма социального протеста. По крайней мере, так обстояло дело у нас в шестидесятые и семидесятые годы. Уходя из города в горы, в тундру, в лес, они выпадали из социума и создавали собственную модель общества по своим законам нравственности, где каждый человек стоил ровно столько, сколько он стоил, где все они получали полной мерой и полной мерой отдавали себя — всё по самому большому счёту. Где в человеке отступало всё мелкое и открывалось всё самое человеческое и настоящее, ибо таков закон выживания в тех условиях, которые они добровольно выбирали себе на месяц отпуска. В письме Арика, отправленном 12 марта 1971 года из Верхней Гутары перед выходом на последний маршрут, есть такие строки: «Ведь самая большая ценность похода в том, что через несколько дней после его окончания ты вдруг замечаешь, что стал чуть другим, чуть лучше, чем был раньше, чем-то чуть богаче. А как происходит этот процесс, не замечаешь...» Но он прекрасно понимал, как происходит этот процесс, и об этом все его северные песни.

Один месяц отпуска... А как жилось его душе остальные одиннадцать? Время безжалостно шло, а свершений обещанных не было. Только чистая совесть, да полная мера добра, да вера в добро в человеке. Вот почему рядом с «Печалью» — «Контрпесня», а с «Чёрными совами» — «Хочется жить!».

«Зрелость» — последняя песня Круппа. Это отчёт его души за прожитую жизнь, осознание её смысла в посеве добра, философски-мудрое приятие смены и надежда на духовную преемственность поколений и светлая радость открытия нестареющей красоты человека.

И женщины красивы, и мужчины...
О жизнь, ведь это правда, что мужчины
И женщины красивы?.. А лучина —
Пока не догорит, не зачадит.

Арон Яковлевич Крупп — так значится в его документах. В жизни все его звали просто Арик. Он родился в 1937 году в Даугавпилсе, в семье юриста и преподавательницы английс-

кого языка, ещё ребёнком пережил эвакуацию в Среднюю Азию и все лишения военного и послевоенного времени. Вернувшись из эвакуации в родной город, родители Арика долгое время подвергались обструкции со стороны местных

Семья Арика: отец Яков Самуилович, мать Минна Ароновна
и старшая сестра Дина

Арику шесть лет...

девять...

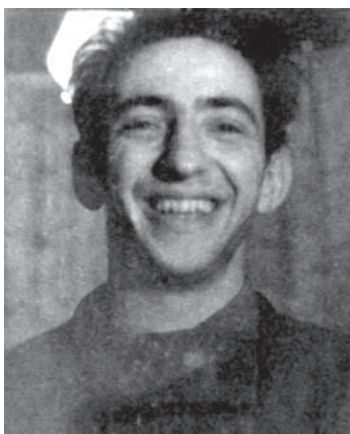
советских властей за свою принадлежность к интеллигенции буржуазной Латвии. С трудом отцу удалось найти работу в Лиепае, где и поселилась семья. Там Арик окончил школу и в 1955 году стал студентом Ленинградского института киноинженеров.

Он ухитрился ещё до окончания института отслужить в армии и, окончив институт лишь в 1963 году, он получил направление в Минск, на Оптический завод им. Вавилова. Талантливый инженер, изобретатель, заядлый турист, автор песен, быстро завоевавших популярность не только в Белоруссии, и главное — открытый, бесконечно добрый и внимательный к людям человек, он скоро стал в Минске известной личностью, особенно среди туристской молодёжи и в кругах журналистов.

Ему было отмерено 33 года, как Христу. Жизнь короткая, но яркая, щедрая, вся прошедшая «на отдачу». Ничего для себя. Он умел быть настоящим другом и обладал удивительным даром — притягивать к себе людей. Не за песни его любили. Песни давали только популярность, а любили его за личные качества. Он был нравственным критерием для друзей и просто знакомых, очных и заочных. Люди тянулись к нему, как всё живое тянется к теплу и свету.

пятнадцать...

восемнадцать...

В марте 1971 года две группы белорусских туристов ушли в Саяны — лыжный поход 5-й категории сложности. Одна из них не вернулась.

Маршрут начинался от Верхней Гутары. До первого перевала добрались с оленями. А дальше каюр пожелал им доброго пути, и ребята встали на лыжи, хотя снега в горах в ту зиму выпало мало и лыжи часто приходилось нести на себе. Но по мере того, как они шли, природа пыталась наверстать упущенное: снег всё валил и валил. 22 марта они остановились на ночёвку у Пихтового перевала. С утра их ждал подъём. Но у Феди Гимейна начались боли в желудке — видно, дала о себе знать язвенная болезнь. Пришлось задержаться на три дня, которые и стали для них роковыми. В эти три дня навалило столько снега, сколько должно было выпасть, видимо, за всю зиму. 24 марта двое ушли в разведку и, вернувшись к вечеру, доложили, что на зубринах скал — огромные снежные карнизы. Самый опытный, Игорь Корнеев, судя по его записям, понимал, что шансов пройти почти нет. Но его одинокий голос не мог изменить решения группы идти. Наутро уложили рюкзаки. Игорь нёс палатку и, упаковывая её, задержался дольше всех. Он шёл последним, немного отстав от группы. Метрах в ста пятидесяти от стоянки Игорь услышал характерный шуршащий звук. Он поднял го-

двадцать...

двадцать три...

Фотография с негатива из саянского рюкзака.
Март, 1971

лову, но крикнуть, чтобы предупредить товарищей, не успел — его накрыла лавина, за ней — вторая, третья... С обоих склонов. Последнее, что он успел увидеть перед тем, как его завалило снегом, были крошечные тёмные фигурки лыжников в густом молочном мареве.

Игорь оказался на окраине лавины, и ему удалось выбраться на поверхность. Он был один в белых просторах безмолвного снега. Нет, не один. С ним оказалась собака — одна из двух, которые шли с группой. Игорь вернулся на стоянку, снова поставил палатку и жил там, пытаясь откопать своих товарищей запасной лыжей («тёщей»). Вокруг грохотали лавины. Нервное напряжение достигло предела и лишило его передышки, которую мог дать сон. К концу четвёртого дня он понял, что всё напрасно: ребят ему не откопать. (Как выяснилось после, слой снега над ними был 10—12 метров.) Нервы не выдержали, Игорь отметил «тёщей» место гибели товарищей и, бросив ненужную ему без примуса холодную палатку, ушёл назад... К людям. В двухстах пятидесяти метрах от стоянки он попал в лавину. Так равнодушная судьба уготовила для всех девяти общую участь.

10 апреля, когда группа Михаила Корня не вышла в назначенное время на КПП, подняли тревогу. 11 апреля верто-

лёт из соседней воинской части облетел весь маршрут. Никаких признаков живых людей обнаружено не было. Лишь непонятной загадкой торчала из снега одинокая лыжа да безжизненно лежала у входа на Пихтовый перевал поваленная ветром палатка.

Из Минска вылетела поисковая группа спасателей под руководством мастера спорта по альпинизму Феликса Норкевича. Делать раскопки в районе «тёщи» было опасно — всё ещё сходили лавины. Искали вокруг. Через двадцать дней первую смену спасателей-поисковиков сменила вторая. Только 13 мая, в последний свой день, когда уже прилетела третья смена, ребята откопали первых троих. Раскопки шли уже вокруг «тёщи». Вторая смена не улетела — осталась помогать третьей. Три дня их извлекали из-под снега.

Игоря Корнеева, как ни искали, не нашли. Вторая смена вернулась в Минск, привезя с собой восьмерых. Третья — осталась искать Игоря. Только через две недели, когда начал таять снег, обнажилась поднятая вверх с лыжной палкой рука — там, где его никто не искал. Видно, защищаясь, он поднял руку навстречу лавине. По его записям восстановили всё происшедшее.

Палатка, найденная спасателями перед входом
на Пихтовый перевал. Апрель, 1971

Саяны. Поиски. Апрель — май, 1971

Игоря похоронили рядом с его товарищами на Чижовском кладбище в Минске, где для него было оставлено место.

Очень скромный мемориальный комплекс, проект которого сделали студенты архитектурного факультета минского Политеха, пробивали долго и трудно: власти противились этому, как могли. И если всё-таки удалось это сделать, то, видимо, потому, что любовь в конце концов всегда побеждает зло.

Надя Крупш

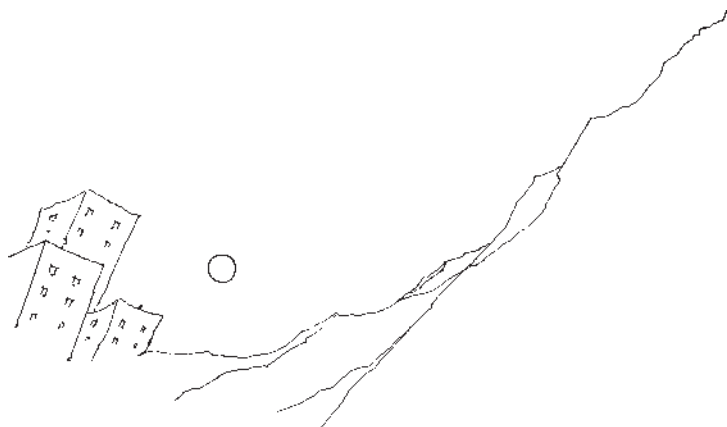
ЗДЕСЬ
ПОГИБЛА В ЛАВИНЕ
ГРУППА ТУРИСТОВ
ГОРДА МИНОКА

М.КОРЕНЬ
Ф.ТИМЕИН
В.КАЗАРИН
И.КОРНЕЕВ
А.КРУПП
А.НЕХАЕВА
А.НОСКО
В.СКАКУН
А.ФАБРИСЕНКО

1925
III 71

СО МНОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ

Повесть

Эта маленькая повесть — единственное прозаическое произведение Круппа. Ранее не публиковалась, если не считать громкой истории с плагиатом. В 1976 году в журнале «Студенческий меридиан» № 9 был напечатан большой фрагмент из неё под фамилией журналиста Ростислава Леонидова. Текст Круппа был воспроизведён слово в слово, изменены только имена героев. Материал был помещён под шапкой: «...И с мельницами выходить на бой» — строчка из песни Арика. «Смелость» журналиста была столь беспрецедентна, что вызвала бурю негодования среди туристов, знакомых с повестью Круппа по самиздатскому сборнику, огромным тиражом выпущенному одесситами после его гибели с целью сбора денег на памятник.

Авторство Круппа удалось доказать только благодаря тому, что машинописный экземпляр его повести с 1973 года лежал в редакционном портфеле журнала «Неман».

Повесть закончена по сюжету, но Арику не суждено было продолжить работу над текстом: это её первая и единственная запись.

Н. Крупп

1. КОСТЯ СЕРОВ

Снег, снег.

Снег на крышах домов, троллейбусов, на плечах людей, снег в чернильном утреннем воздухе, слегка разбавленном зеленоватым светом ртутных фонарей. Сухой морозец.

Зима как зима, началась не слишком поздно и не слишком рано. Этот снег уже не растает, на него лягут другие снега, и будут по ним петлять лыжные следы, всё будет как прежде, мир не изменился, это я стал другим — для меня эта зима будет непохожей на другие зимы, я так решил. Это очень нелегко — отказаться от того, что было раньше, когда во второй половине зимы я оказывался далеко отсюда, за Полярным кругом, и те края были для меня вторым домом. Только прошлая зима всё перевернула, и нет больше сил возвращаться туда, нет второго дома.

Весна, лето, осень... За это время я всё успел продумать, и вот резюме: «Мавр сделал своё дело, мавр может не ходить». А ходить всё-таки хочется, но надо быть твёрдым — есть другие ребята, помоложе и покрепче. У меня работа совсем не бродячая: лаборатория электроники в НИИ почти в центре города — автобусом до площади Победы, а там десять минут ходу, ровно столько, сколько надо, чтобы успеть выкурить сигарету.

На работе — запах канифоли и нагретой изоляции, запахи, знакомый чуть ли не с детства, а сейчас мне уже за тридцать. Может, сегодня наконец заработает моя треклятая установка, над которой я бьюсь два месяца, и тогда завлаб — жутко талантливый инженер, не то что я — будет мною доволен. Он слишком часто бывает мной недоволен: шутка ли, четыре-пять месяцев в году я не работаю. «Настоящий инженер не должен так распыляться».

Ну что ж, теперь не буду.

— Костя, твоя любимая пора наступила, скоро опять убежишь к белым медведям?

— Не убегу, мне не уйти от твоих распрекрасных глаз.

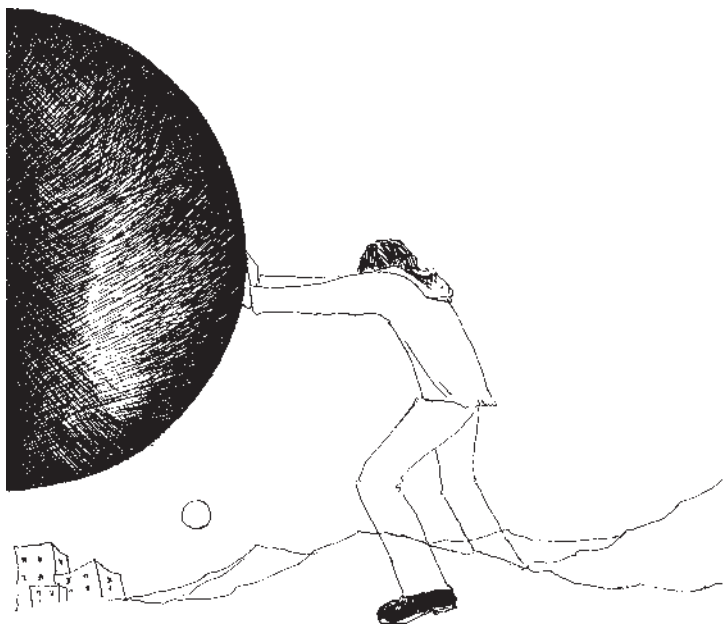
Это Наташа, самая ехидная и самая красивая девушка в нашей лаборатории.

В лаборатории мы всё друг о друге знаем: когда руки заняты паяльником, язык свободен, а за шесть лет понемногу-понемногу каждый раскрывается, устанавливаются определённые отношения, симпатии и антипатии стабилизируют-

ся, острые углы сошлифовываются: бывают штили, бывает и крутая волна, но до шторма никогда не доходит.

Все знают, что прошлой зимой у меня что-то случилось на Севере, но подробностей никто не знает. Не хочу об этом говорить и вспоминать не хочу. И Наташа, и шеф, и остальные — это всё люди, с которыми я делаю одно дело, они такие же, как и я. Я только немножко другой, хуже или лучше — не знаю. Просто они чувствуют себя на своём месте всё время. Минск — их родной город. Где бы они ни были, ностальгия погонит их опять сюда. Я другой: год на Памире, год на Полярном Урале... Раскидало мои привязанности по Союзу — не собрать, а отсюда теперь тоже не уйти навсегда, здесь самый большой кусок. И счастья, и горя — больше всего здесь досталось. Но в тех горах тоже не пусто было.

Три года назад я стал мастером спорта по туризму, а так как считается, что мастер спорта — это не только спортивное мастерство, но и определённые моральные качества, то я, наверное, ими обладаю. Я не боюсь холода, усталости, я могу таскать тяжести по четырнадцать часов в сутки и преодолеть

вать психологическую несовместимость. Если надо, могу заставить встать на ноги и идти уставших насмерть людей, могу принимать решения и не боюсь чувства ответственности. Всё это так и всё это неправда, потому что теперь всё это в прошлом: около года назад оказалось, что я взвалил на себя слишком большую ношу и, хоть дотянул её почти до конца, у меня подогнулись колени. Мне ещё хватило честности понять это и бросить всё. Впрочем, до сих пор не могу сообразить, что это: честность или трусость.

Живу я один, уже три с половиной года живу один, а раньше мы жили с Таней, но теперь её нет и никогда не будет, не будет нигде. В то лето она не вернулась — так иногда случается с кем-нибудь из наших: они не возвращаются. И остаётся память о них, стареющая боль потери да фотографии.

Впрочем, мне редко удаётся побыть одному. Именно потому, что я живу один, ко мне часто заходят друзья-бродяги: наши лыжники, альпинисты, водники. И всегда — мой верный соратник доктор Саша, или просто Доктор, рыжий гигант, одинаково хорошо владеющий и ланцетом, и гитарой.

А ещё Доктор — поэт.

Огромный рост и широкие плечи, громкий голос — как Маяковский. Только Доктор не Маяковский, он наш, певец гор и снегов, это небольшая поэзия, но в горах поют его песни, значит, то, что он делает, кому-то нужно.

Звонок перед концом рабочего дня, как раз когда на экране осциллографа начали вырисовываться такие симпатичные импульсы, почти то, что нужно, их ещё чуть-чуть уговорить...

— Костя, тебя.

— Привет, Начальник, как тебе эта зима? Снежок — как халаты у наших медсестёр! Что у тебя?

Это — Доктор, он называет меня то Начальником, то Шефом, так уж повелось у нас в спасотрядах, где мы вместе работали.

— Привет, Доктор, у меня, кажется, схема заработала.

— Молодец! Стоит отметить. Сегодня как раз вечер активности, пойдём, увидишь всех, поболтаем.

— Пойду, пожалуй, — зайдешь за мной?

— Ага. Ну, будь здоров.

Доктор повесил трубку, а схема работала, и это было приятно и действительно стоило отметить.

— Наташа, посмотри на экран, кажется, это почти то.

— Может быть, если не случайная помеха.

— Брось, тётка, издеваться.

— Ладно, шучу. Похоже. Ещё немного надо довести до кондиции.

— Это уже проще, в понедельник займусь.

Кончился первый день зимы, кончилась рабочая неделя, начинался первый зимний вечер.

Зал полон. Многих я знаю по имени и почти всех в лицо. Это всё люди, которые учатся или работают, любят свою работу, но которым этого мало. Они знают, что мир не кончается за пределами кольцевой дороги, что есть ещё другие реки, другие леса, другие климатические зоны. И ещё есть горы, и ещё очень надо всё это увидеть и пройти, а иначе и работа не в радость, и город противен, и вообще я еду не в ту сторону. Вот какие ребята собрались в зале. А докладчик говорил об успехах и сыпал цифрами, и все знали об этих успехах, а цифры всё равно не запоминали, и это хорошо знал сам докладчик, он был таким же, как и те, кто заполнил зал, но какое же мероприятие без доклада, и сидящие в зале тоже это понимали, поэтому и шумели не очень, и в буфет уходили не все, и делали это потихоньку.

А после доклада были ещё какие-то выступления, а потом как обычно: кто — на танцы, кто — в буфет, это всё рядом. Мы сдвинули вместе три столика, поставили вино, конфеты. Человек пятнадцать уместилось. Всё-таки чертовски приятно видеть эти рожи: то, что нас объединяет, — всегда с нами, мы вовсе не обязательно говорим о бывших и будущих походах, нам важно знать, как дела у каждого и всё такое, мы с иными нечасто и видимся — не все близкие друзья, но видеться рады. То есть я тебя вижу — и хорошо. Здесь же оказались ребята из Гомеля: Юра Макаров, наш, лыжник, черноволосый и смуглолицый, похожий на цыгана, влюблённый в свой Кольский полуостров, мой тёзка Костя Сенкевич, водник. Ещё была девушка. Короткая стрижка. Чёрный свитер. Глаза... Я отвёл взгляд.

— Юраш, я чертовски рад тебя видеть, на Севере видимся чаще, чем в городах. Как ты?

— Всё по-старому, Костя. Скоро опять спасательная служба?

— Нет, Юраш, нет.

— Отчего?

— Трудно так сразу, всякие причины.

— Давайте, ребята, выпьем за дороги!

— Спой, Саша!

Доктор допил вино, взял гитару, подумал — чего бы спеть, взял несколько аккордов и запел:

Дано прожить свой век нам в городах —
Мы здесь творим свой хлеб, растим детей.
И поздно их оставить навсегда,
И не свернуть с намеченных путей.

Но когда тяжело, когда не на что нам опереться,
Мы уйдём хоть на час, доверяя печали снегам.
По кусочкам в залог по стране раскидали мы сердце,
И нам силу дороги приносят, как жертву богам.

Вот что пел Саша товарищам, и они знали, что это про них, потому что это было правдой. А я смотрел на девушку, которую привёл к нам за столик Юрка Макаров из Гомеля, любивший Кольский полуостров, а она смотрела на Сашу, потому что он пел песню про неё. А потом он пел другие песни, и мы все подпевали ему. А потом мы ещё выпили, и я опять смотрел на девушку из Гомеля.

А Юрка заметил и сказал:

— Я забыл вас познакомить.

— Костя.

— Рита.

— Я вас раньше не видел ни на слётах, ни в Гомеле, — наверное, недавно занялись туризмом?

— Понимаете, я на вечере случайно оказалась, я здесь в командировке, а с Юрой работаю на одном заводе, он меня сюда затащил. Я иногда хожу в походы, но это несерьёзно, так что считать туристом себя не могу. А знаете, Костя, я очень много слышала о вас и о Саше... Вы просто люди из легенды, — как-то странно вдруг увидеть вас совсем близко.

— Я не знал, что у вас в Гомеле завелись сказочники.

— Не смейтесь — может, я сама придумала сказку, только вы мне представлялись не таким.

— А каким?

— Ростом чуть повыше, голосом поглубже, в глазах сталь — а у вас очень грустные глаза.

— Это просто форма у них такая.

— Не думаю.

Вот уж эта женская способность к априорному мышлению: не видеть то, что на поверхности, и залезать в сущность вещей, когда о том не просят, и вообще — из какого-

то Гомеля свалилась какая-то Рита, сочинительница легенд, и лезет своими глазищами в душу.

Три с половиной года прошло, а как будто вчера, всё время — как будто вчера...

Июль стоял тогда дождливый, сплошной сентябрь, а не июль. А Таня собиралась на Кавказ. Что-то тоскливо было у меня на душе: она со своими альпинистами готовилась «сделать» Ушбу, я никогда там не бывал, но по разговорам знал, что восхождение у них очень сложное.

— Может, не поедешь, а, Тань?

— Ну, Костя, ну как ты можешь так говорить, я же не держу тебя зимой, когда ты уходишь на Север!

— Но ты тоже меня отговариваешь.

— Ты же всё равно уходишь.

— Мне беспокойно что-то.

— Мне тоже бывает беспокойно. Лучше к моему приезду собери свой сверххитрый телевизор. Ну, милый, что ты в самом деле раскис, ты же сам говорил, что это залог прочности нашей семьи: каждые полгода месяц разлуки — ждать, волноваться и радоваться встрече...

Она обняла и поцеловала меня, как маленького, в лоб.

Я нёс к поезду её рюкзак, а она была уже почти вся там, на Кавказе, и только чуточку здесь, со мной. Все альпинисты и провожающие были в сборе.

— А, Костя, привет! Тебе ещё не надоело ходить на Север? Разве у вас там горы? Поехали с нами, увидишь настоящие!

— А я видел настоящие, я просто ползать не люблю.

— Татьяна, твой мужик тебя оскорбляет, требуй развода.

— Я с ним потом поговорю.

Загудел тепловоз, и ребята стали заходить в вагоны.

— Береги себя, Танюха, вот, возьми на счастье.

Я протянул ей вырезанную из моржового клыка фигурку ненца. Полгода прятал её специально для этого случая.

— Милый, ты прелесть! С таким талисманом я уже ничего не боюсь.

Мы обнялись, а потом чьи-то руки втащили её в вагон. Всё. Ещё с минуту тускнел вдали красный фонарик последнего вагона, потом исчез.

Над опустевшим городом собирался очередной дождь, домой почти не хотелось, Доктора не было в Минске, всё было противно и невыносимо. Потом я понял, что это называется предчувствием.

Я не знаю, как всё произошло там, ребята мне что-то рассказывали, не очень вдаваясь в подробности, но я ничего не понимал, да и не имели значения эти подробности, просто не стало Тани, опустел город, опустел мир, не хотелось дышать...

Зимой я стал спасателем.

И вот — через три с половиной года появилась Рита.

Неужели живые всё-таки остаются живыми?

2. РИТА ПАНИЧ

Вадим, Вадим, как ты меня обманул... Ты казался самым лучшим человеком на земле. Я замирала от счастья, когда ты целовал меня, даже просто смотрел на меня.

— Мы будем самыми счастливыми людьми. Всегда.

Это ты сказал после свадьбы. Как недолго это было правдой, как быстро кончился мёд!

Странно, как два, казалось бы, совершенно необходимых друг другу человека могут так быстро сделать всё, чтобы стать не только ненужными, но и враждебными друг другу. А у нас так и получилось.

— Я буду всю жизнь носить тебя на руках!..

Очень скоро я почувствовала, как неудобно мне быть у него на руках. У него совсем не было друзей, а с моими он тоже не очень ладил, и те один за другим отходили от меня. Это было очень больно. Я заходила к ним сама, но начались скандалы, и я стала жить по жёсткой программе: работа — дом, дом — работа.

Засыхали в уборной мои горные лыжи, и я, как те лыжи, засыхала.

Оставался один человек, которому можно было поплакать в жилетку, — Юра. Мы с ним очень старые друзья, ещё в институте вместе учились. Когда-то он пытался сделать из меня туристку, был даже чуть влюблён. Потом это у него прошло, туристки из меня не получилось, а вот друзьями мы остались. Однажды я подошла к нему после работы.

— Юра, ты сегодня не занят? Мне нужно поговорить с тобой.

— Плохо тебе?

— Да.

— Я знал. Пойдём куда-нибудь.

Мы долго ходили с ним и говорили, говорили. Стемнело, зажглись фонари, их отражения дробились в Днепре, а мы всё говорили.

— Я ничего тебе советовать не буду, по-моему, ты и сама всё решила. Это не тот человек, с которым ты можешь жить. Я хорошо знаю тебя и немного знаю Вадима. Мне непонятен мир таких людей. А ты ближе к нам, чем к ним. Мерой оценки человека служит то, насколько он нужен другим, а кому нужен твой муж? Только себе.

— Да, это правда.

— Хочешь, я расскажу тебе о других людях?

И он рассказал мне о Косте и Саше. Потом я услышала Сашины песни.

Это был действительно другой мир, где «человек человеку друг» — не догма, а норма, более того, необходимость, а иначе никак, — и светлело на душе у меня.

Я ушла от Вадима.

Я смотрю на Костю Серова и Сашу Галкина. Они, живые, сидят передо мной.

Я помню рассказы о них. Я даже знакома со многими ребятами, которые их знают. Я хорошо знаю многие их песни.

Только Костя совсем не тот, каким я его представляла, — боже мой, какие у него грустные глаза, неужели и таким людям может быть когда-нибудь плохо, а ему, наверное, плохо — он смеётся вместе со всеми, разговаривает, подпевает всем, но это такая тоненькая скорлупа, в глазах совсем другое. И это так не похоже на то, что о нём рассказывали.

— У вас очень грустные глаза.

— Это просто форма у них такая.

— Не думаю.

И тогда глаза у него стали не только грустными, но и чуть испуганно-удивлёнными, и он этими грустно-испуганно-удивлёнными глазами посмотрел прямо на меня:

— Мы с вами, Рита, ещё не на «ты», а вы уже требуете от меня объяснений, почему я такой, как есть, а не такой, каким представлялся.

А он колючий!..

— Простите...

— Давайте тогда уж выпьем «на ты».

— Костя, ты.

— Ты, Рита.

— Эй, эй, кончайте локальные выпивки! Костя, скажи лучше тост.

— Хорошо, ребята, — он задумался. — Понимаете, вот мы живём в городах и будем там жить, и каждый последующий день похож на предыдущий, и от этого никуда не денешься, так и должно быть, но из-за этого мы начинаем забывать, кто мы и зачем мы. А мы люди, и в наше время жить сыто и спокойно слишком опасно, опасно в том смысле, что можно забыть, что мы, люди, — мера всех вещей. А в походах есть время подумать об этом, есть возможность вспомнить, что такое человек человеку, почувствовать, как ты зависишь от людей и как люди зависят от тебя, и, стало быть, не потерять чувство ответственности, — а это главное. Я предлагаю выпить за чувство ответственности.

— Многословно, но — правда.

Я смотрела на Костю и думала: то, что он сказал, звучит как будто слишком высокопарно, здесь полшага до фальши, и всё-таки он удержался, не сделал этого полушага, — и ему веришь.

Костя медленно пил вино и смотрел на меня, но я чувствовала, что он сейчас где-то далеко-далеко, — только это продолжалось недолго, он встрепенулся и снова был со всеми.

— Нас прервали. Так отчего же тебя так интересует выражение моих глаз?

— Знаешь, Костя, ведь вы с Сашей можете занести на свой текущий счёт ещё одну спасённую.

— Это интересно, — впрочем, мой счёт уже закрыт.

— То есть?

— Давай не будем об этом сейчас.

— Ты думаешь, что будет «потом»?

— Кто знает? Ребята, нас скоро отсюда выгонят, поедем ко мне — мы ещё не всё допили, не всё допили, а завтра всё равно выходной. Рита, может, и ты с нами?

— Неудобно.

А мне на самом деле хотелось пойти с ними, но хватит ли у Кости настойчивости уговорить меня?

— Юра, уговори, Риту!

— Правда, Рита, пойдём, мы тебя проводим потом.

— Ты ещё не все песни слышала, а кроме того, может, это то самое «потом» и есть?

— Хорошо, только я ненадолго.

Жильё Кости.

В наши дни трудно по жилью определить, кто в нём живёт: стандартные дома, стандартная мебель, унифицированная радиоаппаратура. Но Костина комната имеет своё

лицо: в углу огромный телевизор без футляра, какие-то приборы, распределительный щит. На стенах фотографии: горы, горы, все разные и все в снегу. Ещё фотография: женщина в штормовке, в руках ледоруб, она смеётся прямо в объектив, за спиной у неё горы.

Кто это?

Проще всего спросить у Юры.

— Это Костина жена.

— У него есть жена?

— Нет. Ты разве не знаешь? Она погибла на Кавказе больше трёх лет тому назад.

Вот как. У человека гибнет в горах жена, а он продолжает ходить в горы — разве это возможно, а если сам?.. Это уже сумасшествие.

Вернулся Костя со стаканами. Ребята опять выпили, а мне не хотелось. Смотрела я на эту фотографию: большеглазая узколицая женщина смеётся... Ей хорошо, а сколько ей осталось жить?..

Я даже толком песен не могла слушать, всё отвлекала меня эта фотография.

Расходились за полночь. Костя подошёл ко мне вплотную, посмотрел прямо в глаза:

— Я провожу тебя.

— Хорошо.

Мороз к ночи усилился, и снег под ногами скрипит громко, визгливо, разгоняя тишину засыпающего города. Мы давно отпустили такси и шли совсем в обратную от гостиницы сторону.

Странно мне было: рядом со мной шёл сильный и добрый, очень грустный человек, и мне хотелось, чтобы он был рядом, и тревожно было, и ещё я помнила ту фотографию.

— Как всё удивительно складывается: сегодня с утра я считал, что это плохой день, — снег разбередил душу, потянуло на Север, а я туда больше не ходок. Потом на работе кое-что получилось хорошо, а потом — ты. Мы знаем друг друга несколько часов, но они такие насыщенные, что стоят недель.

— Я знаю тебя больше. По рассказам.

— Это не в счёт, хотя — может быть. Но ты свалилась на меня неожиданно, и я почувствовал, что жизнь продолжается, живые должны принадлежать живым.

Он повернулся и положил руки мне на плечи, притянул к себе.

— Не надо, Костя, — в сумраке не видно было его глаз, — не надо...

Руки его ослабли, и он отпустил меня.

— Я знаю, не надо. Идём.

— Не обижайся, просто незачем, уходя вперёд, оглядываться — туда ли идём. Понимаешь?

— Да.

— Хочешь, я расскажу тебе, как ты и Саша спасали меня?

— Да.

— Спас фактически Юра, но с вашей помощью.

Я рассказала ему всю историю моего замужества и её конец, он слушал не перебивая, а когда кончила, сказал:

— Это моя последняя спасательная экспедиция.

— Почему?

— Так, бросил это дело, работать надо.

— И только?

— Да.

— Это неправда.

— Смотри, опять снег пошёл...

— Ты не хочешь говорить?

— Нет.

Я почувствовала, что совсем замёрзла, мороз действительно был силен.

— Пойдём назад, лучше в вестибюле гостиницы посидим.

Там было тепло, у входа гудели калориферы, обдувая входящих тёплым воздухом, — невидимая преграда между холодом улицы и теплом дома.

Мы сели в свободные кресла. Костя расстегнул молнию куртки, закурил.

— Мне кажется, что ты вот-вот исчезнешь и я больше не увижу тебя.

— Я вот-вот исчезну, а завтра мы можем увидеться опять, я ещё несколько дней буду здесь. Дай мне сигарету.

— Ты разве куришь?

— Нет. Иногда. Послушай, Костя, мне непонятна одна вещь. Я сегодня провела целый вечер с вашей братией, наслушалась ваших разговоров, — не слишком ли много фанатизма в вашем увлечении? Ну, я понимаю — романтика, активный отдых, а зачем остальное — опасности, гибель людей даже?

— Нет, Рита, это не фанатизм, не походы ради походов. Здесь каждый получает своё. Это и поиск себя, и победа над

собой ради себя и других, это самопроверка и самовоспитание. И ещё: вся страна — это дом, в котором мы живём, большой дом, в котором много комнат, и интересно узнать, что там, кто там живёт. И потом, после походов чувствуешь себя мудрее и добрее.

— Но иногда за это приходится слишком дорого платить.

— Иногда очень. Таковы условия игры.

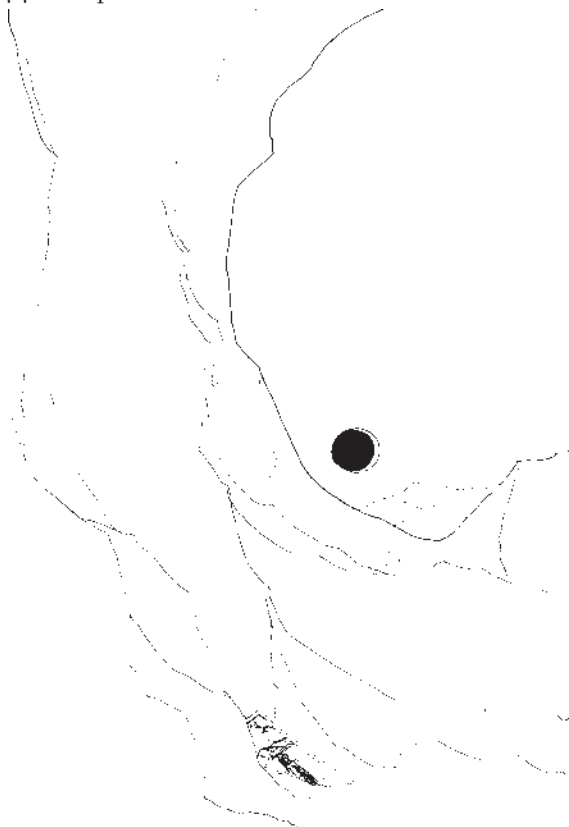
С чем-то я была несогласна, но не нашла, что противопоставить.

— Поговорим об этом завтра. Позвонишь?

— Обязательно позвоню.

— Спокойной ночи!

— До завтра!

3. САША ГАЛКИН

Это хорошо, что на сцену выплыла Рита. От Кости осталась одна видимость — после прошлой зимы он как умер, его ничто не интересовало, он всё делал по инерции, по инерции жил. Слишком много на него навалилось за эти годы, не вытянуть одному, — и чем больше его било, тем больше он замыкался, тем больше взваливал на себя, а последняя история его совсем подкосила.

Это хорошо, что появилась Рита.

Впервые после смерти Тани я увидел, что Костя заинтересовался женщиной, потому что после Тани они не существовали для него.

Может быть, теперь он немного оживёт, отгадет. Это очень нужно, это нужно Косте, нужно всем нам, потому что человек — не только внешность, имя, фамилия, но ещё и дела, и ещё — насколько ты нужен людям и чего они могут ждать от тебя, и ещё — насколько ты даёшь им ожидаемое. Вчера, сегодня, завтра. И это мы все понимаем, и Костя тоже. С таких позиций оцениваются достоинства человека, потому что общественное он животное, и это каждому с детства ясно. Раньше как было: знают ребята, что ежели плохо, то где-то есть Костя Серов, он поможет — будь то на Севере, в горах, или дома. Как же можно отказаться от всего этого, обмануть ожидание, недодать ожидаемое? Сначала удивятся, потом забудут: был человек, и нет его. Да и самому Косте легче не станет от такого решения, потому как он спасатель божьей милостью, а не как-нибудь ещё, и то, что он сделал, как раз и есть повторение библейской притчи о талантах. Но попробуй скажи об этом Косте!

Это хорошо, что появилась Рита.

Потому что я только песню могу спеть, а песня хороша, если ты заранее согласен с ней, а если нет — это бесполезно. Но песню я написал.

А всё-таки, всё-таки хочется жить,
Даже когда окончательно ясно,
Что выдуманные тобой миражи
Скоро погаснут, скоро погаснут.
Гаснут, и значит, к началу пути
Снова ты брошен, а путь давно начат.
Трудно, а всё-таки надо идти,
Хочется жить, невозможно иначе.

А Костя послушал-послушал, криво усмехнулся и сказал:

— Хороша песенка, для начинающих: несчастья, лавины — у девочек глаза гореть будут, ты им обязательно спой.

Ну вот, опять я не сказал того, что хотел, а так нужно было, особенно в этот раз.

Но что не может сделать песня, кажется, сможет сделать женщина. Субботу и воскресенье Костя пропадал с ней, в понедельник и во вторник он проводил с ней вечера, а в среду позвонил мне в клинику:

— Доктор, ты сегодня вечером занят?

— Нет, кажется, свободен, а что?

— Приходи ко мне, посидим покурим.

Я люблю эти Костины «перекуры», только давно их не было, значит, Костя и вправду оживает, — лечу!

— Хочешь выпить?

— А что у тебя?

— Сухое.

— Давай.

Крутится магнитофон, лента играет джаз, он очень любит джаз, мой Костя, он всегда говорил: «Вот где надо учиться гармонии». Он прав, он всегда прав, иначе он не был бы Шефом, а я не был бы Доктором.

Давно это было.

Я был хулиганистым парнишкой, балбесом порядочным. В милиции меня хорошо знали, а отчим махнул на меня рукой, он считал, что моё место давно в колонии.

Потом появился Костя:

— Вот что, ребята, довольно валять дурака — если вам скучно, то можно придумать что-нибудь получше ваших игр. Хотите в поход?

Это было что-то новое. Мы, конечно, хотели. Четыре дня похода для меня были временем сплошных открытий. Это был праздник, которого я раньше никогда не знал.

Потом он заставил меня окончить десятый класс, потом поступить в институт. Давно это было...

— Вот, Сашок, какая история получается, нравится мне эта женщина, впрочем, это не то, трудно подобрать слово...

— Есть хорошее старое слово — люблю.

— Да, ты прав, это, наверное, так, но я помню Таню, поэтому всё так запутано...

— Тани нет.

— Есть память.

— Одно другому не мешает.

— Как на это люди посмотрят, не знаю.

— Это неважно, гораздо важнее, как посмотрят люди на то, что ты заперся в четырёх стенах, бросил всё. Кому ты нужен такой? Та же Рита потянулась к тебе, может, только потому, что ты — Шеф, героическая фигура. Хочешь жить стрижкой купонов, надолго ли хватит?

— Я не желаю больше говорить на эту тему.

— Эх, Костя, порвал ты знамёна, а палки-то ещё целы. Налей-ка мне.

Молча мы выпили, только труба на самых высоких нотах тянула импровизацию и бубнил тему оркестр.

— Ну ладно, какая она, Рита? Я же её только один вечер видел.

— Не знаю даже, что и сказать. Одно знаю — всё время хотелось быть вместе, а вчера вот уехала, и тянет к ней, так тянет... Взял бы да уехал.

— Может быть, это и хорошо.

— Я хочу выпить за неё.

— Давай.

Мы выпили, потом Костя сменил плёнку, и опять комнату заполнил джаз: немного меди и соло фортепиано, а ударные и контрабас — скромные работяги — очерчивали ритмику. Тревожащая и всё-таки до конца непонятная музыка.

— Ты давно любишь джаз?

— Давно, может, ещё со школьных времён, а потом, когда сидел радистом на Памире, слушал почти круглосуточно. А начальник метеостанции был большим знатоком этой музыки, он и меня научил разбираться в ней. Твоим мелодиям далеко до этого.

— Я знаю, но для меня главное — слова.

Да, главное в песне — это слова. Попробуй напиши песню с красивой мелодией и с неинтересными словами: её будут слушать, даже петь, но очень скоро забудут. А если хорошие слова и плохая мелодия? Такую песню будет неинтересно слушать, мелодия будет раздражать, будет мешать слушать слова. Значит, всё-таки и то, и другое, потому что это — песня: в ней есть и слова, и мелодия, и исполнение, — надо ещё и уметь петь. Как много всего надо уметь, как много времени уходит зря...

— Скоро Новый год.

— Встретим в лесу?

— А как же иначе?

— Рита приедет?

— Пока не знаю, но хочу праздник встретить с ней.

Странное у меня было чувство после этого «перекура»: вроде бы Костя сидит на тех же позициях, и ничего нового не сказал, и ни с чем не согласился, но сам позвал меня к себе и сам вспомнил о празднике. Посмотрим, впереди больше месяца до начала сезона.

На Центральной площади уже стояла огромная ёлка, лампочки ещё не были подключены, и её тёмный конус высился над домами.

Автобус обошёл караваны медленно бредущих снегоуборочных машин, с грохотом сгребавших снег. Зима. Это Костя приучил меня по-особому относиться к зиме, считать её лучшим временем года, любить её приметы, и теперь он делает вид, что ничего не произошло: зима так зима, снег — мёрзлая водичка, и какое ему до этого дело?

Когда не стало Тани, Костя лечил себя активной деятельностью: стал спасателем и спас самого себя — по крайней мере, он оставался человеком. Теперь он вбил себе в башку, что работа спасателя не для него. Если бы удалось как-нибудь утащить его в горы...

Что же ты притих?

Нам пора уйти
снова на зимовье,

Где — когда пурга —
Белые снега
нам в лицо пылят,

Где полярная
Длинная дуга
служит изголовьем

И лежит в ногах,
В тающих снегах
вся моя земля.

Это важно, где
И какой горе
сдать души недуги

И куда бежать,
Чтобы побеждать
годы и себя.

Ты ещё не стар,
Ты же не устал
Северу быть другом.

Рано связи рвать,
Рано отставать
от своих ребят.

...Тогда Костя мне сказал:

— Этой зимой я буду работать в спасотряде, хочешь поехать врачом?

— Когда трубят твои трубы, я всегда готов встать под твои знамёна, мой Шеф. А справлюсь ли?

— Я в тебя верю, мой мальчик.

Служба была спокойная, мы даже сами успели сделать поход, а весной началось...

Ураганные ветры со снегом, в горах лавины, а на маршруте группа. Мы нашли тех ребят, обмороженных, потерявших силы, потерявших надежду. И мы их тащили через перевал в пургу. Костя обморозился сам, но тащил как зверь, из последних сил, только приговаривал:

— Ничего, ничего, надо, сможем.

И смогли.

За перевалом нас ждали вездеходы, а потом Костя месяц провалялся у меня в больнице.

Я напомнил ему об этом случае.

— Да, но тогда от нас требовалось одно: действовать. Было очень плохо, очень тяжело, но было просто, нам не нужно было выбирать, нам нужно было работать. Тогда наша совесть была чиста.

— А сейчас?

— Сейчас нет.

— Ты стал просто рефлексирующим интеллигентом.

— Не копайся, Саша, в конце концов, я лучше других в себе разберусь.

— Ну и разбирайся!

Один из самых дорогих для меня людей развенчивал сам себя.

Не дай вам бог, когда придёт беда,
Уйти в себя, закрыться на запоры.
Сказать «прости» оставленным следам
И отказаться, не вступая в споры,
От рук друзей, не подавать руки
И прятать взгляд от ищущего взгляда,
Рассудком жить рассудку вопреки
И застывать — кому же это надо?

Из письма Кости

«Я всё помню: и вечер, когда впервые тебя увидел, и снегопад, и когда первый раз поцеловал тебя. Это произошло само собой, мы уже не убегали вперёд и незачем было оглядываться. Ты всё время со мной, что бы я ни делал, ты — со мной. Но это только моя выдумка, а на самом деле где ты — не знаю, нужен ли я тебе, думаешь ли ты обо мне — ничего не знаю. И всё-таки мне хорошо, я не знаю, что будет потом, не знаю, будешь ли ты писать мне, не знаю, захочешь ли увидеть меня, нужно ли тебе это. Но я люблю тебя, очень скучаю по тебе, очень хочу тебя увидеть. Может быть, ты сможешь приехать сюда на Новый год? Может быть, приехать мне к тебе?..»

Телеграмма Риты

«Не выдумывай. Нужно. Приеду. Рита».

4. КОСТЯ СЕРОВ

Сначала пришло ощущение счастья, потом я проснулся, а ощущение не уходило, и я вспомнил: сегодня приезжает Рита. Нужно отпроситься с работы, нужно достать цветы, у нас зимой это не так легко сделать: люди с благодатного юга не балуют Минск цветами, придётся в Ботаническом саду поупрашивать.

Последние дни прошли в суете, но это была приятная суета. Наша лесная избушка уже украшена. Всё подготовлено к празднованию Нового года.

Автобус. Первая сигарета. Лаборатория.

— С наступающим Новым годом!

— С новым счастьем!

Какие все красивые, добрые, если бы люди каждый день были такими. А впрочем, того и не нужно, скучно было бы жить, да и примелькались бы эти красота и доброта.

Несмотря на диалектико-материалистическое воспитание, люди где-то в глубине души — язычники, и Новый год — самый языческий праздник, вот они и приносят в этот праздник маленькие жертвы своим маленьким божкам и просят для себя и других успехов, здоровья, удачи. А потом, через сутки, они уже опять становятся диалектиками. Но так приятно на день в году стать языч-

ником. А потому какая там работа 31 декабря? Наши женщины освободили от радиохлама подоконник и установили на нём ёлку, а украсить её — совсем просто: тот же радиохлам, подвешенный на ёлку, смотрится очень мило.

— Костя, ты не будешь с нами встречать праздник?

— Нет, спасибо, я — в лесу, у нас уже всё готово.

— Новый год — всё-таки домашний праздник.

— Кто знает, где мой дом больше? Мы можем здесь слегка попряздновать, я шампанское принёс.

— Я тоже. Борис Алексеевич, можно?

— Сегодня можно. Выключайте приборы, и двери — на запор!

— Борис Алексеевич, вы сегодня такой добрый, что хочется вас расцеловать.

— Так целуйте, я всегда добрый, только скрываю.

Горят лампочки на ёлке, в разномастной посуде пенится шампанское.

— С Новым годом!

— С Новым годом, Костя!

— С Новым годом, Наташа!

— А знаешь, ты за несколько дней сильно изменился, стал мягче, что ли, — с чего бы это? Говорят, тебя видели с девушкой...

— Возможно.

— Ну, дай бог, а то жалко на тебя смотреть было, — желаю счастья.

— Спасибо, Наташа, и тебе также. Борис Алексеевич, можно мне уйти сегодня пораньше?

— А как пораньше?

— Часов в двенадцать.

— Да мы все в двенадцать уйдём, сегодня можно.

А я волновался.

Аэропорт.

Я так привык летать на самолётах, что в моём понимании аэропорты давно уже отняли у вокзалов право быть символами встреч и разлук, расстояний и перемен. Иногда я прихожу в аэропорт безо всякой видимой нужды, просто потому, что смутно на душе. Толкаюсь в кассовом зале, выхожу на перрон, смотрю на самолёты, встречаю незнакомых пассажиров, прилетевших из незнакомых городов. А в Полярноуральске я в аэропорту свой человек. Лётчи-

ки — мои приятели, вертолётчики — мои друзья, и летать с ними приходилось, и выпивать. Когда я теперь их увижу, да и увижу ли?

— Внимание! Произвёл посадку самолёт, следующий рейсом Б-52 из Гомеля!

Вот он, АН-24, гремя турбинами, медленно подруливает к ограде. Ну, скорей же! Как долго вертятся винты, никак не погасить инерцию. Наконец остановились. Сейчас подкатят трап, откроется пассажирский люк. Секунды, секунды, длинные, как часы. Холодно. Или жарко? Чёрт его знает. Выходят. Один, другой, третий, десятый.

Красная куртка, чёрные брюки, большая спортивная сумка.

Рита!

— Костя, милый!

Мы стоим обнявшись, здесь можно. Люди оглядываются, но не осуждают, здесь можно.

Я забираю у неё сумку и отдаю цветы.

— Спасибо, милый. А ты, оказывается, внимательный.

— Так это же очень просто, когда всё время думаешь о тебе.

Она прижалась к моему плечу, потом посмотрела на меня:

— Знаешь, я тоже всё время о тебе думаю. Ты не разлюбишь меня?

— Нет. А ты можешь?

— С чего ты взял?

— Мне так Доктор нагадал, а он поэт и значит специалист по теории.

— Он же меня совсем не знает.

— Он знает меня.

— Что, тайные пороки?

— Нет, явное отсутствие достоинств.

— Я всегда знала, что мужчины любят кокетничать.

— Но я бросил всё, чем был богат, это решено твёрдо, и сейчас я бедняк.

— Ты всё время говоришь намёками, я ничего не понимаю, расскажи мне, в чём дело?

— Как-нибудь потом.

— Хорошо, я подожду. Где мы будем встречать Новый год?

— В лесу есть чудесная хижина, там будут прекрасные люди. Тебя это устраивает?

— Да. В полночь там появятся Дед Мороз, Снегурочка, леший, домовый и другая очень симпатичная нечисть. Так?

— Если захочешь её увидеть, надо только в разгар ночи выехать на лыжах в лес.

— Ну вот, а я не взяла ни лыж, ни ботинок.

— Для тебя всё приготовлено в хижине.

— Нет, ты правда очень внимательный.

— Не стану повторяться. Едем сейчас ко мне, я тоже должен собраться.

В такси она прижалась ко мне, и я обнял её за плечи. В зеркальце увидел короткий взгляд таксиста. Пускай смотрит таксист, свидетель обрывков чужих радостей и горестей.

— Нам на «Восток»!

Ёлка на площади Ленина, ёлка на Центральной площади, ёлка на площади Калинина — сколько радости для детей! А вот и «Восток», мой дом, третий этаж.

— Вот мы и дома.

Рита посмотрела на меня долгим взглядом, и я понял, что опять убежал вперёд, по её терминологии, но поправляться не стал.

Она сняла куртку, шапочку, осмотрелась:

— Я уже третий раз у тебя, а ты ещё ни разу у меня не был.

— Буду обязательно. Хочешь есть?

— Нет.

— А кофе?

— Хочу.

Я вышел на кухню и поставил греться воду, а когда вернулся назад и увидел её, меня захлестнуло такое чувство нежности, что дышать трудно стало. Я обнял её, а она опустила голову мне на плечо.

— Я люблю тебя.

— Скажи ещё раз.

— Я люблю тебя.

— Ещё.

— Люблю.

— Ты должен мне в эти дни говорить такие слова много-много раз, чтоб у меня их был большой запас. А когда тебя не будет рядом, я смогу тратить их понемногу, и пусть их хватит надолго.

Я нашёл губами её губы. Они были тёплыми и мягкими.

И я забыл про всё: про Север, про Новый год, даже про воду для кофе, которая выкипала на плите...

Рита опомнилась первая:

— Тебе, кажется, надо было собираться, и, кажется, ты ставил воду.

— Да, я совсем забыл. Это ты виновата.

Она поцеловала меня и оттолкнула:

— Мужчины должны заниматься своими делами. Переодевайся, а кофе я сама сварю.

До конца года осталось всего несколько минут. Мы собрались у старой ели возле хижины и ждали первого удара курантов. На ели горели разноцветные лампочки, и все участники праздника — их было человек двадцать — были залиты призрачным светом. Рита стояла рядом со мной. Уходили последние секунды старого года — каким будет год новый?

Бам! Бам!

— С Новым годом! С новым счастьем!

А потом мы неслись по ночному лесу на лыжах. Мелькали кусты, деревья, и, если очень захотеть, можно было предположить, что из-за них выглядывают сказочные обитатели леса.

Я сказал об этом Рите.

— Конечно, я их вижу. Вон там, а вот ещё, — она остановилась, и я подъехал к ней, встал рядом.

— Поцелуй меня, Костя. Ты будешь меня любить?

— Всегда.

— Мне больше ничего не надо.

А потом мы сидели в хижине, пили и вместе, и по отдельности, когда были исчерпаны тосты, но не исчерпаны запасы выпивки.

Сашка сидел поблизости от нас и пел как заведённый. Это он ублажал Риту, он к ней явно благоволил.

— Саша, отдохни, иди выпей.

Рита взяла стакан, посмотрела сквозь него на окно и сказала:

— Я хочу выпить за тебя, Саша, за твои песни, они мне очень помогли когда-то.

— Спасибо, Рита, я очень рад, что это так, хотя и ничего особенного не делаю. Всё просто: кому-то надо говорить о

том, что все и так знают, я не делаю никаких открытий, просто говорю.

— Во всяком случае, ты честно выполняешь эту работу.

— Да, он честно выполняет свою работу, что не каждому удаётся, — это сказал я.

— Перестань, Шеф.

— Хорошо, не буду, давайте танцевать.

— Да, да, танцы!

Я включил магнитофон и протянул Рите руку.

— Прошу вас.

— А ведь мы с тобой первый раз танцуем.

— Мы ещё много будем с тобой танцевать.

— Да, — она помолчала немного, а потом неожиданно сказала:

— Ты должен мне рассказать о прошлой зиме.

— Да, наверное, ты права и нужно всё рассказать, ничего не приукрашивая и не жалея себя... Так с чего же начать?

— С начала.

— Хорошо. Давай сядем в сторонку.

5. КОСТЯ СЕРОВ

Началось всё как обычно, как начиналось каждый год уже три года подряд: пришла в январе бумага из ВЦСПС с просьбой освободить от работы инженера Серова К. А. с 30 января по 30 апреля «для работы на КСП (контрольно-спасательный пункт) в районе Полярного Урала.

Когда я показал эту бумагу своему начальнику, Борису Алексеевичу, он только вздохнул:

— Не знаю, может быть, ты там кого-нибудь и спасёшь, но меня ты доведёшь до инфаркта. Это уж точно.

— Ну, Борис Алексеевич, не такой уж я важный работник, чтобы из-за меня так терзаться.

— Работник ты действительно неважный, но сейчас каждый человек на счету. Ну что с тобой делать: я не отпущу — ты через мою голову уйдёшь.

— Конечно.

— Смотри не замёрзни там.

— Не замёрзну.

Вечером я позвонил Саше.

— Привет, Доктор! Протрубили трубы, пора седлать своих деревянных лошадок, то бишь вострить лыжи. Ты как, получил бумагу?

- Получил, Шеф, и готов встать под твои знамёна.
- Приходи ко мне, перекурим это дело.
- Приду.

Через два дня мы были в Москве, пробыли там три дня, получили снаряжение, медикаменты, инструкции и уже четвергом вылетели в Полярноуральск.

Для АН-10 пять часов лёта, вот и Заполярье — короткий день, длинные тени и морозы с ветрами. Полярноуральск — обычный город, улицы как улицы, дома как дома, за городом видны горы, всё нормально, только зимой очень мало света и очень мало тепла, и это накладывает отпечаток на людей, живущих там: тепло приходится черпать друг в друге, и это тоже одна из причин «северной болезни». Никто не бывает на Севере однажды.

Сначала сами сходили в горы, а потом потекла служба. Выпустили в феврале две группы, которые благополучно прошли маршрут. В марте выпустили ещё три группы, потом наступило затишье.

В конце марта принесла почта ещё одну маршрутную книжку: группа из Куйбышева, шесть человек, в том числе одна женщина, поход пятой категории сложности, начало маршрута в посёлке Северный, конец — станция Халь-Из на железной дороге, идущей на восток, к Оби. Контрольный срок — через двадцать дней после выхода.

— Когда у них начало похода?

— Послезавтра. Завтра они будут здесь, познакомимся. Мы сидели в оперативке КСП и смотрели схему.

— Если учесть нынешнюю погоду, то маршрут очень сложный: в горах почти каждый день метёт. Трудно им придётся.

— Может, закрыть маршрут? — предложил кто-то.

— Нет оснований. Идти в такую погоду можно, а новички в «пятёрку» не ходят, так что эти должны пройти. Завтра посмотрим на них.

На следующий день в КСП появились двое парней, одетых в одинаковые меховые куртки.

— Здравствуйте! Можно увидеть начальника КСП?

— Можно, это я. Серов.

— Алексеев.

— Гайнулин.

— Садитесь, поговорим. Маршрут свой, надеюсь, изучили хорошо? Карты хорошие?

— Да, всё в порядке.

— Обратите особое внимание на перевал Неожданный. Склон там лавиноопасный. Подъём не тяжёлый, зато спуск... Верёвки, ледорубы, кошки — всё это может понадобится.

— У нас есть.

— В конце Чёрного озера стоит домик с печью, там иногда останавливаются трактористы. Если что случится — спрямляйте маршрут и прямо туда. Оттуда — на метеостанцию, не заходя в горы. Пока всё. Где ваши ребята?

— На станции, ждут поезда на посёлок Северный.

— Выход мы вам разрешим. Саша, пойдём посмотрим на них и на снаряжение, проверишь их медицину.

Ну и ну! Махонький зал ожидания, казалось, был до отказа забит шестью пузатыми рюкзаками, да ещё лыжи, да ещё сами ребята.

Они нас ждали.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!..

— Как настроение?

— Отличное, Урал будет нашим!

— Не сомневаюсь. Покажите палатки, примусы, аптечку. Снаряжены они были хорошо, ничего не скажешь.

— Если после похода будете в Полярноуральске, зайдите на КСП, расскажете, как прошли.

Подошёл поезд, и ребята стали грузиться. Я посмотрел на невысокую фигурку Вали и позвонил Алексева.

— Слушай, Виктор, береги жену — это Полярный Урал. Ты, надеюсь, понял, что я тебе сказал?

— Понял, спасибо.

— Не за что, ну, счастливого пути, возвращайтесь победителями.

И все хором:

— До сви-да-ни-я!

Жизнь шла своим чередом, мы бывали в гостях у авиа-торов, слушали северные истории, Доктор пел песни, иногда выпивали — это Север.

А погода с каждым днём становилась всё хуже: шли снега, и даже в городе чувствовалось, как сильны ветры, а в горах этим ветрам есть где разгуляться.

В очередной раз просматривая график группы, я определил, что вчера или сегодня ребята должны были прийти на метеостанцию.

— Надо будет завтра связаться по радио с метеорологами. Я не суеверный, но сдаётся мне — будет работа.

На следующий день в гидрометцентре мы попросили связаться с метеостанцией.

— Связь будет через полтора часа.

— Мы подождём.

Через полтора часа выяснилось: группа не приходила.

— Свяжитесь с геологами, может быть, трактористы их видели.

— Попробуем.

Через полчаса выяснилось: шесть дней тому назад они были в домике у Чёрного озера, собирались уходить через перевал.

Вот так. До метеостанции ходу всего три-четыре дня, ещё добавим день, итого пять, всё равно не получается.

— Нужно готовить отряд к выходу: если они завтра не придут на метеостанцию, будем искать их. Нужно просить у авиаторов вертолёт.

На другой день ребята готовили снаряжение, а я пошёл в авиаотряд.

— Понимаешь, Костя, без разрешения свыше мы не можем дать вам машину, — знаешь, сколько стоит час вертолётного времени?

— Знаю, Михалыч, но там, в горах, люди.

— Ладно, что-нибудь придумаем. Была б моя воля, я бы запретил этим бездельникам лазать в горы зимой. Это вам не Крым. Судить за такие дела надо.

— Ладно, Михалыч, о моральных аспектах туризма мы с тобой потом подискутируем, когда вернёмся. Когда будет вертолёт?

— Через два часа.

— Спасибо.

Плыла под нами белая тундра, петляли реки, а через двадцать минут начались горы, белые, с чёрными пятнами обрывов. Вертолёт поднялся выше. Ничего не было живого под нами: мёртвый мир, только бежала по горам, не отставая от нас, тень вертолёта.

— Иголку в стоге сена ищем, — прокричал мне пилот, — где тут разглядишь чего. Ещё хорошо, что погода ясная, а то совсем бы худо было.

Я ничего не ответил. Как бы там ни было, а эту иголку нам всё равно надо найти.

— Скоро будет метеостанция. Видишь речку? Это Саньяха, скоро посадка.

— Готовьтесь, ребята!

На метеостанции нас ждали.

— Когда выходите?

— Сразу.

— Выпейте чайку на дорогу, и поедем.

— Спасибо.

В домике метеостанции было тепло, уютно. Тикали часы на стене, тикали часы на передатчике. Время неумолимо шло. Принесли по-северному крепкий чай, молча выпили. Потом пилоты встали.

— Нам пора.

— Нам тоже. Спасибо, счастливо долететь.

— И вам удачи. Держите связь — когда найдёте ребят, может, прилетим.

Вертолёт медленно поднялся, обдав всех снежной пылью, и исчез за горами, затих.

И мы собрались.

Справа горы, слева горы, посередине гусеничный ГАЗ-47, и мы в нём резво катим по тундре.

Я сел рядом с водителем и смотрел вперёд.

— Вряд ли они будут здесь, — сказал водитель. — Часа через два будем у домика, может, там они. Зажги-ка мне сигарету.

Я дал ему закурить, и дальше катили молча, да и трудно было говорить: грохот в вездеходе стоял не хуже, чем в вертолёте.

А потом горы слева отступили в сторону и вдали показался маленький фанерный домик с высокой трубой. За домиком, стиснутое с двух сторон горами, лежало Чёрное озеро.

— Вот и приехали, только нет тут никого, в горах они.

В домике было пусто и холодно.

— Ну что ж, через день-два мы их найдём, — я был уверен в этом. — Ну, спасибо, Борис, будем с вами держать связь.

— Будем ждать. Счастливо.

Развернулся вездеход на месте, фыркнул и зашлёпал гусеницами по снегу, только комья в разные стороны полетели.

Мы вытащили карту, осмотрелись, наметили ориентиры и встали на лыжи.

Сначала дорога шла по речке, на которую с обеих сторон навалились горы, — мы шли, а они всё ближе подступали, ближе, а потом долина превратилась в узкий каньон, только полоса неба над головой. Через полтора часа сделали привал, развернули рацию — нужно было проверить связь. Слышно было хорошо, и мы договорились с центром о времени сеансов радиосвязи.

Лыжи легко скользили по твёрдому насту, и когда мы поднялись на водораздел, было ещё светло.

— Пройдём до темноты ещё километров шесть, а дальше сегодня нет смысла идти: в темноте ещё и мимо проскочить можно.

И вдруг Саша, шедший впереди, крикнул:

— Смотрите, вон они!

Рядом с одиноко торчащей скалой была сделана снежная стенка, защищающая палатку от ветра. За стенкой должна была быть палатка.

За стенкой была пустая яма, в которой валялось несколько пустых консервных банок. Больше ничего.

— Здесь они были, мы на верном пути. Надо спешить.

— Что же с ними случилось, где их прихватило?

— Может, лавину спустили?

— Это будет самое плохое, но может быть и ещё десяток менее страшных вариантов.

— Узнаем завтра.

Усиливался ветер, идти становилось всё труднее, и часа через полтора, найдя более или менее защищённую от ветра расщелину, мы остановились, быстро установили палатку и устроились на ночлег.

Палатка трепетала от порывов ветра, и пламя свечи нервно вздрагивало, и плясали на стенках тени, причудливые, как картинки из сказок. Уютно фырчал примус — наш источник тепла и горячей пищи, источник жизни.

Развернули рацию.

— Центр, центр, я КСП, как слышите? Приём.

Слышимость была скверной: радиоволны частично отражались горами. Это было плохо: вдруг ребята будут найдены в таком месте, где нас совсем не услышат, тогда трудно будет рассчитывать на помощь. Мы передали свои координаты и завтрашний азимут — это хоть что-то. Главное — пройти перевал, там уже проще, только бы они в лавину не попали.

— Не будем загадывать наперёд.

На душе у меня было тяжело, потому что спасатели — как солдаты: хорошо, когда они стоят на страже, но плохо, когда они заняты своим основным делом.

6. КОСТЯ СЕРОВ

Подъём на гребень перевала занял у нас половину дня, а там, в каменном туре, мы нашли записку, оставленную группой. Записка была написана четыре дня тому назад. Они были где-то недалеко, поэтому теперь нам особенно нужно было быть внимательными. Где-то здесь неподалёку произошло несчастье, какое — неизвестно. Люди столкнулись с чем-то, чего не смогли преодолеть. Возможно, нас ожидает то же, а нам нельзя рисковать собой: несчастье с нами — двойное несчастье. Впереди лежал крутой спуск с перевала.

— На лыжах здесь не пройдём, снимайте их.

— Может, не стоит, спустимся осторожненько, жаль столько времени терять.

— А голову терять не жаль? Хочешь лавину подрезать? Сэкономим час-два, а потерять можем всё. Пойдём в связках по двое. Саша, мы первые.

Тяжело было пахать этот склон. Когда все спустились, полчаса сидели, приходили в себя, потом взвалили рюкзаки и пошли на лыжах дальше.

За спиной на фоне иссиня-чёрного неба белела врезанная в скалы чаша перевала. Над скалами висели казавшиеся снизу неподвижными языки поднятого ветром снега: там опять начиналась пурга, а здесь, внизу, пока было относительно тихо.

С обеих сторон над ущельем нависали скалы, а ещё скалы были за спиной и впереди тоже. Где-то дальше был ещё один перевал, а пока вперёд вёл довольно пологий спуск, усеянный камнями. Нужно было очень внимательно смотреть под ноги.

Мы катились вниз не более десяти минут и вдруг увидели палатку: почти до конька засыпанная снегом, прижатая к скале, она была незаметна. Нам просто повезло, что мы её увидели.

Что же там?

Все стояли неподвижно, не решаясь сделать эти несколько десятков шагов, потом оцепенение прошло, и все бросились вперёд.

— Ребята, как вы там, живы?

Послышались голоса, приглушённые снегом, завалившим палатку.

— Живы! Нас нашли! Люди!

Быстро скинули рюкзаки, сняли лыжи. Саша вытащил из рюкзака лопатку и начал отбрасывать от входа снег, остальные ледорубами помогали ему.

— Ставим здесь свою палатку и вторую тоже. Сегодня никуда не пойдём, скоро стемнеет, — ещё неизвестно, в каком они состоянии, смогут ли идти. Вызывай, Лёня, метеостанцию.

Лёня достал рацию и начал настраиваться. Наконец палатка была освобождена от снега, и сразу несколько человек начали расстёгивать вход.

Небритые, с ввалившимися глазами, они лежали в промёрзлых спальных мешках и смотрели на нас.

Алексеев был без сознания. У женщины по щекам катились слёзы, она улыбалась и всхлипывала:

— Я знала, что кто-нибудь придёт. Я всё время ждала и всем говорила. Витя, за нами пришли, — она повернулась к Алексееву. — Витя! — он не отзывался, и она опять заплакала. — Несчастье какое, что же с ним делать? Спасите его, ему совсем плохо!

— Как всё произошло? Рассказывайте!

— Был туман, когда мы спустились с перевала, — не хотелось застрять на гребне, и мы решили спускаться. Чуть выше отсюда Витя налетел на камень, — она всхлипнула, — сломал лыжу и, кажется, нога тоже сломана. Я не знаю. Сразу за ним ехал Женя, он тоже тут упал и сильно ушибся. Остальные успели затормозить. Остановились здесь. А потом пурга двое суток, порвалась палатка, нас стало засыпать. Ребята отдали тёплые вещи пострадавшим, а позавчера мороз усилился, и обморозились Боря и Саша. Мы отогревались примусом, больше суток не гасили его, а потом бензина осталось совсем мало... Мы бы не выбрались отсюда сами...

Вот такие весёлые были у них дела. Ко мне подошёл Лёня и тихонько шепнул, что связи нет. Только этого нам не хватало.

— Попробуй ещё. На всех каналах попробуй.

Мы осторожно перенесли ребят в нашу вторую палатку, зажгли бензиновую печь, и стало тепло. Ребята начали приходить в себя: впервые за неделю им было тепло. Саша занялся Алексеевым и вторым — Женей. Ну, Саша своё дело знает. Я пошёл в нашу палатку на помощь Лёне. Мы

бились над рацией почти час и ничего не добились, нам никто не отвечал: горы нас надёжно заэкранировали.

— Придётся пробиваться самим.

— Тяжело будет.

— Тяжело. Сделаем из лыж нарты, на них положим больных, остальных максимально разгрузим. Всё лишнее оставим.

— А что у нас лишнее?

— Да, это тоже верно, лишнего мало. Придётся крепко поработать. Главное — выбраться из гор, а там нас услышат и тогда помогут.

Вход в палатку зашевелился, и в проёме показалась Сашина голова:

— Дайте-ка залезть.

— Осторожней только. Как дела?

— Плохи дела. Алексеев — на грани жизни и смерти, нужна операция. Второй, как его, Женя, да? Он идти не может — кажется, трещина в кости. Ещё у двоих обморожены пальцы на ногах, ты бы посмотрел, в каком они виде — шкура клочьями слезает. Сплошная романтика — не туристский поход, а полярная экспедиция конца прошлого века. Остальные — Гайнулин и Валя — без явных повреждений, но — не блеск, это уже не бойцы, такая депрессия, как будто они пешком Ледовитый океан пересекли и потеряли на пути половину товарищей. Ну, а у вас что? Как связь?

— Нет связи.

— Хреново дело. Алексеева за этот рывочек с перевала дисквалифицировать надо. Хотя его уже жизнь дисквалифицировала. Боюсь, останется без ноги. Это в лучшем случае...

— А в худшем?

Сашка только рукой махнул:

— Жалко парня, и её тоже. Очень жалко. Дайте кто-нибудь закурить.

— Возьми, Саша. Завтра выходим с рассветом. Ты ночуй у них, мало ли что понадобится.

— Сейчас покурю и пойду. Когда подъём?

— Часов в пять, надо ещё собрать нарты.

— Думаешь, за один день успеем выбраться?

— Другого выхода нет.

— Да, будем нестись как метеоры, как говорил один ди-строфик.

— Другого выхода нет.

— Ну, я пошёл, не скучайте. — Он вылез из палатки.

— Лёня, ты завтра дежуришь. Встанешь в четыре утра. Еду готовь на всех, на двенадцать человек. А теперь — спать.

— Я помогу Лёне.

— Хорошо, Вася.

Что-то плохо мне в эту ночь спалось: засыпал, и просыпался, и опять засыпал. Среди ночи проснулся, зажёл фонарь и посмотрел на часы — половина третьего.

Ветер.

Ветер гудел, как паяльная лампа, и палатка билась так, что скрипели лыжи, распиравшие её. Никто пока не просыпался.

Это всё. Этого я не ожидал. Как теперь выбираться? Сами бы мы как-нибудь прошли, сами бы мы и переждать могли, а как теперь быть?

Ждать — нельзя: парней нужно срочно в больницу. Идти — нельзя: пока мы их будем тащить, они замёрзнут. А Гайнулин и Валя тоже нам не помощники. Ну, Костя, думай, думай, тебе решать, в твоих руках теперь жизнь и смерть этих людей. А может, к утру утихнет? Хотя здесь так не бывает: если уж закружит, то не меньше чем на сутки. А если дольше? Что делать? Столько мыслей, и ни одна из них не решение. Ясно одно: идти нельзя — это гибель для нескольких человек. Остаться нельзя — Алексеев здесь погибнет.

С такими весёлыми мыслями я пролежал до четырёх часов, а потом разбудил Васю и Лёню.

Оба они сразу оценили обстановку, и Вася сказал:

— Ну и погода, как в кино. Как идти будем, командир?

— Поживём — увидим, пока надо завтрак готовить. Я помогу вам, всё равно не сплю.

Загудели примусы, и сразу стало теплее. Я захватил кастрюли, вылез из палатки, и сразу набросился на меня ветер, сбил с ног, снег залепил глаза. Я кое-как набил кастрюли, вырезал несколько снежных кирпичей и передал всё это в палатку, потом добрался до второй палатки и разбудил Сашу.

— Ну, как там погода?

— Дует, как в аэродинамической трубе. Разожги печь, чтоб теплее было, бензина у нас хватит.

Через час был готов завтрак, и тогда мы разбудили остальных. Все смотрели на меня и ждали решения, а его у меня ещё не было.

Первой заговорила Валя:

— Мы всё равно пойдём? Да? Ходят же люди и в пургу, если очень надо?

— Не волнуйся, Валя, мы что-нибудь придумаем, да и пурга, может, скоро утихнет.

Я-то знал, что пурга утихнет не скоро, и она это тоже хорошо знала.

Но ещё я знал, что ни Валя, ни Гайнулин не смогут пройти эти тридцать километров.

Саша молча занимался больными, в разговор не вступал, у него была своя работа.

— Пока поешьте, а потом будем решать. Сейчас соберём нарты, а когда станет совсем светло, посмотрим, как нам идти.

Валя немного успокоилась, хотя и чувствовала, что говорю я не очень уверенно.

— Доктор, что с Витей? Он будет жить? Помогите ему!..

— Я и так делаю всё, что могу. Не волнуйся, положим его в больницу, и всё будет хорошо.

— Значит, надо идти, надо быстрее уходить отсюда. Я пойду помогать вам, — она начала подниматься.

— Не нужно, лежи пока, ещё успеешь намёрзнуться. Мы сами справимся.

Я вылез из палатки. За мной вылез и Доктор.

— Ну что, Саша?

— Плохо. Он протянет ещё день-два, а потом будет поздно.

А ветер сбивал с ног, и приходилось ложиться на него грудью, чтобы не упасть.

— Так что же будем делать?

— А ты не знаешь?

— Знаю, но мне трудно решиться.

На обеих чашах весов лежат человеческие жизни.

— Он точно долго не протянет?

— Да, Костя, это почти точно.

— А всё-таки, что ты думаешь?

— Как врач я считаю, что надо спешить, жизнь человека в опасности. Как турист я понимаю, что мы не пройдем, надо переждать пургу. А как человек... Мне тоже трудно, но я знаю, что у меня есть командир, который для того и существует, чтобы в критической обстановке осуществлять руководство. Если бы не было критических ситуаций, не нужны были бы командиры. Ты самый опытный и знаешь лучше меня, что выход пока только один.

— Да, но это будет на моей совести. Хватит ли силы? И всё равно пока будем готовиться к выходу.

А ветер всё не унимался, даже, кажется, стал сильнее, и пока шёл этот разговор, мы задубели от холода. Залезли в палатку. Вся наша шестёрка была в сборе. Это всё сильные ребята, все они знают, что такое идти в пургу, знают, что это хотя и трудно, но если нужно — возможно.

— Ну вот что, бойцы, будем собираться. Дайте-ка рацию, попробую ещё раз выйти на связь.

— Всем, всем — я спасотряд КСП — всем, всем. Приём. Щёлкнуло реле.

И ещё несколько раз, на разных каналах. В телефоне только шорох разрядов. Иногда обрывки музыки, радио-переговоров, но всё очень тихо, неразборчиво.

— Всё, хватит, — я выключил рацию и стал её укладывать. — Пошли готовить нарты.

Мы вылезли из палатки и стали свинчивать каркасы и крепить их к лыжам. Когда нужно было снимать варежки, руки сразу немели, пальцы переставали гнуться, потом приходилось долго отогревать их под одеждой. Когда пальцы отогревались, приходила боль. Наконец нарты были собраны и я опять залез в палатку к Алексееву.

И сразу Валя поднялась мне навстречу:

— Ну что? Когда выходим, почему вы медлите? Ему же совсем плохо и с каждым часом всё хуже. Я сама вижу. Уйдём отсюда, это могила, тут можно сойти с ума от этой неподвижности. Идёмте же!

Я посмотрел на ребят: они лежали в том же положении, в котором я их оставил полтора часа назад. В глазах отсутствие каких бы то ни было мыслей, желаний. Не то чтобы обречённость, но полная апатия — воля их была сломлена. Я знаю, что это такое: именно в таком состоянии люди замерзают на Севере. А четверым придётся целый день лежать на нартах, да и Гайнулин сдал, одна Валя на что-то способна, одна на шестерых. Мало.

Ну что ей сказать? Разве логика ей сейчас поможет? Она видит, как умирает её муж, и готова сама его тащить, а что будет в пути? Нет, я не имею права рисковать шестью ради одного.

Чёрт возьми, какая странная арифметика! Я попытался ей это объяснить:

— Валя, пойми, сейчас бессмысленно идти, метёт так, что в трёх метрах ничего не видно, в любом месте можно сорваться, и никто нам не поможет тогда. Да и сама посмотри на своих товарищей: они не выдержат этого перехода в такую погоду, замёрзнут все.

— А кто поможет ему, если будет поздно?.. — Она ещё что-то хотела сказать, но только рукой махнула: — Всё понятно.

— Как только чуть стихнет ветер и улучшится видимость, сразу выходим.

И тогда я увидел её глаза. В них было столько боли и тоски и ещё презрения, что я не выдержал и решил дать приказ о выходе. Будь что будет, пусть все погибают, но перед ней я буду чист. Мне ещё раз не выдержать такого взгляда. А он?..

Он же замёрзнет раньше всех. Нет, это не выход, надо ждать.

— Валя, я обещаю, как только чуть утихнет, сразу выходим. Сейчас сюда придёт Саша.

И опять никто не проронил ни слова, как будто не было этого разговора. Я вернулся в свою палатку.

— Ну, как вы думаете, сможем мы пойти или нет?

— Надо подождать.

— Ребята замёрзнут, а с таким грузом мы за день не пройдем.

— В общем, решили так: будем ждать, другого выхода нет. Валу и Гайнулина переведем в нашу палатку. Саша, ты иди к ним, и мы по очереди будем тебе помогать, тогда никто не останется без присмотра.

Правильно ли я решил? Тогда я считал, что правильно, потом оказалось, что всё гораздо сложнее.

7. КОСТЯ СЕРОВ

— Вот, Рита, после этой истории я и решил, что не могу больше быть спасателем, такой груз мне не по силам. Больше я не смогу распоряжаться судьбами людей. Я ещё могу ходить в походы, но только рядовым участником. Но и это решение мне тоже далось очень тяжело.

— А что было потом? Как вы всё-таки выбрались? Я понимаю, что тебе тяжело рассказывать, но уже начавши, дотяни до конца.

— Хорошо, постараюсь.

Потом было самое страшное. Я ещё подумал о том, чтобы послать двух человек на метеостанцию с просьбой о помощи, но тогда мы остались бы вчетвером, а помощь при такой погоде пришла бы не раньше, чем через три дня, а то и позже. Оставалось одно: ждать. Прошёл ещё один день, не принёсший ни утешения, ни облегчения: пурга не утихала. А Алексееву становилось всё хуже.

Валя совсем не спала — сидела у бензиновой печки и смотрела остановившимися глазами на голубое пламя. Ничего не говорила и, казалось, постарела за эти дни на несколько лет. А я тоже почти не спал, только слушал, как шумит ветер.

Потом окончился второй день пурги, наступила третья ночь. И тогда ветер устал, почудилось мне какое-то изменение в тональности его гудения. Теперь я знал, что мы выберемся отсюда, но я так устал за это время, что уже не мог радоваться. Мне было всё равно. Я отупел от вынужденного безделья. С трудом удалось заставить себя действовать, быть опять энергичным и решительным. Утром после завтрака уложили рюкзаки, свернули палатку. Небо было почти безоблачным, розовым на востоке. Розовели и вершины гор на западе, а на востоке они ещё чёрными зубьями врезались в розовое небо.

Когда всё было готово к выходу, появился новый звук, не ветер, нет — другое. Наконец поняли: вертолёт!

Вот он появился из-за гор и приближается к нам. Я бросился к рюкзаку, достал ракетницу, зарядил и выстрелил. В небе зажглась большая зелёная звезда. Я перезарядил ракетницу и выстрелил ещё раз. На вертолёте заметили наши сигналы, он приближался, опускаясь всё ниже, и наконец повис над нами, потом медленно опустился ещё ниже, пока шасси его прочно не встали на снежный наст.

Это был тот самый вертолёт, на котором мы летели из Полярноуральска. И экипаж был тот же.

Из кабины выскочил пилот и сразу очутился у меня в объятиях.

— Ну, слава всевышнему. Как вы тут, живые?

— Пока живые. Как ты нас нашёл?

— Вашу радиостанцию армейцы запеленговали и передали нам координаты, а мы, как только распогодилось, — вылетели. Как у них дела?

— Плохи, особенно у руководителя.

— Я всех не могу забрать, сам понимаешь — высота. Вы-то доберётесь сами?

— Доберёмся. Возьми их и Доктора.

— Возьму.

Мы осторожно внесли в кабину Алексеева, потом остальных троих. Гайнулин и Валя вошли в вертолёт сами. Саша со всеми нами обнялся:

— Мне как-то тоскливо оставлять вас.

— Ничего, Доктор, через два дня увидимся. Только бы Алексеев выкарабкался из этой истории. У меня беспокойно на душе.

— Ну, самое страшное позади, всё обойдётся. Счастливого пути, ребята!

— Счастливо, Саша!

Загрохотал двигатель, поднялся снег, и мы остались впятером.

— Поехали?

— Поехали!

Опять горы, подъёмы и спуски, спуски и подъёмы, потом последнее на нашем пути озеро, на противоположном берегу которого стоят домики метеостанции.

Нас там уже ждали: с борта вертолётки передали, что мы идём, что к вечеру рассчитываем быть на станции.

Поэтому нас ни о чём не спрашивали, а отвели в баню да чаем со спиртом напоили. Я уснул сразу, как только залез в спальный мешок.

Утром работяга ГАЗ-47 повёз нас в Полярноуральск. Экспедиция закончилась.

В город мы прибыли, когда уже стемнело. Уютно светились окна домов, светилась ртуть фонарей, и даже не верилось, что рядом существует совсем не похожий на этот мир белого безмолвия.

— Ребята, завтра к девяти соберёмся на КСП.

— Хорошо, Костя, будет сделано. Как там Алексеев?

— Завтра узнаем, а может, и сегодня.

Разошлись все, а я почти бегом шёл в гостиницу, хотелось увидеть Сашку, узнать, как дела.

Перед своей дверью я остановился, взялся за ручку и помедлил: услышал Сашкин голос — Сашка пел что-то непонятное.

Рывком распахнул дверь и увидел: Сашка стоит посреди комнаты, широко расставив ноги, и поёт. Он был здорово пьян. На столе — полупустая бутылка спирта, какая-то еда.

Он даже не прореагировал на моё появление, только оборвал пение и сказал почти трезво:

— А, Костя, заходи, выпей вот...

— Что с Алексеевым?

— Умер он, понимаешь, умер, сердце не выдержало. Зря всё это было, зря старались.

— Замолчи, Сашка!

Это всё. Я во всём виноват. Если бы мы сразу вышли, мы бы сэкономили ровно сутки, ещё была надежда.

Она была права, она всё понимала. Я убил человека. Как же теперь жить, как людям смотреть в глаза? Я ничего не хочу больше, я не могу работать. Бросить, бросить всё — это не для меня! Я налил себе полстакана спирта и, не разбавляя, выпил. А в ушах звучали её слова: «А кто поможет ему, если будет поздно? А кто поможет ему, если будет поздно? А кто поможет...»

Эта фраза звучала в голове, как звучит испорченная пластинка. А потом начал действовать спирт, боль стала тупой, и чтобы ослабить её ещё больше, я опять налил себе и выпил.

На следующий день в горисполкоме разбирали происшествие. Народу было много. Кроме участников экспедиции были спасатели, остававшиеся в резерве, лётчики, врач из больницы, двое из милиции, ещё какие-то люди.

Я сидел безучастный, как будто и не имел никакого отношения к происходившему и не руководил спасательными работами. «А кто поможет ему, если будет поздно?..»

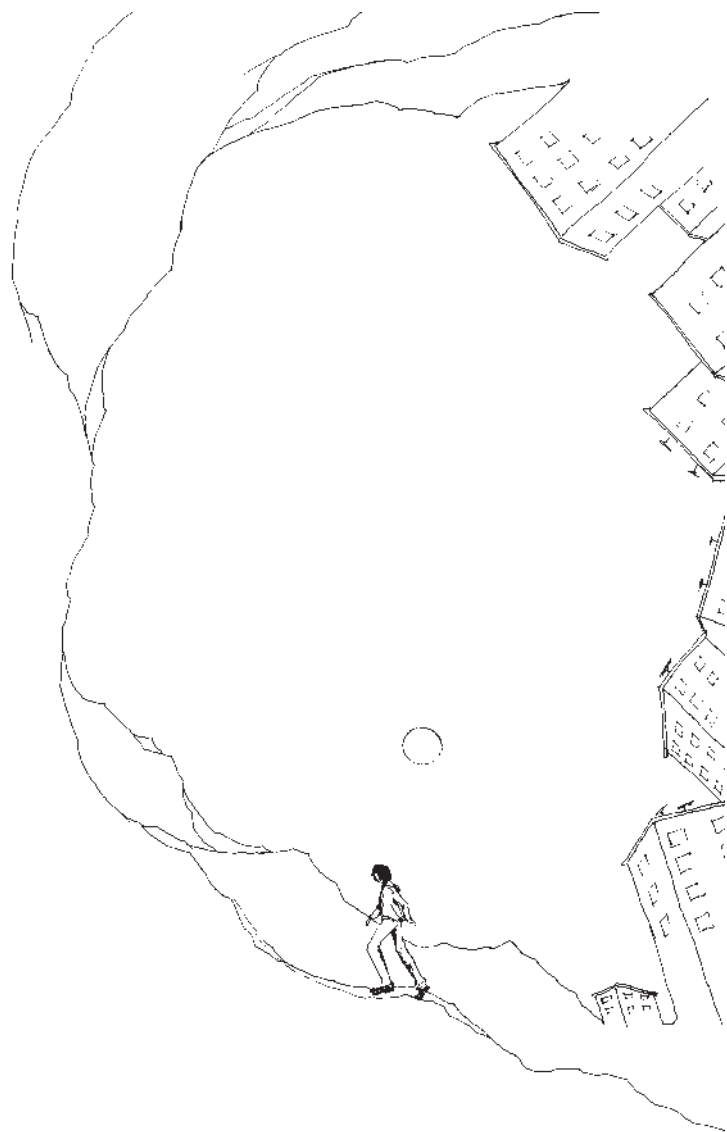
Действия Серова, то есть мои, признали правильными, даже назвали наше поведение мужественным.

— Иногда требуется гораздо больше мужества, чтобы переждать пургу и тем самым сохранить людям жизнь. Серов это понял. А ломиться в лоб опасности — мы сейчас увидели, к чему это приводит. Алексеев тяжело поплатился за своё легкомыслие, и это должно послужить впредь предостережением для тех, кто не понял до конца, что такое опасность.

Зачем они об этом говорят, это не поможет Алексееву и не утешит Валю, а мы могли сэкономить сутки. «Кто поможет ему, если будет поздно?..»

А там продолжали говорить:

— Если бы не мужество, проявленное группой Серова, мы бы сейчас говорили не об одном, а о шести погибших. Правильно поступили товарищи из Харькова. Когда они увидели, что им не пройти маршрут, они повернули назад. Ну что ж, поход сорвался, потеряли год подготовки, но у них впереди ещё вся жизнь, и тот, кто настойчив, тот всегда добьётся своего. Я резюмирую: учитывая нынешнее состояние погоды и те прогнозы, которыми мы располагаем, необходимо на месяц закрыть маршруты в северной части Полярного Урала. Может быть, Серов хочет что-нибудь сказать?

— Нет, всё и так ясно.

После разбора вышли на улицу. Ветер гнал по дороге снег, опять была пурга.

Я не могу здесь оставаться, хочу скрыться где-нибудь, я не имею больше права быть спасателем. Но где скрыться от себя?

— Эх, Шеф, ты совсем распустился, возьми себя в руки, — неужели ты думаешь, что было бы легче, если бы погиб не один, а несколько человек? А после этого бы кончилась пурга?

— Было бы тяжелее, но сейчас тоже тяжело, поэтому и хочется всё бросить к чёрту. Я хочу перестать думать об этом. Только сейчас надо найти Валю и поговорить с ней. Это трудно, но надо.

— Не надо, она вчера уехала.

— Ну что ж, тогда уеду и я, возьму отпуск и поеду к тётке, в деревню на Псковщину, молоко пить. Можешь считать меня трусом.

— Думаешь, хорошо будет? Затоскуешь там. И никто не считает тебя трусом. Северные маршруты закрыли, а на южных ребята сами справятся. Если хочешь, я поеду с тобой.

— Не нужно, Саша, да я и сам, наверное, никуда не уеду. Просто тяжело всё, а лямку надо дотянуть до конца сезона.

Но до конца сезона я не дотянул: на следующий день не смог подняться с постели, не было сил. Саша назвал это каким-то мудрёным латинским названием, а по-русски это попросту называлось «сдали нервишки».

Через неделю я был в Минске. Саша вернулся через месяц после меня...

— Вот и вся история. Теперь ты понимаешь, что мне уже не быть прежним. Не смогу я быть спасателем.

Рита немного помолчала, а потом заговорила:

— Костя, милый, мне страшно подумать, что ты можешь вот так же лежать где-то в горах, беспомощный, на грани жизни и смерти, и никто к тебе не придёт на помощь или придёт, но поздно... Я не хочу оказаться на месте той Вали или пережить то, что пережил ты, когда Таня не вернулась...

— Не надо об этом... Со мной ничего не может случиться, а со спасательной работой покончено, я же сказал.

— А с походами?

— Нет.

— Почему? Ведь это ещё опаснее. Я не хочу, чтобы горы отбирали тебя у меня, а тем более — насовсем.

— Я мастер спорта по туризму, а это в первую очередь — обязанности. Я лишил себя права быть спасателем, но в походы ходить я могу и водить группы тоже могу. И я должен это делать.

— К чему ты это говоришь, я же сама всё хорошо понимаю — вообще, но когда дело касается лично меня — не могу смириться. Это ты должен учитывать и найти какой-то компромисс.

— Хорошо, я подумаю, ещё есть время. Пойдём станцуем, а то мы вообще всю ночь проведём за разговорами, а это всё-таки новогодняя ночь.

— Пойдём.

8. РИТА ПАНИЧ

Идёт к концу третья неделя нового года, это совсем-совсем новый год: есть Костя, и все вещи обрели другой смысл и наполнились новым значением. Я люблю его и хочу быть всегда с ним. Когда-нибудь это так и будет, но пока это тяжело — жить ожиданием. Ожиданием писем, ожиданием встречи. Каждый день бегу после работы домой и смотрю, нет ли письма, а Костя пишет не так часто, как хотелось бы, но сегодня вечером он должен прилететь. Двое суток мы будем вместе. Это так много! Но двое суток так быстро проходят, двое суток — это так мало...

Я пока не понимаю Костиной любви к аэропортам: я никогда не обращала на них внимания — просто место, откуда улетают и куда прилетают.

А сейчас я пытаюсь смотреть на аэропорт Костиными глазами: много людей, все чем-то озабочены, и никто не знает, что скоро здесь будет Костя, никому до этого нет дела. Нет, я не люблю аэропорт, пока рядом нет Кости. Скорей бы уж!

Мы стоим обнявшись долго-долго. Уже, кажется, все прилетевшие вместе с ним растеклись по городу, а мне страшно отпустить его.

— Я очень тосковала по тебе.

— Я тоже. Но теперь мы до понедельника будем вместе.

— Так мало!

— Да. Идём.

— Теперь ты мой гость.

— Мы скоро оба будем хозяевами.

— Скорее бы!

— Теперь уже скоро. Ну, как ты живёшь, расскажи мне.

— Плохо. Мне всё время нужно, чтобы ты был рядом, а тебя всё нет. Я всё время говорю с тобой, а ты молчишь.

— Ты знаешь, со мной происходит то же самое. Я всё время ловлю себя на том, что что-то рассказываю тебе, а вот сейчас мне и рассказывать ничего не хочется, просто хочется смотреть на тебя и слушать тебя.

— Костя, вон такси свободное, побежим?

— Бежим!

Ночь. Тихо. Стучат часы, стучит сердце Кости. Вот он, рядом со мной, дышит во сне так тихо, что почти не слышно. Самый дорогой на земле человек, ещё совсем недавно бывший для меня бесплотной тенью, персонажем Юркиных рассказов, а теперь — мой. Только совсем ли мой? Как я не хочу, чтобы он уходил на Север, я боюсь его потерять. Мне снится этот холодный Север — большое белое чудовище с большими белыми лапами, которые оно протягивает к Косте, и тогда я просыпаюсь от ужаса. Тихо. Нет ни Севера, ни Кости. Очень тоскливо.

А сейчас Костя рядом, — где-то есть Север, но пока Костя рядом.

Я повернулась к нему и тихонько поцеловала, а он, не открывая глаз, обнял меня и прижал к себе:

— Ты не спишь?

— Сплю, а ты мне снишься.

— И мне ты снишься.

В субботу вечером у меня дома собрались друзья, немало, всего шесть человек, да ещё Костя и я. Весь день прошёл в лёгкой, но приятной суете: ходили с Костей в магазин, потом вместе готовили ту еду, которая сейчас на столе, звонили друзьям. Наконец все собрались, а Юрка сразу вцепился в Костю и начал донимать его северными разговорами.

— Юра, может, разговоры на потом отложите?

— Да, ты права. Предлагаю первый тост за хозяйку дома, за то, что мы все у неё сегодня собрались и видим Костю.

А Костя сидел рядом со мной, и я чувствовала тепло его плеча, и уходили прочь все ночные тревоги.

Но тут чёрт дёрнул мою подругу Инку сказать:

— Костя, я слыхала, что вы каждую зиму бываете в Заполярье, как это интересно! А как сделать, чтобы с вами пойти?

Костя ничего не сказал, за него ответил Юра:

— Ты ж здесь, Инна, хорошо вписываешься в пейзаж, чего ж тебе на Север ходить? Там же холодно. Пойдём лучше потанцуем.

А настроение было уже испорчено, поэтому, когда после танца Юра вернулся за стол и спросил меня потихоньку, когда у нас свадьба, я вдруг взорвалась:

— Когда он бросит свои походы.

— Понятно, значит, лет через пятнадцать. Состаришься, ожидая.

— Нет, почему вы, чёрт вас возьми, уцепились за этот туризм? У вас на глазах чуть ли не каждый год гибнут люди, гибнут бессмысленно, полные сил и надежд. Во имя чего они гибнут, что их смерть даёт людям? Ничего! А вы из этого не извлекаете никаких уроков, прётесь опять в горы, рискуете собой, делаете несчастными любящих вас людей. Зачем это? Можешь ли ты, Юра, вразумительно ответить мне?

— Попробую. Да, опасность в походах существует, это реальность. Наша задача — преодолеть эти опасности, выйти победителями, но не бежать от них. Туризм — это поединок с трудностями, где выигрыш вроде бы невелик, а проигрыш — смертелен. Но в борьбе с опасностями, в преодолении себя человек делается лучше, добрее, умнее, а человек — это маленькая частица человечества. И если станвится лучше один — выигрывают все. И в этом смысл бессмысленных, казалось бы, подвигов.

— Меня не устраивает ваша философия. Неужели ты думаешь, что если Кости не станет, меня будет утешать мысль, что он водил в походы людей, которые благодаря этому стали, как ты говоришь, лучше, добрее и прочее?

— Наверное, не утешит, но ты смотришь слишком мрачно на вещи. Не так уж велика степень риска, на улицах городов гибнет больше людей, чем в походах.

— Вы слишком упрямы, чтобы переубеждать вас, но я не хочу, чтобы ты уходил, слышишь, Костя?

— Слышу.

— Ну и что же?

— Давай отложим этот разговор, такие вещи похода не решаются. Я сейчас хочу танцевать с тобой.

— Хорошо, пойдём.

Я немного успокоилась, так хорошо было с Костей танцевать, и всё, что было за стенами, казалось нереаль-

ным, как будто бы мир ограничился освещённым прямоугольником моей комнаты. И я решила, что больше не буду терзать ни себя, ни Костю. Это просто нервы. От такого решения опять стало спокойно и хорошо:

— Костя, я виновата перед тобой, но больше я не буду, правда!

— Не говори ничего, всё хорошо, скоро мы будем вместе. Я люблю тебя.

А потом опять был аэропорт, и Костя рассказывал о каких-то совершенно незначительных вещах: о типах самолётов, об их особенностях. У меня в голове смешались все эти ИЛы, АНы, ТУ и другие, я уже не помню какие. Мне стало совсем грустно, и вдруг я расплакалась.

— Что с тобой, Рита?

— Не знаю, просто грустно стало. Какое мне дело до этих самолётов? Я знаю только два типа: на одних ты прилетаешь, на других — улетаешь.

— Мы же через неделю увидимся.

— Да, я прилечу к тебе, но этого ждать целых пять дней.

— Но скоро мы будем совсем вместе.

— Навсегда?

— Навсегда.

9. КОСТЯ СЕРОВ

Неужели они ничего там, в Москве, не поняли? Я же твёрдо сказал: со спасательной работой покончено. Зачем они меня вызывают? Я не поеду.

Через три недели у нас с Ритой свадьба, она насовсем переезжает ко мне, это уже решено окончательно. Зачем они душу бередают?

На работе я весь день сидел как побитый, тупо смотрел в схему и ничего не понимал.

— Костя, у тебя что — похмелье?

— Нет.

— Ну, значит, заболел: вид у тебя очень помятый. Случилось что-нибудь?

— Да нет, просто раздумья всякие.

— Как у вас с Ритой?

— Всё нормально.

— Приглашение на свадьбу не отменяется?

— Нет.

Вечером я встретился с Доктором. Он был возбуждён, в мыслях он был уже на Полярном Урале.

— Что же делать, Доктор?

— Собирайте рюкзак и звоните Рите.

— О чём?

— О том, что свадьба откладывается на апрель, что ты нужен на Севере.

— Я никуда не поеду.

— Звони Рите и собирай рюкзак.

— Пойми, Саша, я почти год об этом думал, я не могу быть спасателем, даже рядовым. Мне не вытянуть ещё раз этого груза. А кроме того, уехать сейчас, когда осталось три недели до свадьбы... Рита этого не простит.

— Если она умная женщина — простит.

— Но я и сам не хочу.

— Эх, Костя, я думал, что ты мужчина, который просто устал, — каждый имеет право на усталость, но ты уже достаточно отдохнул. Ты был моим учителем, ты сделал из меня человека, неужели ты не понимаешь, как всё это нужно нам всем! Ты должен поехать, ты ещё жив, мой командир!

— Я не поеду.

— У нас в запасе три дня. Если тебя так волнует свадьба, прилетишь сюда на день-другой, денег на билет добудем.

— Дело не в этом.

— Костя, я всё равно поеду, даже без тебя, но это будет концом всему тому, что почти десять лет нас связывало. Ты дал мне почти всё, но это в прошлом. Ты хочешь стать ничем?

— Уходи, Саша.

— Прощай.

Вот такой весёлый разговор у нас состоялся с Доктором. А потом я позвонил Рите. Нас соединили через полчаса, которые мне показались вечностью.

— Что случилось, милый?

— Меня опять вызывают на Полярный Урал.

— Нет, Костя, нет! Не уезжай, ты не должен, не смеешь ехать! Я не вынесу этого. Пусть я глупая баба, но мне страшно, я боюсь за тебя. Я даже не говорю о том, что скоро наша свадьба, дело не в этом, но ты же сам говорил, что с Севером покончено...

— Не надо, Рита, меня уговаривать, я и так никуда не еду. Я остаюсь в Минске. Не с лёгким сердцем остаюсь, но я подвёл черту под прошлым, под всем, чему отдал последние годы. Я сжёг корабли. В таких случаях полагается напиться, но сейчас, кажется, я и этого не хочу. Ничего не хочу. Не волнуйся, девочка, теперь нам ничто не помешает быть вместе. В пятницу я к тебе прилечу. А друга я потерял. Впрочем, не одного.

— Костя, не надо так убиваться, всё встанет на свои места. Мы же любим друг друга, разве этого мало?

— Нет, не мало, всё хорошо будет. До свидания, родная, до пятницы.

— До свидания. Целую тебя.

Вот и всё. Всё ясно. Только на душе паршиво, как будто потерял что-то очень нужное и теперь не могу найти.

Я сам не заметил, как очутился в троллейбусе, идущем в аэропорт. Спихватился только когда уже троллейбус ехал по улице Чкалова и до конца маршрута оставалось чуть больше остановки. Ну что ж, аэропорт, так аэропорт.

Только на этот раз не принёс он мне утешения, ещё больше разбередил душу. Видимо, почти все аэропорты были открыты, и самолёты улетали во все концы страны один за другим, и один за другим прилетали новые самолёты: Ленинград, Новосибирск, Москва, Гродно, Ташкент... Смотрел я, смотрел и ушёл в ресторан — просто напиться, больше ничего не оставалось делать. Только я выпил первую рюмку, как кто-то хлопнул меня по плечу:

— Здорово, спасатель! Вот это встреча!

— Женья! Здравствуй, садись, как ты сюда попал?

Женья — мой старый знакомый, пилот из Полярноуральска, летал на своём ИЛе-четырёхнадцатом в любые места, где было хотя бы какое-нибудь подобие посадочной площадки.

Сегодня он был в штатском, таким же гостем в аэропорту, как и я.

— А я, брат, уже не работаю там, я теперь испытатель.

— Поздравляю, выпьем за это.

— Спасибо, давай. Я здесь в гостях у товарищей, а ты скоро в те края?

— Нет, не поеду.

— Почему?

— После прошлогодней истории не могу.

— Понятно. Отстранён от полётов по собственному желанию, с кем не бывает. У меня тоже было. Я ж и раньше работал испытателем, а потом случилась авария, слегка заломался, почти год не летал, потом два года летал на Севере, а теперь вот опять вернулся на испытательную работу. Не тушуйся, Костя, это бзик, пройдёт. Так просто Север не бросают, как не бросают просто так самолёты.

— Не знаю, Женья.

— Точно говорю. Ну давай, за самолёты! И за Север!

— Будь здоров!

— А где твой друг, Доктор?

— Он уезжает на днях.

— Туда?

— Ага.

— Ну, ты тут тоже не усидишь.

— Я женюсь скоро.

— Это не помеха, то есть, я хотел сказать — поздравляю!

А потом разговор стал уже не очень связным, как это обычно бывает, когда есть что вспомнить и есть что выпить.

— Костя, давай сейчас махнём куда-нибудь, например в Москву или в Ташкент, хочешь?

— Не могу, завтра на работу.

— А жаль. Слушай, а ты отпросись на день-другой!

— Ну ладно, а что мы там делать будем?

— Действительно, об этом я не подумал. Ну, махнём на Север, там — товарищи.

— Давай лучше выпьем.

— Это — тоже мысль, выпьем.

А когда прощались, он вдруг сказал:

— Ты там, в авиаотряде, ребятам привет от меня передай...

10. САША ГАЛКИН

Тундра начинается в семи километрах от Москвы. Сначала туман, в пяти метрах ничего не видно, потом становится светлее, светлее, и наконец откуда-то сбоку появляется розовое солнце, и тогда внизу показываются снежные равнины и розовеющие горы — это почти настоящая тундра, такой ты видел её много раз, когда выдавались тихие погоды по утрам, только до совсем настоящей тундры ещё добрых две тысячи вёрст, просто АН-10 пробил облака и четыре его турбины тянут на северо-восток восемь тонн труб да нас — четырёх случайных пассажиров. Это называется спецрейс номер 34 или 35, я точно не запомнил, это не так важно, гораздо важнее то, что мы летим на северо-восток и рядом со мной на рюкзаке сидит мой старший друг и учитель Костя Серов, с которым я готов идти куда угодно, хоть пешком от Минска до Северного полюса. Костя всё-таки перешагнул ту границу, которая разделяет на две части мир.

Она коварная, эта граница. Она проходит через всё — через наши дома, квартиры, через нас самих. Её нужно увидеть и решить — по какую сторону ты? Иногда этот вопрос приходится решать несколько раз. А для иных людей он ни разу не встаёт: они либо там, либо здесь.

Костя заколебался, но он не из тех людей, кто остаётся по ту сторону границы, ему там нечего делать — и он шагнул в тундру. А тундра начинается в семи километрах от нас. Это очень близко.

Всё остаётся по-старому: люди знают, что, куда бы они ни пошли зимой — в горы, в тундру, — везде есть надёжные ребята, которые следят за ними, и если где-нибудь беда, эти ребята придут на помощь, и это всегда будет так.

Из письма Кости Серова

Родная моя!

Прости, так получилось. Сегодня я улетаю в Москву. За эти два дня я о многом успел подумать, много пережить. Мне нельзя оставаться, я нужен там, это моё дело, — как бы я его ни делал, делать нужно. Я не смогу быть счастливым, зная, что меня звали на помощь, а я не пришёл, хотя и мог.

Я говорил, что не имею права быть спасателем, но ещё в большей степени я не имею права не быть им. Одним махом

невозможно перечеркнуть всё прошлое. Я уезжаю. Самолёт на Москву улетает рано утром.

Я очень виноват перед тобой, все наши планы теперь меняются, но только во временном смысле. Я люблю тебя, очень люблю и всё время хочу быть вместе с тобой, но ещё есть дела, от которых тоже не уйти. Мы скоро увидимся с тобой, обязательно увидимся и тогда будем вместе. А то, что иногда придётся расставаться, так это не очень страшно. Не волнуйся за меня, родная, я твёрдо знаю одно: со мной ничего не случится.

Я много раз говорил и сейчас опять повторяю: со мной ничего не случится.

Мы ещё будем счастливы, обязательно будем!

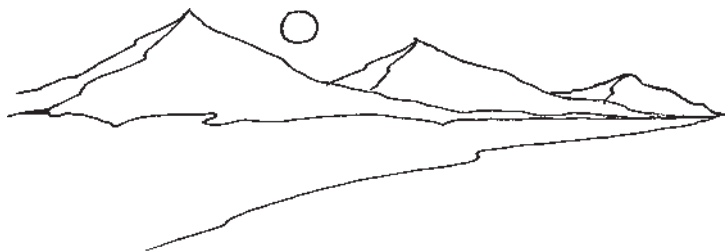

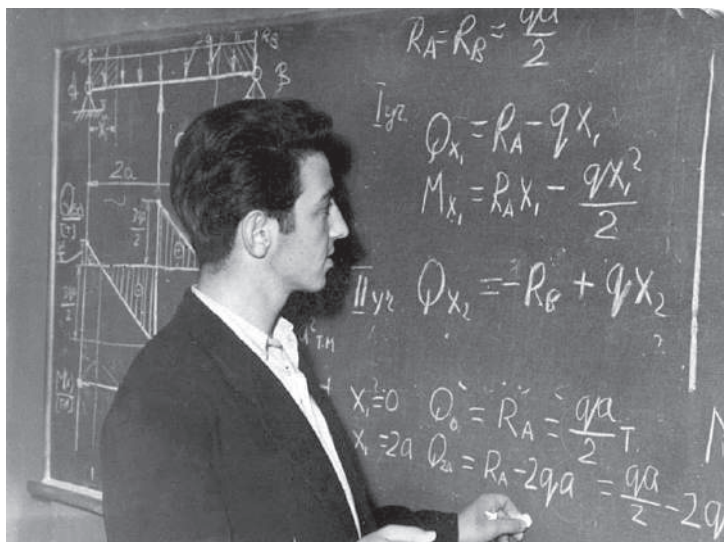

ПЕСНИ

И

СТИХИ

До сих пор во многих ресторанах поют немудрёную песенку про сигарету, и мало кто знает, что это первая студенческая песня Арика Крупна.

СИГАРЕТА

Если женщины и нету,
Я грустить недолго буду,
Закурю я сигарету
И о женщине забуду.

Сигарета, сигарета,
Ты ведь мне не изменяешь,
Я люблю тебя за это,
Да и ты об этом знаешь.

И зимой, и жарким летом
Я люблю дымок твой тонкий.
Я привержен к сигаретам
Даже больше, чем к девчонкам.

Сигарета, сигарета,
Ты ведь мне не изменяешь,
Я люблю тебя за это,
Сигарета, сигарета.

Ну а если вдруг случайно
Снова женщина вернётся,
Мы закурим с нею «Чайку»,
Голубой дымок взовьётся.

Сигарета, сигарета,
Ты ведь мне не изменяешь,
Я люблю тебя за это,
Да и ты об этом знаешь.

1959

Не спеша (♩=96)

Es_ ли жен_ци_ны и не_ту, я грус_тить не_дол_го
бу_ду, за_ку_рю я си_га_ре_ту и о
жен_ци_не за_бу_ду. Си_га_ре_та, си_га_ре_та,
ты ведь мне не из_ме_ня_ешь, я люб_лю те_бя за
э_то, да и ты об э_том зна_ешь. Си_га_ //
ре_та, си_га_ре_та. И зи_ //

ЁЛОЧКА*

Родилась ёлочка в лесу,
В лесу она росла.
А Новый год уж на носу,
Такие-то дела.

Мужик ту ёлочку срубил
И погрузил на воз,
Ещё десяток повалил
И на базар повёз.

Продал там с выгодой большой
И сахару купил,
И со спокойною душой
Горилки наварил.

Детишки пьют, старуха пьёт,
И родственники пьют.
Встречают, в общем, Новый год
И песенку поют:

«В лесу родилась ёлочка...»
— Эй, кум, ещё налей!
«...Зимой и летом стройная...»
— Давай-ка веселей!

декабрь 1960

* На мотив песни «В лесу родилась ёлочка».

Ленинград. ЛИКИ. Начало 60-х

ХИБИНСКИЕ КАМЕШКИ

Маленькие камешки с детства мы любили,
Их кидали в воду мы и били воробьёв.
Детские годы в прошлое уплыли,
Но с камешками встретились мы вновь.
Высоко живём мы на хибинских кручах,
Куда не часто в гости даже птица залетит.
По хибинским камешкам бродят только тучи,
А под ногами апатит лежит.

Камешки, камешки, ах, какие камешки
Мы дробим отбойным молотком:
Камешки, камешки, маленькие камешки,
Размерами с многоэтажный дом.

Здесь из разных вузов собрались ребята,
Стал их летним домом неприступный Расвумчорр,
От весёлых песен потеплело плато,
И снег растаял на вершинах гор.
С молотком отбойным, ломом и лопатой
Мы уходим вглубь, ломая на куски гранит.
До чего ж студенты крепкие ребята,
Пред ними и скала не устоит.

Камешки, камешки, ах, какие камешки
Мы дробим отбойным молотком:
Камешки, камешки, маленькие камешки,
Размерами с многоэтажный дом.

И пускай одежду мы до дыр проносим,
Пусть для нас проходит это лето стороной,
Мы себе другого отдыха не просим,
С победою вернёмся мы домой.

Камешки, камешки, ах, какие камешки
Мы дробим отбойным молотком:
Камешки, камешки, маленькие камешки,
Размерами с многоэтажный дом.

Подвижно (♩=120)

Ма_лень_ки_е ка_меш_ки с дет_ства мы лю_

_би_ли, их ки_да_ли в во_ду мы и би_ли во_роб_

_ёв. Дет_ски_е го_ды в про_шло_е у_плы_ли, но

с ка_меш_ка_ми встре_ти_лись мы вновь. //жит.

Ка_меш_ки, ка_меш_ки,ах, ка_ки_е ка_меш_ки мы дро_бим от_

_бой_ным мо_лот_ком: ка_меш_ки, ка_меш_ки, ма_лень_ки_е

ка_меш_ки, раз_ме_ра_ми с мно_го_э_таж_ный дом.

//дом. // _мой. // дом.

НА ПЛАТО РАСВУМЧОРР

В тундре есть много гор,
Что цепляются за тучи.
На плато Расвумчорр
Нас туманы, ветры мучат,
На плато апатит,
Его нужно добывать.
Апатит твою, Хибины, мать!

Расвумчорр очень крут,
Неприступные обрывы,
Камни вниз нас зовут,
Но пока ещё мы живы.
Если с плато упасть,
То костей уж не собрать.
Апатит твою, Хибины, мать!

Тундра — тот же Кавказ,
Только здесь чуть холоднее,
Только солнце у нас
Светит чуточку слабее,
Да ещё на Хибинах
Нельзя позагорать.
Апатит твою, загара, мать!

Лето так далеко —
Девять сотен километров.
А у нас на плато
Дуют северные ветры.
Про такую погоду
Так хочется сказать:
«Апатит твою, погода, мать!»

Нет у нас сигарет,
Курим мы «Байкал» вонючий.
Уж давно солнца нет,
Есть лишь только дождь да тучи.
Эту жизнь на Хибинах
Пора уже кончать.
Апатит твою, Хибины, мать!

Нина Буркова, Арик Крупш, друзья

Но уехав домой,
Чтоб не всё было забыто,
Мы захватим с собой
По кусочку апатита,
Чтобы, вспомнив Хибины,
С улыбкой мог сказать:
«Апатит твою, Хибины, мать!»

1963

Нельзя всё время быть серьёзным

ЛИКИ, колхоз: все мы немножко лошади...

Быстро (♩=156)

В тун_ дре есть мно_ го гор, что цеп_ ля_ ют_ ся за

ту_ чи. На пла_ то Рас_ вум_ чорр нас ту_ ма_ ны, вет_ ры

му_ чат, на пла_ то а_ па_ тит, е_ го нуж_ но до_ бы_ вать. А па_

_ тит тво_ ю, Хи_ би_ ны, мать! На пла_ // мать! Рас_ вум_ //

*) Гармонизация мелодии при повторении

Возвращение с целины

<p>„Коммунизм, это молодость мира и его возводить молодым!“ (В. Маяковский)</p> <p>„Нам предстоит и дальше осваивать новые районы, строить атомные, тепловые и гидроэлектростанции, заводы, железные дороги. Партия уверена, что наша славная молодежь и впредь будет горячо откликаться на её призывы. Молодежь знает, что ее труд на замечательных стройках коммунизма имеет величайшее значение не только для нашего но и для грядущих поколений“.</p> <p>(Из отчетного доклада т. Хрущева П. С. XX съезду КПСС)</p>	<p>КОМСОМОЛЬСКАЯ ПУТЕВКА</p> <p>Фрунзенский райком ВЛКСМ г. Ленинграда вручает настоящую „Комсомольскую“ путевку</p> <p>тов. <u>Крупн</u> (фамилия, <u>Арон Яковлевич</u> имя, отчество)</p> <p>изъявившему желание участвовать в строительстве Прибалтийской ТЭЦ в <u>августе</u> 1956 г.</p> <p>Секретарь райкома комсомола <u>Яковлев</u></p> <p>М.П. <u>15-июня</u> 1956 г.</p> <p>(по: ДТН, Зак. 92-219)</p>
--	--

Комсомольская путёвка

Строим город

СТРОЕЧНАЯ

Нам нравится на стройке,
Хоть тяжелы порядки,
И спать на мокрой койке,
И матом крыть в палатке.

Ребята забаддеют
На строечке на нашей,
Ведь всё равно худеем
Мы здесь от тощей каши.

Лишь об одном ребята
Горюют этим летом —
Далёко от палаток
Бежать до туалета.

А по ночам не спится,
А бегать нету мочи,
Вот почему землицу
Не только дождик мочит.

Нам нравится на стройке,
Хоть тяжелы порядки,
И спать на мокрой койке,
И матом крыть в палатке.

1963—1964

Подвижно (♩=120)

Нам нра_вит_ся на строй_ке, хот_я тя_же_лы по_ряд_ки, и

спать на мо_кой кой_ке, и ма_том крыть в па_лат_ке. И

спать на мо_кой кой_ке, и ма_том крыть в па_лат_ке. Ре_ // _лат_ке.

В ДОРОГУ

Мне всё мерещатся дороги,
Они уходят, вдаль маня,
Мне сделать хочется так много,
Узнать, что ждёт в пути меня.

Мне хочется встречаться с ветром,
На «ты» с ним быть, а не на «Вы»,
И отдаваться километрам,
И забываться от ходьбы.

А если очень я устану,
Я песню сочиню в пути,
И эту песню петь я стану,
Чтоб легче было всем идти.

А если эта песня будет
Другими петься у костра,
Тогда скажу себе и людям,
Что молодость прошла не зря.

Мне всё мерещатся дороги,
Они уходят, вдаль маня,
Но, чёрт возьми, на то ж и ноги,
Чтоб вдаль вели они меня.

1963

Неторопливо (♩=84)

Мне всё ме_ре_щат_ся до_ро_ги, о_ни у_хо_дят,
 вдаль ма_ня, мне сде_лать хо_чет_ся так мно_го,
 у_знать, что ждёт в пу_ти ме_ня. Мне хо_чет_ся встре_
 _чать_ся с вет_ром, на "ты" с ним быть, а не на "Вы",
 и от_да_вать_ся ки_ло_мет_рам, и за_бы_вать_ся
 от хо_дь_бы, и от_да_вать_ся ки_ло_мет_рам,
 и за_бы_вать_ся от хо_дь_бы. А ес_ли о_чень
 я у_ста_ну, я пес_ню со_чи_ню в пу_ти,
 и э_ту пес_ню петь я ста_ну, чтоб лег_че бы_ло
 всем ид_ти. А ес_ли э_та пес_ня бу_дет

дру_ ги_ ми петь_ ся у кост_ ра, то_ гда ска_ жу се_
 бе и лю дям, что мо_ ло_ дость про_ шла не зря.
 То_ гда ска_ жу се_ бе и лю_ дям, что мо_ ло_ дость про_
 шла не зря. // Но, чёрт возь ми, на то ж и но_ ги,
 чтоб вдаль ве_ ли о_ ни ме_ ня.

ЧУДАК

Эй, чудака, ведь ты всё это выдумал сам.
Почему же таких, как ты, много?
Что за радость бродить по озябшим лесам,
Утопая в размокших дорогах?

Грустно глядеть тебе вослед,
Когда уходишь ты в осенний ад,
Неужто город хуже, чем ноябрьский рассвет,
Дороги, горы, дождь и листопад?

Что тебя заставляет в поход уходить
Летом, осенью, в дождь, в непогоду?
Ты совсем одичал, ты ведь даже любить
Не умеешь, а годы уходят...

Слышишь, поёт за стенкой джаз,
Там пьют вино, тепло там и уют,
Там будут танцевать — забрось рюкзак хотя бы раз,
Останься, а дороги подождут.

Но тебя не удержат ни джаз, ни коньяк,
Ни девчонка, что смотрит так строго.
За спиной твоей старый бывалый рюкзак
Что-то шепчет тебе о дорогах.

Грустно глядеть тебе вослед,
Ты снова покидаешь Ленинград,
И снова будешь где-то у костра встречать рассвет,
И вновь ломиться сквозь осенний ад.

Может быть, ты сегодня бредёшь наугад,
Без дороги, тропею опасной,
А когда ты вернёшься усталый назад,
Те, кто ждут, скажут радостно: «Здравствуй!».

Здравствуй, уставший от дорог,
Вернувшийся едва живым домой,
Куда ты вновь уйдёшь — на север, запад иль восток
Неведомой туристскою тропой?

1963

Подвижно (♩=126)

Эй, чу дак, ведь ты всё э то вы ду мал
сам. По че му же та ких, как ты, мно го?
Что за ра дость бро дить по о зяб шим ле
сам, у то па я в раз мок ших до ро гах?
Груст но гля деть те бе во след, ко

Dm Dm⁶ C₇ F § Gm
 гда у хо_ дишь ты в о_ сен_ ний ад, не_ уж_ то го_ род
 Dm Gm A₇
 ху_ же, чем но_ яб_ рь_ ский рас_ свет, до_ ро_ ги, го_ ры,
 1. Dm 2. Dm § Dm Dm⁶
 дождь и лис_ то_ пад? Что те_ // _пой. Ку_ // _пой?

*) В скобках дан вариант гармонизации мелодии, встречающийся в записях

Давай закурим...

Девушки его любили...

Друзья — тоже, но выражали это по-своему

Все были молоды и счастливы

Яша Сапожников — один из самых близких институтских друзей Арика, любивший его глубоко и молчаливо. И один из тех немногих, кто по-настоящему понимал его. Три года они прожили вместе в ликовском общежитии. Оба эпизода, рассказанные мне Яшей уже после гибели Арика, — о том, что у него начисто отсутствовало чувство страха.

Зачем и почему Арику пришла в голову мысль спускаться по верёвке с верхнего этажа общежития, никто не знал. Скорее всего, надобности никакой в этом спуске не было — просто так, для тренировки. Он спустился до четвёртого этажа, и вдруг какое-то смутное чувство, наитие, что ли, заставило его встать на подоконник туалета, который был на этом этаже, и сойти. И когда он сел на подоконник, взял и потянул верёвку сверху — она упала ему на колени. Оказывается, верёвка перетёрлась, ещё мгновение — и его бы в живых не было, потому что с четвёртого этажа, ясное дело, он разбился бы насмерть. Яша готов был избить его тогда. Он считал полным сумасбродством такие поступки без необходимости.

А в лесу он однажды залез на верхушку ели, раскачал её и стал прыгать оттуда на верхушку другой ели. Сумасшедший тарзаний трюк. Он прыгнул, зацепился за какой-то сучок. Сучок этот обломился, и он летел с верхушки ели, цепляясь за лапы, на землю. Встал. Засмеялся. Он весь был ободран, в садах и в крови. Яша его обругал, Игорь Коваленко чуть не избил. А он смеялся.

Арик вёл себя так, будто знал, что судьба его не ошибётся, что ему суждено дожить до назначенного дня и часа.*

Фонограмма 1975 года. Минск

* Здесь и в дальнейшем неподписанные воспоминания принадлежат составителю.

Спортивное ориентирование: левая, правая где сторона?

*Мне бы хотелось вспомнить по этому поводу совсем грустную историю. Вот когда мы были в Бресте, поскольку всё это было в Белоруссии, минские газеты очень тепло встретили то, что один из минчан стал лауреатом конкурса, хорошо очень писали об этом. В частности, в статье были такие вот слова в белорусском «Комсомольце» *. Там было сказано так: вот вечером собрались ребята-туристы петь песни в своей палатке, и начальник сборов, маршал Советского Союза Конев, пришёл в эту палатку, послушал, как поют хором ребята, и даже несколько прослезился, сказал: «Спасибо, ребята, за хорошую песню». И вышел.*

А в действительности эта история выглядела вот так: ребята пели песню, пришёл маршал Конев, посидел, послушал эту песню. Когда кончилась песня, маршал встал и сказал: «Вот видите, можно же писать хорошие песни, и даже без похабщины. Кто написал?» — «Я», — сказал Арик. «Как фамилия?» — спросил маршал. «Крупп», — сказал Арик. Маршал поморщился и сказал: «Плохая фамилия». — «Сменю!» — сказал Арик.

Вы понимаете, это был очень живой и весёлый человек, с большим чувством юмора. Мне кажется, вот так и нужно его вспоминать. Все мы, пишущие слова и музыку, обладаем достаточным воображением и можем себе представить, что значит смерть. Но, наверное, не стоит этого представлять. Арика нужно сохранить в своей памяти живым. Он был очень живой человек.

Евгений Клячкин.
Фонограмма концерта,
посвящённого памяти А. Круппа. Ленинград, 1971

* «Знамя юности», 22 сентября 1965 г.

Та самая статья...

ДЕСЯТЬ ЗВЁЗД*

Игорю Коваленко

Есть десяток звёзд над головой
И топор, чтоб нарубить дрова.
Так сложи рюкзак, ведь это не впервой
Слышать нам разумные слова

О том, что в душных комнатах теплей,
О том, что лес вблизи не голубой.
Но нам дороже ртутных фонарей
Вот эти десять звёзд над головой.

Тряпок разноцветных вороньё
Будет тебе горе воровать,
По углам притихшее зверьё
Каждый шаг твой будет сторожить.

Но нам нельзя привычкой обрастать
И тешить полуправдами себя.
Сумей без сожаленья оставлять
Всё то, что держит у дверей тебя.

Лижет красным языком костёр
Чёрные ночные небеса,
И плывут над зеркалом озёр
Белого тумана паруса.

А наши песни слушают леса,
И в чащу леса прячется беда.
Приходят к нам из сказок чудеса
В брезентовые наши города.

1964

* В тексте этой песни восстановлен первоначальный вариант слов третьего четверостишия. Жюри предварительного прослушивания Брестского слёта, на суд которому Арик представил песню «Десять звёзд», не понравились строчки про «зверьё» и «вороньё», и Арику предложили заменить их другими.

Он заменил: «Эти десять звёзд, как маяки на краю неведомой земли. Нам нельзя, чтоб наши рюкзаки где-то дома прятались в пыли. Ведь нам нельзя...» и т.д. Так и осталось. (Примеч. сост.)

Неторопливо (♩=104)

Есть де_ся_ ток звёзд над го_ ло_ вой и то_
 пор, чтоб на ру_ бить дро_ ва. Так сло_
 жи рюк зак, ведь э_ то не впер_ вой слы_ шать
 нам ра_ зум_ ны_ е сло_ ва. О том, что
 в душ_ ных ком_ на_ тах теп_ лей, о том, что
 лес вбли_ зи не го_ лу_ бой. Но нам до_
 ро же ртут_ ных фо_ на_ рей вот э_ ти
 де_ сять звёзд над го_ ло_ вой. Но нам до_ //
 звёзд над го_ ло_ вой.

Слёт в Бресте. С винтовками — Арик и Женя Клячкин,
крайний справа — Борис Полоскин. 1965.

Каша на всех, обжигающий чай...

ТРИ ШЛЮПКИ

Над головой небосвод голубой,
Зелень лесов по бокам.
Три шлюпки идут одна за другой,
Не подходя к берегам.
Всё дальше на север уходит их путь,
И не успеть за ночлег отдохнуть.

Раз, два, три, зелёное и голубое,
Раз, два, три, а в каждой шлюпке трое,
Девять спин, девять спин, утомлённых работой,
То не слеза туманит глаза — капли пота.

Вечером к берегу шлюпки причаль
И разводи костёр.
Каша на всех, обжигающий чай,
Песня и разговор.
Утром опять шлюпки в воду столкнуть,
Вёслами мерить немереный путь.

Раз, два, три, зелёное и голубое,
Раз, два, три, а в каждой шлюпке трое,
Раз, два, три, прошли по Браславским озёрам.
Путь позади, а впереди — снова город.

1964

Умеренно (♩=108)

Над го_ ло_ вой не_ бо_ свод го_ лу_ бой,

зе_ лень ле_ сов по_ бо_ кам. Три шлюп_ ки и дут од_

_ на за дру_ гой, не под_ хо_ дя к бе_ ре_ гам. Всё

дал_ ше на се_ вер у_ хо_ дит их путь, и не ус_ петь за ноч_

_ лег от_дох_ нуть. Раз, два, три, зе_ лё_ но_ е и го_ лу_

_ бо_ е, раз, два, три, а в каж_ дой шлюп_ ке

тро_ е, де_ вять спин, де_ вять спин, у_ том_ лё_ ных ра_

_ бо_ той, то не сле_ за ту_ ма_ нит гла_ за —

кап_ ли по_ та. То не сле_ за ту_

ма_ нит гла_ за — кап_ ли по_ та.

СТО ДОРОГ

И. Я.

Что нам знакомые дома,
Когда из них друзья ушли?
Когда ты на краю земли,
Не сможет песня жить сама.
 Ты песню унесла мою,
 Её ты носишь в рюкзаке.
 Хочешь, я новую спою,
 Пущу её вниз по реке.

Взлетит, как бабочка с руки,
И долетит до синих гор.
Она отыщет ваш костёр,
Узнает ваши рюкзаки.
 Согреет крылья у огня,
 Её ты только подожди,
 Она расскажет про меня,
 О том, что здесь идут дожди.

Гитара без тебя молчит.
А ты мне видишься во сне:
Фильм на некрашеной стене,
А по палатке дождь стучит...
 Нам сто разлук на долгий срок,
 Следы дороги на лице.
 И ждут с тобой нас сто дорог
 И сто свиданий в их конце.

1964

Довольно медленно (♩=96)

Что нам зна_ ко_ мы_ е до_ ма, ког_ да из

них дру_ зья у_ шли? Ко_ гда ты на кра_ ю зем_

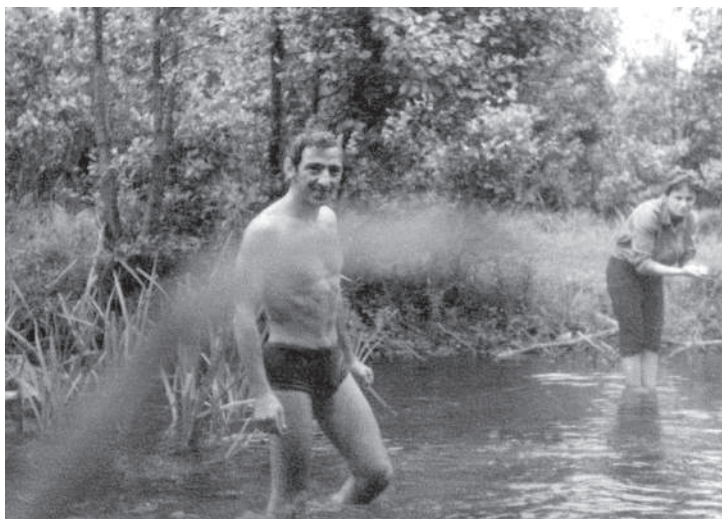
ли, не смо жет пес_ ня жить са_ ма. Ты пес_ ню

у_ нес_ ла мо_ ю, е_ ё ты но_ сишь в рюк_ за_

ке. Хо чешь, я но_ ву_ ю спо_ ю, пу_ щу е_

1. Dm D7
ё вниз по ре ке? Ты пес_ ню //

2. Dm (конец) %
ё вниз по ре ке? Взя_ тит, как //

НЕ ВЕРЬ

И. Я.

Не верь пословице, что правды нет в ногах,
Её побольше там, чем в искренних словах,
Не верь каналам, и домам, и городам,
Они ведь не всегда добры бывают к нам.

Не верь домам, не верь словам — они сокрут.
И только ноги никогда не подведут,
Чего ж ты ждёшь каких-то необычных слов?
Не передать словами содержания снов.

Знакома ты с очарованием дорог,
Ты исходила их и вдоль и поперёк,
Зачем же это ожидание в глазах?
Я больше, чем дороги, не смогу сказать.

Не верь пословице, что правды нет в ногах,
Её побольше там, чем в искренних словах,
Не верь каналам, и домам, и городам,
Они ведь не всегда добры бывают к нам.

1964

Умеренно (♩=112)

Не верь по_сло_ви_це, что прав_ды нет в но_гах,
е_ё по_боль_ше там, чем в иск_рен_них сло_вах,
не верь ка_на_лам и до_мам, и го_ро_дам,
о_ни ведь не все_гда доб_ры бы_ва_ют к нам.
Не верь ка_ // _ры бы_ва_ют к нам.

Мы идём то без дорог, то дорогами...

Впереди Ира Яковлева и Арик

УХОДИТ ОТРЯД

Уходит отряд, уходит отряд...
Десяток людей, покидающих город,
А где-то не спят и столетья подряд
Их ждут не дождутся озёра.

Горе пусть стережёт у порога,
Беды забыть поможет дорога,
Звёзды навстречу протянут лучи —
Может быть, это к чему-то ключи.

А ветер какой! А ветер такой,
Что сам ты как парус, а ветер навстречу!
А ветер такой, будто снежной рукой
Вцепился в усталые плечи.

Горе пусть стережёт у порога,
Беды забыть поможет дорога,
Звёзды навстречу протянут лучи —
Может быть, это к чему-то ключи.

Пусть вечер не скор, но будет костёр,
И блики огня на палатке шатровой,
Ночной разговор, гитарный минор...
А завтра в дорогу нам снова.

Горе пусть стережёт у порога,
Беды забыть поможет дорога,
Звёзды навстречу протянут лучи —
Может быть, это к чему-то ключи.
Звёзды навстречу протянут лучи —
Может быть, это к счастью ключи.

1964

Подвижно (♩=120)

У_ хо_ дит от_ ряд, у_ хо_ дит от_ ряд, де_

_ся_ток лю_дей, по_ки_да_ю_щих го_род, а где-то не

спят и сто_леть_я под_ряд их ждут не до_ждут_ся о_

_зе́ра. Го_ре пусть сте́ре жет у по́ро га,

бе_ды за_быть по_мо_жет до_ро_га.

Звёз_ды на встре чу про тя нут лу чи — мо жет быть,

э_то к че му - то клю чи. // му-то клю чи. А

ПРОЩАЛЬНАЯ

Зима, зима, снега, ветра,
И значит, завтра в путь пора,
Не потому, что снег кружит,
А потому, что год бежит.

Осталось нам совсем чуть-чуть:
Напиться да в счастливый путь.
Мы пили часто средь друзей,
Но нынче надо чуть сильнее.

А самолёты и поезда
Нас развезут кого куда.
Конец исхоженных дорог —
Дорог нехоженных порог.

А завтра будет рёв турбин,
А завтра будешь ты один,
Кругом зима и холода,
И только письма иногда.

Зима, зима, снега, ветра,
И значит, завтра в путь пора,
Не потому, что снег кружит,
А потому, что год бежит.

1964

Неторопливо (♩=72)

Нм Em⁶

Зи_ ма, зи_ ма, сне_ га, вет_ ра,

F⁷₇ Нм Н₇ Em A₇

и зна_ чит, завт_ ра в путь по_ ра, не по_ то_ му, что

D G₇ Em F⁷₇ 1. Нм Н₇

снег кру_ жит, а по_ то_ му, что год бе_ жит.

Em A₇ D G₇ Em F⁷₇

Не по_ то_ му, что снег кру_ жит, а по_ то_ му, что

Нм 2. Нм

год бе_ жит. // год бе_ жит.

ЛЕСА БЕЛОРУССИИ

Всё леса, леса, леса в Белоруссии
Да погода по-девчоночьи капризная,
То озёра, то болотца, будто бусины,
Там на ниточки речоночек нанизаны.

Мы идём то без дорог, то дорогами,
Бабы в сёлах нас встречают равнодушием,
Только песнями до самых слёз растроганы,
Приглашают снова в гости, став радушными.

Парни пачки распечатали «Севера»,
На девчонок из отряда загляделися,
Вот с такими погулять бы им под вербами,
Ах, девчонки, ну куда же вы делися?

А над Вилией-рекой кладки шаткие,
А за Вилией тропа в лесу теряется,
Гаснет солнце, и над нашими палатками
Снова звёзды в тёмном небе загораются.

1965

Живо (♩=132)

§ Hm H₇
 Всё ле_ са, ле_ са, ле_ са в Бе_ ло_ рус_ си_ и, да по_

Em A₇ D H₇ Em
 го да по- дев_ чо_ ночь и кап_ риз_ на_ я, то о_ зё_ ра, то бо_

Hm C₇ F₇
 лот ца, буд_ то бу_ си_ ны, там на ни_ точ_ ки ре_ чо_ но_ чек на_

1. Hm H₇ 2. Hm §
 ни за_ ны, то о_ // ни_ за_ ны. (конец) Мы и_ //

Всё леса, леса, леса в Белоруссии...

АПРЕЛЬ

Лишь вчера была метель,
А теперь — оттепель,
И звенит, поёт капель
Про солнечный апрель.

А снег всё тает,
За лыжи хватает,
Не даёт идти вперёд
И назад — не даёт.

К лыжам снег пристаёт,
Ненадёжным стал лёд,
Лес уйти нам не даёт,
И всё вокруг плывёт.

А снег всё тает,
За лыжи хватает,
Не даёт идти вперёд
И назад — не даёт.

А вокруг до небес —
Важный лес, влажный весь,
Равнодушья полон лес
К тем, кто в апрель залез.

А снег всё тает,
За лыжи хватает,
Не даёт идти вперёд
И назад — не даёт.

Погляди, как влажны
Тучи в тёплые дни.
Лыжи стали не нужны,
Ведь нет следов лыжни,

Но смысла нету
В лесу ждать лета,
Мы из лыж плот собьём
И в апрель поплывём.

Но смысла нету
В лесу ждать лета,
Мы из лыж плот собьём,
По весне поплывём.

В Саянах. 1971

Оживлённо (♩=120)

Лишь вче_ра бы_ла ме_тель, а те_перь от_те_пель,
и зве_нит, по_ёт ка_пель про сол_неч_ный ап_рель. А
снег всё та_ет, за лы_жи хва_та_ет, не да_ёт ид_
_ти впе_рёд и на_зад — не да_ёт. А // не да_ёт.

Chords: Hm, Em⁶, F[♯]₇, Hm, Em, A₇, D, H₇, Em, A₇, D, Em, Hm, F[♯]₇, 1. Hm, 2. Hm, %

ГОРОДА

Города, города крепко держат всегда,
Не дают уходить, не спешат отпустить.
Навещает беда, убегают года,
Можешь выть, можешь пить, но не смей уходить.

А город силён — «Погоди, не ходи»,
А песня уводит в снега и в дожди,
А память года у печи не хранит,
А в памяти — только походные дни.

Сотней дел и вещей, от кастрюль и борщей
До любовей и жён, ты всегда окружён.
От бродячих ночей бережёт нас Кашей,
Не допустит ведь он, чтоб костёр был зажжён.

И ждёт непокорных беда и гроза,
Но в небо впиваются жадно глаза,
И значит, опять завтра кто-то уйдёт,
У города дерзко себя украдёт.

Но готовы отдать себя трижды распять
 За палатку и лес, полный птиц и чудес,
 За возможность не спать, чтобы солнце встречать,
 За возможность залезть вглубь нехоженных мест.

И снова столбы отстают, отстают,
 Уходят ребята искать неуют,
 Ребята идут, от уюта устав,
 Для счастья другую усталость искать.

1965

Умеренно (♩=102)

Го_ро_ да, го_ро_ да креп_ко держат все_гда, не да_

ют у_хо_дить, не спе_шат от_пус_тить. На_ве_ща_ет бе_

да, у_бе_га_ют го_да. Мо_жешь выть, мо_жешь пить, но не

смей у_хо_дить. А го_род си_лён — "По_го_ди, нехо_

ди", а пес_ня у_во_дит в сне_га и в дож_ди, а

па_мять го_да у пе_чи не хра_нит, а в па_мя_ти толь_ко

1. по_ход_ны_е дни. Сот_ней // ста_лость ис_кать.

2. (A7) Dm7+

Мы ехали за город. До Столбцов — электричкой, а дальше автобусом — до того места, откуда мы уходили в лес. Что такое посадка в автобус на городской автостанции в пятницу вечером, когда все возвращаются из города, когда масса народа — бабы с ребятишками, узлами, вёдрами и ещё туристы, целая группа людей с рюкзаками, и вот всю эту массу — автобус подхватывает, и его облепляет огромная толпа — всю эту массу нужно втиснуть туда. Кажется, что на куски разлетится автобус. Конечно, всегда есть риск не попасть, остаться...

Вот в такой примерно обстановке мы садились в Столбцах, чтобы ехать на Николаевщину. Конечно, как только двери автобуса открылись, их стала штурмовать толпа. Ну, я тоже где-то скакала на окраине этой толпы, и вдруг я увидела Арика... Он стоял совсем в сторонке и спокойно-спокойно смотрел. С улыбкой смотрел на эту посадку. Ни малейшего, буквально ни одного движения он не сделал, чтобы принять в этом участие. У меня был страх, что он останется, — вот автобус уйдёт, все сядут, а он останется. Потому что совершенно не собирается садиться. И вот, когда уже абсолютно все-все сели, никого не осталось, он подошёл самым последним, каким-то чудом втиснулся, и дверь за ним закрылась.

Это очень для него характерно: человек, который совершенно не способен для себя урвать из общей кучи, то есть настолько человек не способен драть за какой-то кусок для себя, что его абсолютно невозможно представить в этой давке в автобусе. Так же, как невозможно представить в профкомовском «сражении» за квартиру — одним словом, в любом отстаивании любых благ для себя лично.

Фонограмма 1975 года. Минск

ПИСЬМА

Прошу вас, не будьте ко мне слишком строги
За то, что я писем не буду вам слать,
Считайте, что письма пропали в дороге
Прежде, чем я их успел написать.

Оставьте, не злитесь, что толку в бумаге?
Она не заменит мне вас, вам — меня,
Считайте, живёт где-то в мире бродяга,
Не смогший привычек в пути поменять.

Вот так мне шагать сквозь разлуки и встречи
И боль расставания прятать в глазах,
Но память, но память, схвативши за плечи,
Заставит не раз оглянуться назад.

Прошу вас, не будьте ко мне слишком строги
За то, что я писем не буду вам слать,
Считайте, что письма пропали в дороге
Прежде, чем я их успел написать.

1965

Октябрь семидесятого

Подвижно (♩=120)

♩=120

Pro_ шу вас, не будь_ те ко мне слиш_ ком

стро_ ги за то, что я пи_ сем не бу_ ду вам

слать, счи_ тай_ те, что пись_ ма про_ па_ ли в до_

ро_ ге преж_ де, чем я их у_ спел на_ пи_

_ сать. Счи_ // _спел на_ пи_ сать. О_ //

Chords: %Gm, A7, Dm, Gm, C7, F, D7, E7, A7, 1.Dm, 2.Dm, (конец), %

Я УЙДУ

Город празднует победу,
Не сумел уйти опять я,
Никуда уж не поеду,
Буду в городе болтаться.
Я как зверь, попавший сдуру
Под шальной заряд из дробы,
Город снимет мою шкуру
И к зиме сварганит обувь.

Мне до самых слёз обидно,
Без меня ушли ребята,
О дорогах петь мне стыдно,
Если не бываю я там.
Мои песни неуместны
В городах, в концертных залах,
Потому что мои песни —
Для дорог и для привалов.

Только рано, очень рано
Город празднует победу,
Он силен, а я упрямый
И опять в поход уеду.
Мне не так уж важно лето,
Пусть зима, пусть снег кружится,
Я уйду в поход, и это
Обязательно случится.

1965

Смоленский фестиваль

Подвижно (♩=138)

Го_ род празд_ ну_ ет по_ бе_ ду, не су_ мел уй_ ти о_

_ пять я, ни_ ку_ да уж не по_ е_ ду, бу_ ду в го_ ро_ де бол_

_ тать_ ся. Я как зверь, по_ пав_ ший сду_ ру под шаль_

_ ной за_ ряд из дро_ би, го_ род сни_ метмо_ ю шку_ ру и к зи_

_ ме свар_ га_ нит о_ буй. Я как // о_ буй. Мне до //

Середина шестидесятых...

ПРОВОДЫ

Не от веселья песни были веселы,
Друзей в дорогу провожать так грустно,
А нам хотелось спрятаться за песнями,
Уедет поезд, станет в мире пусто.

Уедет поезд, мы вольёмся в улицы,
Неся с собой в свои квартиры зависть,
А там всё те же тени на стене сутулятся,
Там всё привычно так и устоялось.

Там всё привычно так до безобразия:
Дни-близнецы приходят и уходят.
Нас старят, старят дни однообразия
В десятки раз сильнее, чем невзгоды.

Но тепловоз пока рокочет сдержанно,
Мы песнями сказать успеем много,
Ведь в наших песнях круто перемешаны
Разлуки, встречи, беды и дороги.

1965

Умеренно скоро (♩=120)

Не от ве_сель_я пес_ни бы ли ве_се_лы, дру_

_зей в до_ро_гу про_во_жать так груст_но, а нам хо_

_те_лось спря_тать_ся за пес_ня_ми, у_е_дет по_езд,

ста_нет в ми_ре пус_то. //пус_то.

ДОЖДЬ

Небо забыло, и небо забыто,
В небе нет солнца, и в небе нет неба.
Сеется дождь через крупное сито,
Солнце — небыль, и звёзды — небыль.

Солнце не видит и солнце не слышит
Изломленных горестно тысяч губ,
Не видит, как горько плачут крыши,
Как слёзы их рвутся потоком из труб.

В такую погоду не выйдешь из дома
Или из дома уйдёшь навсегда.
Эта погода давно мне знакома,
Но дома я с ней не смирюсь никогда.

Дождь заливает костры и желанья,
Дождь вымывает из мира краски,
Тонут дома в белёсом тумане,
И умолкают птицы и сказки.

В такую погоду забудешь что помнишь
И вспомнишь всё, что забыть так хочешь.
Всё так тревожит, как омут бездонный,
И нескончаемо тянутся ночи.

Станет ли в мире когда-нибудь лучше?
Или всегда лить воде, как беде...
Солнце вчера разогнало тучи,
Но разве дело только в дожде?

1965

Довольно скоро (♩=144)

Не бо за бы ло, и не бо за бы то,

в не бе нет солн ца, и в не бе нет не ба. Се ет ся

дождь че рез круп но е си то, солн це — не быть,

извёз ды — не быть. Солн це не ви дит

и солн це не слышит из лом лен ных го рест но

ты сяч губ, не ви дит, как горь ко пла чут кры ши,

как слё зы их рвут ся по то ком из труб. В та

ку ю по го ду не вый дешь из до ма и ли из

до ма уй дешь на все гда. Э та по го да

дав но мне зна ко ма, но до ма я с ней не сми

_рюсь ни_ко_гда. Дождь за_ли_ва_ет кост_ры и же_
 _лань_я, дождь вы_мы_ва_ет из ми_ра крас_ки,
 то_нут до_ма в бе_лё_сом ту_ма_не, и у_мол_ка_ют
 пти_цы и сказ_ки. В та_ку_ю по_го_ду за_
 _бу_дешь, что пом_нишь, и вспо_м_нишь всё, что за_быть так
 хо_чешь. Всё так тре_во_жит, как о_мут без_дон_ный,
 и нес_кон_ча_емо тя_нут_ся но_чи. Ста_нет ли
 в ми_ре ко_гда-ни_будь луч_ше? И_ли все_гда лить во_
 _де, как бе_де... Солн_це вче_ра ра_зо_гна_ло
 ту_чи, но раз_ве де_ло толь_ко в дож_де?

ГОРОДСКОЕ УТРО

Крик петушков жестяных —
Это команда «стоп»,
И в черноту стены
Уходят картины снов:

То ли стволы двух берёз,
А может быть, две сосны,
Очень своих, до слёз.
Жаль, что уходят сны.

Изгнан из комнат мрак.
Город, спеша, встаёт,
Слушает город «Маяк»,
Кофе горячий пьёт.

Транспорт родной кляня,
Сотню найдёт злых слов,
Город во власти дня,
Люди во власти снов.

Вот ведь как много людей,
Ах, как тесно, тесно.
И вырастает день
Из недосмотренных снов.

День, чтобы строить дома,
День, чтоб варить обед,
День, чтобы счастье поймать
Или упасть от бед.

День, чтобы строить дома,
День, чтоб бывать везде,
может быть, счастье поймать,
может, отдаться беде.

1965

С движением (♩=136)

Нм Ем
 Крик пе_ туш_ ков жес_ тя_ ных — (свист)
 F#7 Нм Нм6 Нм Нм6
 э_ то ко_ ман_ да "Стоп",
 H7 Ем
 и в чер_ но_ ту сте_ ны у_
 G7 F#7 %
 хо дят кар_ ти_ ны снов.
 H7 Ем
 То ли ство_ лы двух бе_ рёз,
 A7 D
 а мо_ жет быть, две сос_ ны (свист)
 Ем Нм Нм6
 о_ чень сво_ их до слёз,
 C#7 F#7 1 Hm 2 Hm % Hm
 жаль, что у_ хо_ дят сны. // бед. // де.
 C#7 F#7 Нм Нм6
 И_ ли от_ дать_ ся бе_ де.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ О ЗИМЕ

В небе крик журавлей — это песня осенняя,
Над печалью полей, над осенними тенями.
Я слежу чуть дыша за полётом на юг,
Птичьи клинья спешат от метелей и выюг,
И плывёт, чуть простуженный,
Птичий горестный крик
Над морями, над сушею
На чужой материк.

Ветер лица озёр полосует морщинами,
По утрам на костёр ставлю воду со льдинами.
И горят, и дрожат листья клёнов, берёз,
Но загасит пожар дождь потоками слёз.
Ветер сети связал в путях
Из осенних дождей,
Он запутал меня в сетях —
Ни надежд, ни путей.

Но ведь это дожди — а они уйдут, уйдут,
Журавлей проводив, мир снегам отдадут.
И пойдут по снегам лыжные следы,
Нас ведь не испугать ватой из воды.
Это птицам лететь на юг,
Нам — их в путь провожать.
Это нам встречать время выюг
И сквозь выюги бежать.

Не спеша (♩=84)

В не_бе крик жу_рав_лей — э_то пес_ня о_сен_ня_

_я, над пе_чаль_ю по_лей, над о_сен_ни_ми те_ня_

_ми. Я сле_жу чуть ды_ша за по_лѐ_том на юг, птичь_и

кли_ны спе_шат от ме_те_лей и вьюг.

И плы_вѐт, чуть про_сту_жен_ный, пти_чий го_рест_ный

крик над мо_ря_ми, над су_ше_ю, на чу_жой ма_те_

рик. Ве_тер // жать. Э_то

пти_цам ле_теть на юг, нам их в путь про_во_

_жать. Э_то нам встре_чать вре_мя вьюг

Замедляя и сквозь вью_ги бе_жать.

Chords: Dm, Gm, A7, Dm, D7, Gm, C7, F, A7, Dm, Dm6, Gm, A7, Dm, Dm6, Dm, Dm6, D7, Gm, C7, F, A7, Dm, Gm, A7, Dm, Dm6.

ЗИМА ЗОВЁТ

Не грусти, когда снега, не грусти,
И не прячься от метелей в домах,
Отпусти себя к зиме, отпусти,
Обласкает, обогреет зима.

Обласкает и укроет от бед,
Сказку новую расскажет тебе,
Снег подсветит синим светом луна,
Колыбельную споёт тишина.

Приходи, тебя леса позовут,
Ты не бойся тёмных просек лесных,
Ты увидишь то ли сон наяву,
То ли явь похожей станет на сны.

Ну зачем тебе витрин витражи?
Ну зачем тебе тоской дорожить?
Слышишь, в дверь твою стучится зима,
Так не прячься от метелей в домах.

1966

Карпаты

Подвижно (♩=132)

Не грус_ ти, ко_ гда сне_ га, не грус_ ти,

и не пряч_ ся от ме_ те_ лей в до_ мах,

от_ пус_ ти се_ бя к зи_ ме, от_ пус_ ти,

об_ лас_ ка_ ет, о_ бо_ гре_ ет зи_ ма.

От_ пус_ ти се_ бя к зи_ ме, от_ пус_ ти

об_ лас_ ка_ ет, о_ бо_ гре_ ет зи_

1. Hm Hm6 2. Hm Hm6

ма. Об лас_ // _мах.

КАРПАТЫ

Вот, говорят, ты в городе грустишь,
И песни всё тоскуют о дороге.
За тридевять земель не улетишь,
Когда в запасе времени немного,
Не улетишь, не улетишь...

Мы не ушли за тридевять земель,
Но где-то по пути тоска отстала,
Среди весны пробились мы к зиме,
На много дней опередив усталость.
На много дней, на много дней...

Мы здесь живём на белых склонах гор,
Близки здесь горизонты и горбаты.
Снега, снега... Куда ни кинешь взор,
Сутулят спины снежные Карпаты.
Снега, снега, снега, снега...

Мы жили среди гор, и даже лес
Повыше нас подняться не решился,
Наш домик под названием «Эдельвейс»
У самых снежных склонов приютился.
Наш «Эдельвейс», наш «Эдельвейс»...

Мы жили, как живут на берегу,
Наш путь шёл через рифы долгих буден,
Костры мы разжигали на снегу
И пели песни и горам, и людям.
На снегу, на снегу, на снегу...

1966

С движением (♩=132)

Вот, го_ во_ рят, ты в го_ ро_ де грус_ тишь,

и пес_ ни всё тос_ ку_ ют о до_ ро_ ге.

За три_ де_ вять зе_ мель не у_ ле_ тишь,

ко_ гда в за_ па_ се вре_ ме_ ни не_ мно_ го,

не_ у_ ле_ тишь, не_ у_ ле_ тишь.

Мы // _гу, на сне_ гу.

ПЕСНЯ О РАССТАВАНИЯХ

Что делать, но у нас так повелось —
Разлука в нашем доме частый гость,
А вот прощаемся мы кое-как,
Уже с порога говорим: «Пока».

Прощаться не научены совсем,
Вот возвращаться мы умеем все.
Грустит, листки роняя, календарь.
Ушли друзья, не допрощавшись, вдаль.

Вот так же мы ушли, покинув дом,
К вершинам гор ушли мы впятером,
Не допрощавшись, и опять, как встарь,
Без нас листки роняет календарь.

Здесь ночь от полнолуния светла,
А горы охраняют снежный клад,
Но ждут друзья нас в городах, внизу,
Я им в подарок песню привезу.

Я песню привезу, ну а пока
Здесь рядом с нами бродят облака,
Рукой туманов нам стучат в окно,
Когда в горах становится темно.

Покинув горы, мы придём назад,
Вернёмся в город, где нас ждут друзья.
Ну а пока, грусти — не грусти,
А песню всё же надо привезти.

В горах петляют лыжные следы,
Мы огибаем логово беды...
И есть ещё запасы в рюкзаках,
И для привалов хватит табака.

А в городе друзья живут без нас,
А в городе давно уже весна,
А до весны всего нам час пути,
Так эту песню надо привезти.

Подвижно (♩=120)

Dm Gm⁶
 Что де_ лать, но у нас так по_ ве_ лось —
 C₇ F
 раз_ лу_ ка в на_ шем до_ ме час_ тый гость,
 B A₇
 а вот про_ ща_ ем_ ся мы ко_ е - как,
 Dm
 у_ же с по_ ро_ га го_ во_ рим: "По_ ка".
 C₇ F
 Про_ щать_ ся не на_ у_ че_ ны со_ всем,
 C₇ F
 вот воз_ вра_ щать_ ся мы у_ ме_ ем все.
 B A₇
 Грус_ тит, лист_ ки ро_ ня_ я, ка_ лен_ дарь.
 У_ шли друзь_ я, не до_ про_ щав_ шись,
 1. Dm 2. Dm
 вдаль. Вот // _ти. Так
 A₇ Dm
 э_ ту пес_ ню на_ до при_ вез_ ти.

ДЕСЯТЬ ПАЛЬЦЕВ

Сколько у нас в жизни счастья?

Выпивка после разлуки,
Радости — чуточку чаще,
Чем быть должно по науке.

Ленточки цвета корицы,
Неторопливый бег,
Крылья расправив птицей,
Песня напомнит тебе

Лес и озёра, да снег в горах...

Ах, десять пальцев у нас на руках.

Сколько у нас в жизни горя?

Выпивка перед разлукой,
Ссора без всякой ссоры,
Горького плача звуки,
В собственных стенах закован,
Да вот никто не придёт.

Тёмные окна знакомых —
Значит, никто не ждёт.

Горечь обиды, дворцы из песка...

Ах, десять пальцев у нас на руках.

Сколько ж в той жизни кручины?

Выпивка — так, без причины,
Ни до чего нет дела,
Дни, как большой понедельник,
Ветер за окнами воет,
Капли дождя на них,
Где-то спрятались двое,
С кем бы я смог на троих.

Что-то вот горек мне дым сигарет...

Ах, много дней в нашем календаре.

Неторопливо (♩=84)

Dm Gm
 Сколь_ ко у нас в жиз_ ни счастье_ я?

A₇ Dm
 Вы_ пив_ ка пос_ ле раз_ лу_ ки, ра_ дос_ ти чу_ точ_ ку

Gm C₇ F
 ча_ ще, чем быть долж_ но по_ на_ у_ ке.

D₇ Gm C₇ F A₇
 Лен_ точ_ ки цве_ та ко_ ри_ цы, не_ то_ роп_ ли_ вый бег,

Dm Gm A₇
 крыль_ я рас_ пра_ вив пти_ цей, пес_ ня на_ пом_ нит те_

Dm D₇ Gm
 бе лес и о зё_ ра да снег в го_ рах...

A₇ Dm
 Ах, де_ сять паль_ цев у нас на ру_ ках.

Финский залив. Октябрь семидесятого

ПЕСНЯ О ПЕСНЯХ

*Что ж ты стоишь на тропе,
Что ж ты не хочешь идти?
Нам надо песню допеть,
Нам надо меньше грустить...*

Ю. Визбор

Наши лыжи у печки стоят,
Оплывает огарок свечи,
Пляшут тени на лицах ребят,
И гитара негромко звучит.

Здесь скрестились десятки путей,
Разных радостей, встреч и утрат,
Здесь гадают про завтрашний день
По рисункам истрёпанных карт.

А живём мы, дороги любя,
Нам разлуки — прочитанный том,
Ну а песни — в них наша судьба,
Наше прошлое, наше потом.

Нам ещё переходы идти,
За туманом гоняться в лесах,
Знать, что в трудностях — радость пути,
Письма-песни с дороги писать.

Всё разлукам и песням отдать
И узнать, что есть в радости боль,
В городах деревянных бывать,
На штормовках осаживать соль.

Звёздный ковш описал полукруг,
Вот и кончилась песня моя.
Стало сонно и тихо вокруг,
Наши лыжи у печки стоят.

1966

Не спеша (♩=90)

На_ши лы_жи у печ_ки сто_ят, о_плы_

_ва_ет о_га_рок све_чи, пля_шут те_ни на

ли_цах ре_бят, и ги_та_ра не_гром_ко зву_

_чит. И ги_та_ра не_гром_ко зву_чит.

Здесь скрес_// карт. А жи_вём мы, до_ро_ги лю_

_бя, нам раз_лу_ки — про_чи_тан_ный том,

ну а пес_ни — в них на_ша судь_ба, на_ше
 прош_ло_е, на_ше по_том. На_ше прош_ло_е,
 на_ше по_том. Нам е_щё пе_ре_хо_ды ид_
 _ти, за ту_ма_ном го_нять_ся в ле_сах,
 знать, что в труд_нос_тях — ра_дость пу_ти, пись_ма -
 пес_ни с до_ро_ги пи_сать. Всё раз_//
 соль. На штор_мов_ках о_са_жи_вать
 соль. Звёзд_ный // _ят.

НЕ ЖЕНЮСЬ

*Ходит грустный медведь,
Бродит грустный медведь...*

Б. Полоскин

Ах, жениться бы мне, рыбкой в неводе,
Да всё времени нет, да всё негде.
То ли старый я, то ль с ума схожу,
Всё с гитарой, как с сумой, брожу.

И за окнами, и под соснами,
Чаще — в городе, реже — по свету,
А гитара мне, не пойму я кто —
То ли горсть камней, то ль букет цветов.

Мне б всё песни петь, было б лишь кому,
Да огнём гореть, да чернеть в дыму,
Ничего не жаль для товарищей,
Песня — и пожар, и пожарище.

Но мои друзья мне грозят, грозят:
В песнях ты погряз, дальше так нельзя.
Заведи свой дом и утомонись.
Будешь петь потом, а пока — женись.

Ты на старших глядя, дружок, учись,
Ведь гитары ради проходит жизнь,
Ведь совсем не дело всё песни петь,
Ведь грустит, седея, даже медведь.

А что я не женюсь, мне винить кого?
Может, я обвиню Городницкого:
В песне он не жениться советует,
Может быть, не женюсь я поэтому.

*Не женитесь,
Не женитесь,
Не женитесь,
Не женитесь, поэты!*

А. Городницкий

Не быстро (♩=96)

Ах, же_ нить_ся бы мне, рыб_кой в не_во де, да всё
 вре_ме_ни нет, да всё не_где. То ли ста_рый я, то ль с у_
 _ма схо_жу, всё с ги_та ро_ю, как с су_мой бро_жу, всё с ги_
 _та ро_ю, как с су_мой бро_жу. И за //_нись. Ты на
 стар_ших гля_дя, дру_жок, у_чись, ведь ги_та_ры ра_ди про_
 _хо_дит жизнь, ведь сов_сем не де_ло всё пес_ни петь, ведь грус_
 _тит, се_де_я, да же мед_ведь. А что //_бить, не же_нюсь я по_
 _э_то_му, мо_жет быть, не же_нюсь я по_
 _э_то_му. Не же_ни_тесь, не же_ни_тесь, не же_
 _ни_тесь, не же_ни_тесь, по_э_ты.

РОВЕСНИКОВ СЛЕДЫ

Опять над головой костёр качает дым,
Бредёт сквозь лес в обнимку с песней тишина,
А мы идём искать ровесников следы,
Тех самых, кто на четверть века старше нас.
 Им больше не стареть, и песен им не петь,
 И что на сердце, никому не высказать.
 Последние слова наткнулись на свинец,
 Да не над всеми обелиски высятся.

Над ними то весна, то ветер ледяной,
Лишь быль в летах сплетается с легендами,
Ребят не воскресить ни бронзой орденов,
Ни песней, ни муаровыми лентами.
 А им хотелось жить семи смертям назло,
 Семь раз не умирают, дело верное,
 Вперёд! — и встали в рост, и шли на танки в лоб
 С винтовкой образца девяносто первого.

Давно отмыта гарь, развеялись дымы,
И временем земные раны сглажены,
Мы ищем на земле ровесников следы,
Пусть вечные огни горят для каждого.
 Нам в памяти хранить простые имена,
 Ни временем не смыть их, ни обманами,
 Нам в памяти хранить и чаще вспоминать.
 Ровесники, не быть вам безымянными.

1966

Сдержанно (♩=120)

О_ пять над го_ ло_ вой кос_ тёр ка_ ча_ ет

дым, бре_ дёт сквозь лес в об_ ним_ ку с пес_ ней ти_ ши_ на,

а мы и_ дём ис_ кать ро_ вес_ ни_ ков сле_

ды, тех са мых, что на чет_ верть ве_ ка стар_ ше нас.

А мы и_ дём ис_ кать ро_ вес_ ни_ ков сле_

ды, тех са мых, что на чет_ верть ве_ ка стар_ ше нас.

Им // вы_ сят_ ся. Над //

(конец) %

Популярности Арика Круппа может позавидовать самый маститый композитор-песенник, поэт и исполнитель. А между тем, ведь песни его очень редко звучали на радио или в концертных залах, ещё реже печатались.

*Мои песни неуместны
В городах, в концертных залах,
Потому что мои песни —
Для дорог и для привалов...*

Так полушутливо Арик сам сказал о судьбе своего творчества. Я слышал песни Арика на латышском языке, встречался с ними в Ленинграде, на Урале, в Средней Азии, на Дальнем Востоке и на Кавказе. В чём причина такой исключительной популярности? Видимо, прежде всего в том, что Арик талантлив. Мне, как композитору, проще говорить о музыке Арика, которая меня трогает, которая мне близка и интересна. Как часто меня поражали неожиданные музыкальные решения, которые находил Арик для своих стихов! Помните «Ровесников следы»?

*Давно отмыта гарь, развеялись дымы,
И временем земные раны сглажены.
Мы ищем на земле ровесников следы,
Пусть вечные огни горят для каждого.*

Я вот, прочитав подобные стихи, смог бы положить их только на марш. Арик же находит интересное сочетание маршевого ритма с лирической мелодией. Прекрасно то, что, создавая музыку для своих песен, Арик всегда умел находить в гармонии свежие краски. Аккомпанемент в песнях Круппа так органичен их содержанию, что создаётся впечатление, что, уже сочиняя стихи, Арик чувствовал мелодию, на которую они будут положены, уже учитывал, в каком музыкальном ритме они будут звучать.

Игорь Лученюк
Минск, «Неман» №11, 1974

СИНЯЯ ПТИЦА

Соломенной крыши ресницы,
Слезою дрожащие звёзды...
Всегда убегал от синицы,
Вот рядом журавль, но поздно.
 Журавль, ты не мною был словлен
 В неба выцветшем ситце,
 И кто-то красивым словом
 Назвал тебя — синею птицей.

Вот рук моих карточный домик,
Вот синей птицы дыхание,
И сами приходят ладони
К щекам её на свиданье.
 И смело память отводят,
 Память, несмелые ласки,
 И щёки к ладоням приходят,
 И просится птица в сказку.

Ну что же ты плачешь, птица,
Поставит рассвет в сказке точку,
Поставит на первой странице,
Придуманной летней ночью.
 Ну что же, нам не на что злиться,
 Лишь в памяти — память о лете...
 И добрые птицы-синицы
 Сплетут для нас кружево сплетен.

1966

Умеренно (♩=96)

Со_ ло_ мен_ ной кры_ ши рес_ ни_ цы,
сле_ зо_ ю дро_ жа_ щие звёз_ ды... Все_
гда у бе_ гал от си_ ни_ цы, вот ря_ дом жу_
равль, но позд но. Жу_ равль, ты не мно_ го был
слов_ лен в не_ ба вы_ цвет_ шем сит_ це,
и кто_ то кра_ си_ вым сло_ вом на_
звал те бя — си_ не_ ю пти_ цей. Вот // спле_ тен.

ОСЕННИЕ РАЗЪЕЗДЫ

За растром дождей, косых, затяжных,
Не станешь видна — уедешь...
Ещё у недель пока я должник,
Ещё быть мне домоседом.

В миграции птиц, в застывшей воде,
В осенних приметах книжных
И в тысячах лиц знакомых людей
Ищу тебя и не вижу.

А может, не ждать, уехать и мне,
Рукою махнув на сроки,
И где-то гадать на спинах камней,
Где прячутся песен строки.

И нервы подбив, как сбитый каблук,
В пути, что упрямо выгнут,
Ничто не забыв, лишь горечь разлук
Совсем забывать привыкну.

Но честно часы считают часы,
Ты едешь, а я — не скоро,
Лишь дождь моросит и растром косым
Опутывает весь город.

Дымок сигарет, ознобная дрожь
Да ветров весёлых стая,
Дожди в октябре, и поезд сквозь дождь
Уходит, столбы считая.

1966

Довольно быстро (♩ = 138)

За раст_ ром дож_ дей, ко_ сых, за_ тяж_ ных, не
 ста_ нешь вид_ на — у_ е_ дешь... Е_щё у не_ дель по_
 _ка я долж_ник, е_щё быть мне до_мо_се_ дом. В ми_
 _гра_ци_ и птиц, в за_стыв_шей во_ де, в о_сен_них при_
 _ме_тах книж_ных и в ты_ся_чах лиц зна_
 _ко_мых лю_дей и_щу те_бя и не ви_жу,
 не ви_жу.
 1. Gm 2. Gm 3. D E^b F E^b
 За // _е_ дешь...
 Gm A^b A A^b Gm A^b A A^b Gm

Вокруг Арика всегда кипели страсти. Его друзья хотели ему добра, но все понимали это по-разному.

26 сентября 1970 года мы с Круппом оказались на дне рождения у его приятеля Ильи Овсищера. Там собрались знакомые журналисты, коллеги Арика по работе, среди которых было двое бывших однокурсников, научные сотрудники из академических институтов. Представляя своих друзей и приятелей, Арик шутя сказал об одном из них: «Вот человек, которому я завидую чёрной завистью — он всё успевает: и диссертацию защитил, и альпинист, и всё у него хорошо». Эта фраза была как сигнал, ей мгновенно воспользовались все присутствующие, чтобы открыть обычную, как я потом поняла, дискуссию. Это была даже не дискуссия, а скорее застольная атака на Круппа. Его бомбили со всех сторон — говорили, что пора взрослеть, пора наконец образумиться, хватит валять дурака: песенки и палатки — это, конечно, хорошо, но ведь за этим он забросил главное — науку, диссертацию, аспирантуру. Всё это говорилось горячо и почти требовательно. Арик в ответ улыбался и молчал.

И когда мы остались вдвоём, он сказал мне: «Понимаешь, Надя, дело в том, что все мои друзья разделились на две совершенно чёткие группировки. Одни говорят вот то, что ты сейчас слышала. А другие — здесь их нет — совсем другие ребята, которых ты тоже знаешь, с которыми мы ходили в лес — они говорят другое: «Бросайка ты, Арик, завод и становись профессиональным песенником».

Он замолчал. Я ждала, что он скажет дальше. А он улыбнулся и сказал: «Но я не могу бросить ни того, ни

другого, потому что... Я вот смотрю на других ребят, которые стали профессионалами, и понимаю, что для меня это невозможно, потому что я, в общем, инженер. Это мой стержень. От этого я не уйду никуда. Я инженер с того момента, когда впервые в пятилетнем возрасте взял в руки логарифмическую линейку... Но я должен признаться, что каждая новая написанная мной песня, которая нравится мне и моим грузьям, приносит мне больше радости и удовлетворения, чем авторское свидетельство об изобретении».

В 1974 году в одиннадцатом номере журнала «Неман» была опубликована маленькая статейка об Арике, подписанная Игорем Лученком. В ней цитировались эти слова Крупна, но обрезаны они были ровно наполовину. При сокращении статьи с водой выбросили и ребёнка. Остались только слова о заводе и об инженерной профессии, а всё то, что касается песен, было отрезано и выброшено. В те времена редакторские ножницы по живым авторам гуляли как хотели, а уж о тех, кого не было в живых, и говорить не приходится.

Но вернёмся в дом Ильи Овсищера, в сентябрьский вечер 1970 года.

Много позже, вспоминая тот застольный разговор, я гумала о том, почему «городские» грузья Арика все так дружно и горячо призывали его повзрослеть, поступить в аспирантуру, писать диссертацию. Разве они не понимали, что это было ему неинтересно? Несомненно, они его любили. Несомненно, они желали ему добра. Но дело было не только в этом. Они хотели, чтобы он делал карьеру, потому что она открывала путь к материальному благополучию. Они хотели, чтобы он стал полноценным представителем их круга. Видимо, они ощущали некоторый дискомфорт и подсознательно хотели от него избавиться. Как ни крути, Арик был среди них «белой вороной». У него не было даже своего дома. У него была койка в заводском общежитии с казённым бельём, пара нейлоновых рубашек да штормовка, рюкзак со спальником да гитара и блокнот со стихами его песен. Это всё. И этого ему хватало. Нет — так принято было считать. Но на самом деле так не было. Повесть свою, например, он смог написать только потому, что попал с операцией аппендицита в больницу. В общежитии это

Финский залив. Октябрь, 1970

ему не удавалось — не было возможности побыть в одиночестве, что, понятно, необходимо для занятий прозой. Конечно, ему не хватало своего угла, но он с этим мирился и предпочитал этого не замечать, чтобы не терять ощущения свободы. Это позволяло ему тратить время на походы и очень щедро — на грузей и на всех, кто в нём нуждался. Вот этого его городские грузья понять не могли. Видимо, была разница в системе ценностей и оттого — дискомфорт. Ведь они даже на день рожденья к нему не могли прийти, потому что было некуда. Дни рожденья Арик всегда отмечал в лесу со своими многочисленными «лесными» грузьями, своими ребятами, как он их просто называл. И вот их-то он любил больше всего на свете. Они отвечали ему тем же, и он принадлежал им. Это была взаимная любовь.

ЛЫЖНЫЕ СЛЕДЫ

Улеглись на просеки, как в ножны,
Лезвия холодные метелей.
Тучи, тронув вожжи осторожно,
Сдвинулись, а звёзды потеплели.

Старый месяц изогнул два рога —
И в окно моё, а мне тревожно:
Может, люди где-то путь к дорогам
Потеряли в белом бездорожье.

Может быть, зовут, а их не слышат,
Вторит голосам их эха ругань.
Конь мой деревянный, мои лыжи,
В путь, пора подтягивать подпруги.

В чаще леса, в пятнах лунных капель
Домик мой в снегу, как тёплый остров.
К людям я лыжню тяну, как кабель,
Мне и тяжело, и очень просто.

Просто, как прокладывать дороги,
Сеять хлеб, рубить дрова для печки,
Обжигать горшки — ведь мы не боги, —
И поступки наши человечьи.

Может, никого я и не встречаю,
Просто сам себе придумал дело.
След в снегу оставил, да не вечный —
Он до оттепели, до метели.

1967

Подвижно (♩=120)

У_лег_лись на про_се_ки, как в нож_ны,

лез_ви_я хо_лод_ны_е ме_те_лей.

Ту_чи, тро_нув вож_жи о_сто_рож_но,

сдви_ну_лись, а звёз_ды по_теп_ле_ли.

Ста_рый ме_сяц и зог_нул два ро_га —

и в ок_но мо_ё, а мне тре_вож_но:

мо_жет, лю_ди где - то путь к до_ро_гам

по_те_ря_ли в бе_лом без_до_рожь_е. //

_те_ли. (свист)

Музыкальные ноты с гармонизацией (аккорды: Gm, A7, Eb, D7, B, G7, F7, Cm, Fm, G7, Cm, A7, D7, Eb, D7, Gm, A7, Eb, D7, Gm) и ритмом 2/4.

РАЗДУМЬЯ

Как много мне самим собой обещано,
Но если это только лишь слова,
То как же на бетонной массе трещины
Находит для семян своих трава?
И птицы как находят направление,
Покинув стран полуденных приют?
Так в зеркале раздумий все сомнения
Надеждами передо мной встают.

Иду к раздумьям, как к друзьям, доверчиво,
Я лучше вижу, чувствую сильней,
За кругом дум, привычками очерченным,
Есть маленькая дверь в большой стене.
Войти, увидеть горы, сёла, пристани,
Дать волю смеху, радости, слезам,
Суметь ложь отличить легко от истины,
Всё, всё понять и в песнях рассказать.

Мне близким кажется порой далёкое,
Как близок ночью свет чужих миров.
И мало мне тогда того, что около,
И не манит порой родной порог.
Смотрю на облака: куда бегут они,
Как тени их пасутся на траве,
Хочу быть здесь и там — я просто путаник,
Хочу всего — я просто человек.

1967

Подвижно (♩=116)

Как мно_го мне са_мим со_бой о_бе_ща_но,
но ес_ли э_то толь_ко лишь сло_ва,
то как же на бе_тон_ной мас_се тре_щи_ны
на_хо_дит для се_мян сво_их тра_ва?
И пти_цы как на_хо_дят на_прав_ле_ни_е,
по_ки_нув стран по_лу_ден_ных при_ют?
Так в зер_ка_ле раз_ду_мий все со_мне_ни_я
на_деж_да_ми пе_ре_до мной вста_ют,
на_деж_да_ми пе_ре_до мной вста_ют.
И // век

ДЕМОГРАФИЯ

*«Плодитесь и размножайтесь,
пока не наполнится вами земля...»*

Библия, Быт., 1:28

А Москва-то полна населения,
А в Москве муравейная скученность,
Знать, в планирование размножения
Никакой нет системы научной.

А домой прилетевши, ринулся
Не к буфету, а к книжному шкафу я,
Ни стакашка не приняв, принялся
Изучать, изучать демографию.

Прочитал я, что пишут учёные,
Что растёт, мол, растёт население,
А которые реакционные,
Те — по Мальтусу и без стеснения.

Не боюсь я за сытость публики:
Принесёт нам наука пользу,
Будут делать из дырок бублики,
Как московскую водку — гидролизом.

Лес повырубят, хоть он и нужен нам,
Ну а насчёт биосферы как же?
Вон квартиры всё ниже да уже,
Да и тех не хватает на каждого.

А китайцы, друзья позапрошлые,
Размножаются, ох, размножаются.
Раньше были такие хорошие,
А теперь на Сибирь покушаются.

Ах, народы, народы, ну на фиг вам
Размножение антинаучное?
Лучше ночью учить демографию,
Может, что-нибудь в мире улучшится.

1967

Довольно быстро (♩=132)

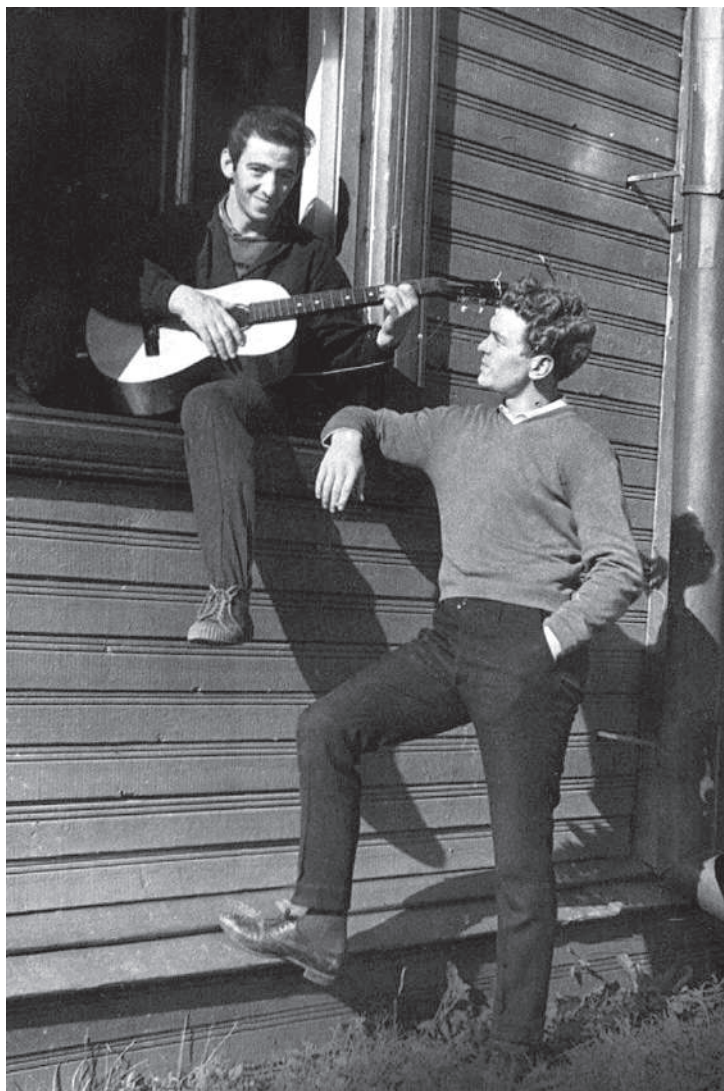
А Моск_ ва - то пол_ на на_ се_ ле_ ни_ я,

а в Моск_ ве му_ ра_ вей_ на_ я ску_ чен_ ность,

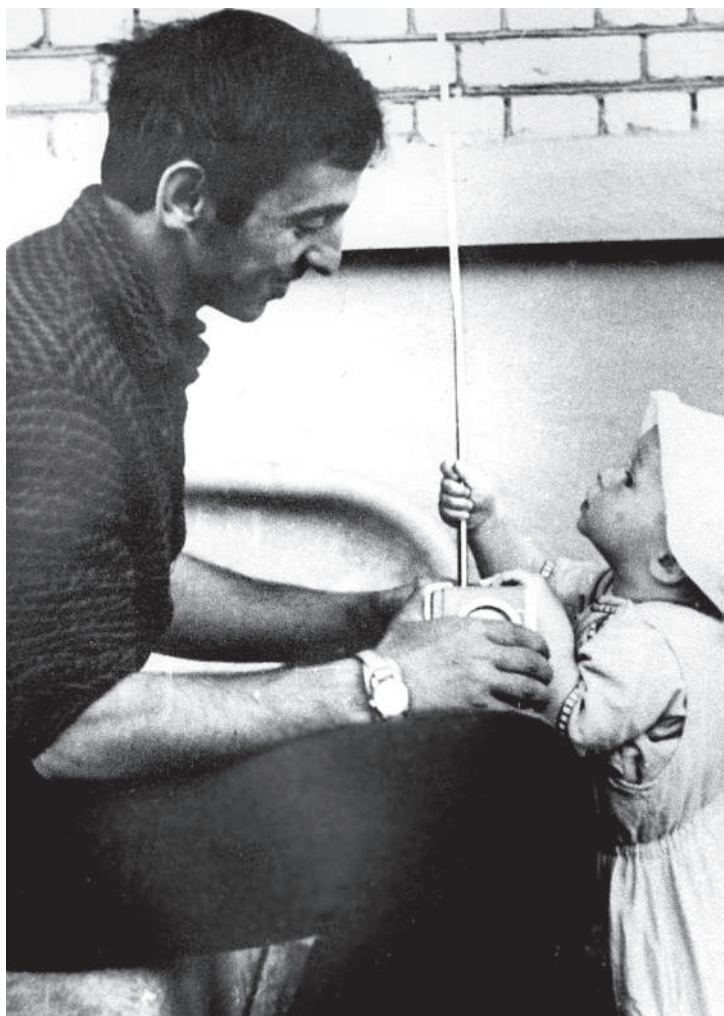
знать, в пла_ ни_ ро_ вань_ е раз_ мно_

же_ ни_ я ни_ ка_ кой нет си_ сте_ мы на_

уч_ ной. А до_ // _луч_ шит_ ся.

С Виктором Соболевским

С Мишкой

Друзья уезжали в отпуск и оставили с Ариком годовалого сына Мишку. На целый месяц... Общие знакомые считали, что они сошли с ума... Когда родители вернулись, они увидели своего карапуза, прибавившего в весе и весёлого. Арика он называл... папой.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сыну Яши Сапожникова — Мишке

В тучи над чёрными крышами
Медленно солнце врезается,
Входят в окошко рыжие,
На белых похожие зайцы.
Баю-бай.

Спят в своей гавани тральщики,
За день машины умаялись.
Сонного-сонного мальчика
Тихо баюкает маятник.
Баю-бай.

Тени шуршат над подушкой,
Сны к малышу приближаются,
Угол с простыми игрушками
Медленно преобразается.
Баю-бай.

Детские сны забываются,
Как далека моя станция,
К звёздам и к солнечным зайцам
Руки всё реже тянутся.
Баю-бай.

Зависть. Ну что же поделаешь:
Возраст, беднеет фантазия...
И мои сны неумелые
Некому, в общем, рассказывать.
Баю-бай.

Не спеша (♩.=90)

В ту_чи над чё_р_ны_ми кры_ша_ми

мед_лен_но солн_це вре_за_ет_ся,

вхо_дят в о_кош_ко ры_жи_е, з_на

бе_лых по_хо_жи_е зай_цы.

Ба_ю - бай, ба_ю - бай, ба_ю - бай.

// _бай.

СЕВЕРНАЯ I

Мы уезжаем, до свиданья, город,
Колёсам долго стыки рельс толочь,
Тебе — переживать прощанья горечь,
А нам — идти в полуденную ночь.

Значит, надо уехать, значит, ждёт нас пурга,
Переходы и песни, да белые выюги.
Пусть товарищи выпьют за ушедших в снега,
Убежавших по зову Полярного круга.

Полярный круг, ну что это такое?
Условная, придуманная нить,
А почему-то не даёт покоя,
Зачем-то чем-то нас к себе манит.

Значит, надо уехать, значит, ждёт нас пурга,
Переходы и песни, да белые выюги.
Пусть товарищи выпьют за ушедших в снега,
Убежавших по зову Полярного круга.

В края, где ни дорог нет, ни тропинок,
Где гребни гор дырявят облака.
Стоят там молчаливые Хибины,
Подставив ветру белые бока.

Воротники там от дыханья седы,
Там поровну на всех и груз и грусть,
И вышедший с полотен Кента Север
Ветров объятьем бросится на грудь.

Значит, надо уехать, значит, ждёт нас пурга,
Переходы и песни, да белые выюги.
Пусть товарищи выпьют за ушедших в снега,
Убежавших по зову Полярного круга.

С движением (♩=120)

Мы уез_ жа_ ем, до сви_ дань_ я, го_ род,

ко_ лё_ сам дол_ го сты_ ки рельс то_ лочь. Те_

бе пе_ ре_ жи_ вать про_ щань_ я го_ речь, а

нам ид_ ти в по_ лу_ ден_ ну_ ю ночь, а нам ид_

ти в по_ лу_ ден_ ну_ ю ночь. // _нит.

Зна_ чит, на_ до у_ е_ хать, зна_ чит, ждёт нас пур_

га, пе_ ре_ хо_ ды и пес_ ни да бе_ лы_ е вью_ ги.

Пусть то_ ва_ ри_ щи вы_ пьют за у_ шед_ ших в сне_

га, у_ бе_ жав_ ших по зо_ ву По_ ляр_ но_ го

кру_ га. В кра_ я, где ни до_ рога нет, ни тро_

Gm % E^b Cm
 пи нок, //кру_ га, у_ бе_ жав_ ших по зо_ ву По_
 D₇ Gm
 ляр но_ го кру_ га.

ПОРА ИДТИ*

Пора идти, но прежде оглянись:
Уходит ночь за белые хребты,
Лыжни вчерашней сдвоенная нить
Теряется за кромкой черноты.

Здесь на вершинах, в колыбелях бурь,
Сильней вина качают нас ветра,
Надёжней книг излечивают дурь,
Крепят желанья, изгоняют страх.

А горы, горы, будто вне времён,
Стоят, не зная ни добра, ни зла.
Что им до наших дел, судеб, имён?
Стоят, как миллионы лет назад.

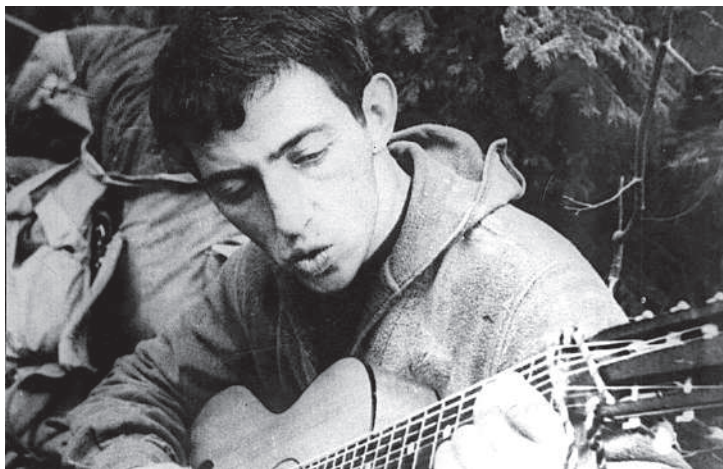
Стоят, людской не зная суеты,
Гремят порой раскатами лавин,
Провалы перевалов — как мосты
Ведут к далёким берегам долин.

Ну что ж, иди сквозь белые хребты,
Сквозь пляску снега проложи свой путь,
Ещё в пути не раз устанешь ты,
Ещё не раз присядешь отдохнуть.

А после будут горы позади,
И к полустанку северных разлук,
Наверно, грустно будет подходить
И уезжать на целый год на юг.

1967

* Мелодия песни не сохранилась.

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Это видели крыши с кустами антенн,
И трубы, что служат корнями дымам,
И окна — глаза глуховатых стен —
Мигнули дверям, те шепнули домам,
Соседним домам.

Это видели все — белокрылым орлом
На тонкой бечёвке, вспугнув голубей,
Деревья дымов перерезав крылом,
Взлетел над кустами антенн белый змей,
Бумажный змей.

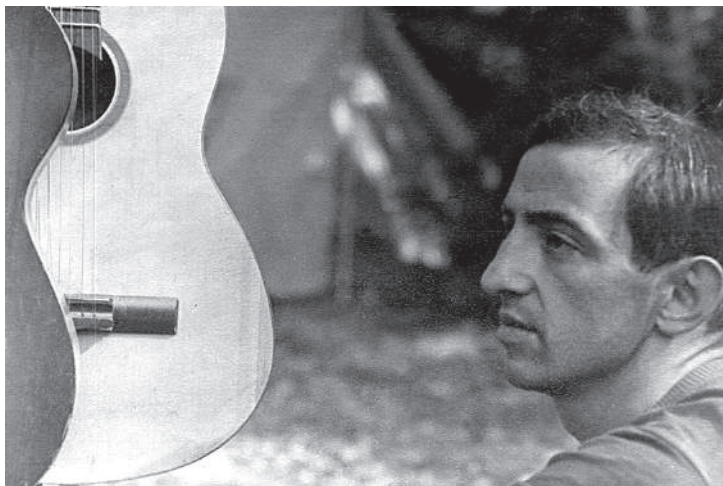
Это видел и я, как ему повезло:
Его подхватил восходящий поток,
Качая хвоста кормовое весло,
И был всё неслышней дверной шепоток,
Дурной шепоток.

Но увидел и он сверху те же дворы.
Увидел бечёвку в руках пацана.
Попробовать вырваться? Змеи мудры.
Рвать нити для них — дорогая цена.
Большая цена.

Могут змеи летать, лишь за нитку держась.
За свободный полёт — под колёса машин,
Под подошвы людей, на асфальт или в грязь.
И гибнут видения синих вершин.
Далёких вершин.

Умеренно (♩=108)

Э - то ви_ де_ ли кры_ ши с кус_ та_ ми ан_ тенн, и тру_ бы, что слу_ жат кор_ ня_ ми ды_ мам, и ок_ на — гла_ за глу_ хо_ ва_ тых стен — миг_ ну_ ли две_ рям, те шеп_ ну_ ли до_ мам, со_ сед_ ним до_ мам. Э_ то ви_ де_ ли все. Бе_ ло_ кры_ лым ор_ лом на тон_ кой бе_ чёв_ ке, вспуг_ нув го_ лу_ бей, де_ ревь_ я ды_ мов пе_ ре_ ре_ зав кры_ лом, взле_ тел над кус_ та_ ми ан_ тенн бе_ лый змей, бу_ маж_ ный змей. Но у_ // _шин.

ДАВАЙ ПОГОВОРИМ

Давай поговорим о городах,
Давай с тобой придумаем весы,
На чашу бросим серые года,
А на другую — радости часы.

Давай поговорим о доброте,
Просеем через сито наши сны,
Измерим толщину квартирных стен
И взглянем на себя со стороны.

Давай поговорим и о земле,
Обители и радости, и слёз.
Ведь жалко будет, если, осмелев,
Грибы поднимут головы до звёзд.

Ещё о песнях мы поговорим,
А память мысли в древность унесёт.
Спасли однажды гуси криком Рим,
А кто нас от самих себя спасёт?

Давай припомним горы и леса,
 Мы к ним ещё придём когда-нибудь.
 А тучи за окном, как паруса,
 Из песен уплывают в дальний путь,
 На запад уплывают в дальний путь.

1967

Довольно медленно (♩=78)

Да_ вай по_ го_ во_ рим о го_ ро_ дах,

да_ вай с то_ бой при_ ду_ ма_ ем ве_ сы,

на ча_ шу бро_ сим се_ ры_ е го_ да,

а на дру_ гу_ ю ра_ дос_ ти ча_ сы.

Да_ // путь. На за_ пад у_ плы_

ва ют в даль_ ний путь.

НЕ СЕРДИСЬ

Не сердись, я привык уходить
В книги, в горы и просто в тоску.
Это так же, как мокнуть песку,
Если вдруг начинает дождить.

Ну а мне не понять, не понять,
Для чего улетать журавлям,
Почему провожать не меня
Телефонных звонков кораблям.

От ладьи твоих ласк и от рук
Что-то гонит меня в холода,
Не в свои я сажусь поезда,
И в чужом я ночью порту.

Лучше памяти нить подари —
Голубое окно на заре,
Шёлк палатки у маленьких рек,
А когда я вернусь, отвори,

Отвори мне опять свою дверь.
От разлук стал я вроде добрей,
От тоски, от сырых октябрей...
Отвори и ещё раз поверь:

Это был не последний побег,
Сколько их у меня впереди...
Если б я не любил уходить,
Я б не смог возвращаться к тебе.

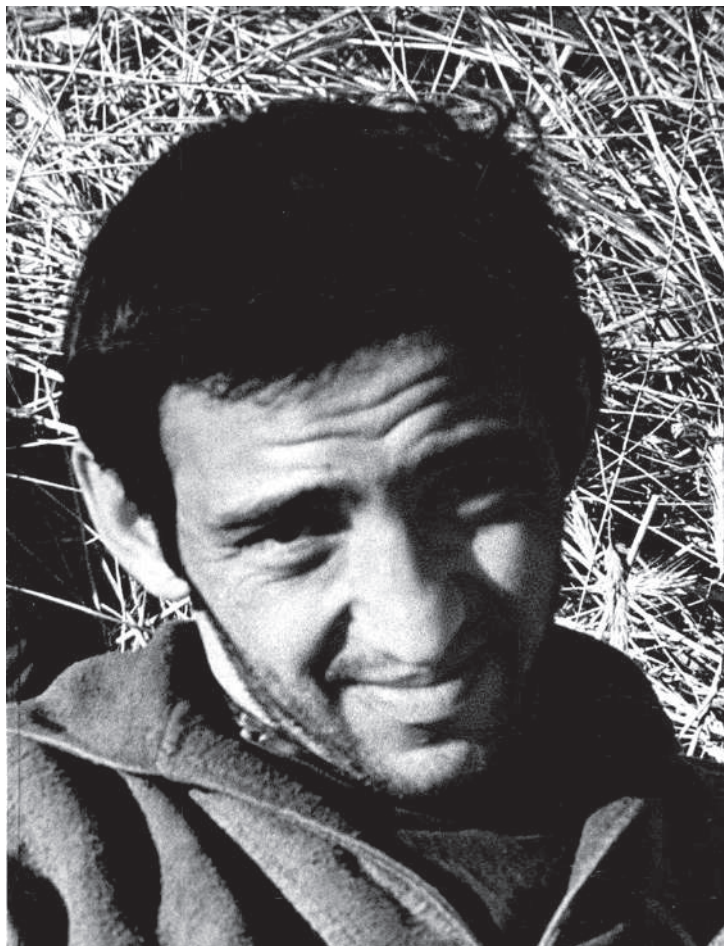
1967

В спокойном темпе (♩=102)

Не сер_дись, я при_вык у_хо_дить
в кни_ги, в го_ры и про_сто в тос_ку.
Э_то так же, как мок_нуть пес_ку,
ес_ли вдруг на_чи_на_ет дож_дять.
Ну а мне не по_нять, не по_нять,
по_че_му у_ле_тать жу_рав_лям,
по_че_му про_во_жать не ме_ня
те_ле_фон_ных звон_ков ко_раб_лям,
те_ле_фон_ных звон_ков ко_раб_лям.
От лад_ //_бе.

УСТАЛОСТЬ

Как хочется устать, как хочется устать
И отдых дать любимому коньку,
Присесть поближе к огоньку
И просто книги полистать.

Но я в привычках, как в цепях,
Всё вертят старые заботы,
И на дорогах повороты
Проскакиваю второпях.

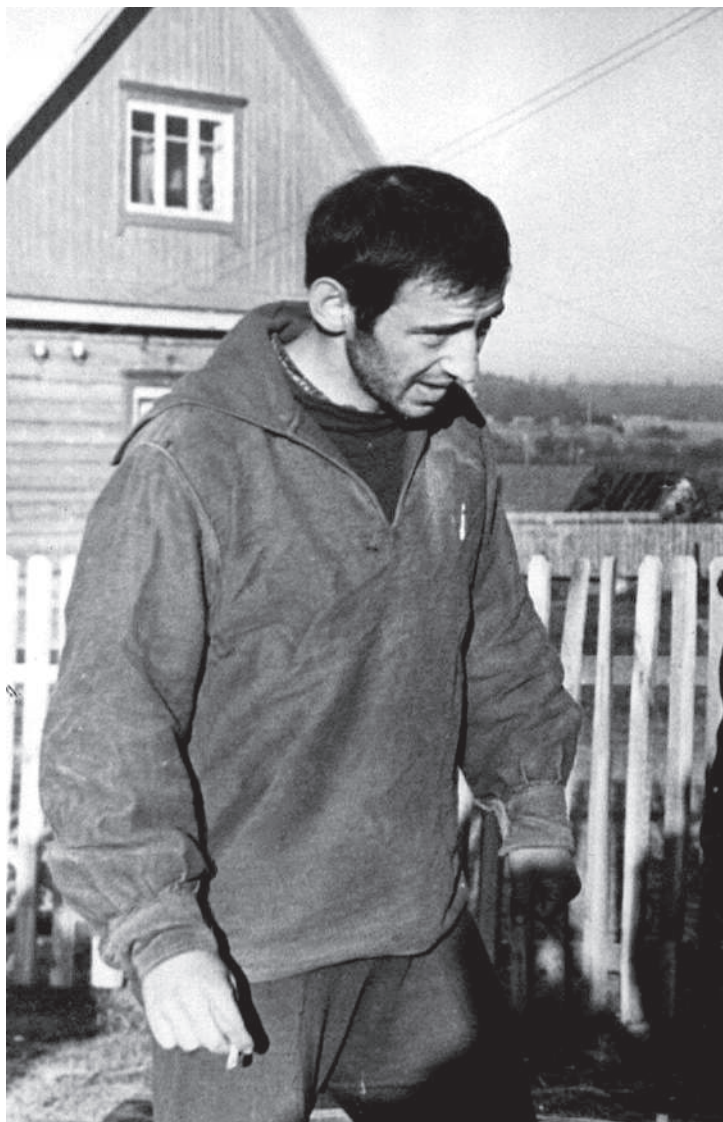
Как хочется и мне немного стать умней,
Знать, как разжечь в сырую полночь свет,
На все вопросы знать ответ
И твёрже серых быть камней.

Но мне никак не стать другим,
Всё вертят новые соблазны,
Всё хочется придумать праздник
И выпечь в будни пироги.

Как хочется забыть, как хочется забыть
И песни, и товарищей моих,
Мирок построить на двоих
И потихонечку в нём жить.

Но мне не выстроить тех стен,
Всё вертят глупые надежды,
То чёрствость не даёт, то нежность,
То руки связывает лень.

1967

Октябрь, 1965

Умеренно (♩=108)

Как хо_чет_ся у_стать, как хо_чет_ся у_стать и

от_дых да_ть лю_би_мо_му ко_нь_ку, при_сест_ь по_

_бли_же к о_гон_ь_ку и прос_то кни_ги по_лис_тать.

Но я в при_выч_ках, как в це_пях, всё

вер_тят ста_ры_е за_бо_ты, и на до_

_ро_гах по_во_ро_ты про_ска_ки_ва_ю вто_ро_//

1. Dm Dm⁶ Dm Dm⁶ 2. Dm Dm⁶ Dm % Dm Dm⁶

_пях. Как // жить. Но мне не // лень.

Мы попали вдвоём с моей подругой в компанию... на заводе электротехническом регулярно проводили «блины». Они это так называли. Блинов там, конечно, не было, было немножко другое.

Ну, мы однажды пришли в эту компанию. Был Арик, было несколько знакомых ребят, и в общем-то обстановка совершенно незнакомая, при хрустальных фужерах и при разных всяких салатах. И получилась какая-то напряжённая обстановка... все вроде стеснялись, никто никого почти не знал и сидели смотрели друг на друга, и не было той тёплой атмосферы.

Вот Арик сидел, смотрел-смотрел, потом говорит:

— Это никто есть не будет?

Все молчат.

— Никто есть не будет?

Опять молчат. Он берёт, руку в хрустальную салатницу запускает, берёт в лапоть мясной салат и кушает спокойно. Один раз, второй раз, значит, так вот он спокойненько слизывал с пальцев этот салат, вытер салфеточкой, положил и, радостно улыбающийся, сел. Натянута обстановка была разрушена моментально.

Галя Кузнецова.

Фонограмма 1975 года, Минск

Рисунок Арика Круппа на обороте черновика

ВОСТОЧНЫЙ ПОЕЗД

В. Соболевскому

Укрыт облаками умеренный пояс.
Косыми дождями октябрь моросит.
Увозит меня на восток синий поезд
По жёлтой намокшей Руси.

Смотрю на берёзы, дымлю сигаретой
В прокуренном тамбуре под говорок
Удмуртцев, волжан, обсуждающих лето,
А поезд бежит на восток.

Я так засиделся в мирке полусонном,
В мирке, где уже не живут чудеса.
Я новых друзей имена не упомяну,
Я старых друзей позабыл голоса.

Себя самого призываю к ответу
За прошлое, что я успел растерять.
Ах, прошлое, ты разлетелось по свету,
По крохам придётся тебя собирать.

Так пусть меня поезд восточный подлечит,
Чтоб права лишился я сетовать зря,
Что тех не найти, а иные — далече.
Ну что ж, что далече — на то и друзья,

Чтоб в поезд садиться, встречать самолёты,
При встречах до рыжей зари говорить.
Как надо, как надо до самых далёких
Друзей добираться и встречи дарить.
Дарить...

1967

В гостях у институтского друга Виктора Соболевского.
Арзамас, 1967

Довольно быстро (♩=138)

У_ крыт об_ ла_ ка_ ми у_ ме_ рен_ ный по_ яс. Ко_

сы_ ми дож_ дя_ ми ок_ тябрь мо_ ро_ сит. У_

_ во зит ме_ ня на вос_ ток си_ ний по_ езд по жёл_ той на_

_ моқ_ шей Ру_ си. Смот_ рю на бе_ рё_ зы, дым_

_ лю си_ га_ ре_ той в про_ ку_ рен_ ном там_ бу_ ре

под го_ во_ рок уд_ мурт_ цев, вол_ жан, об_ суж_ да_ ю_ щих

ле_ то, а по_ езд бе_ жит на вос_ ток. Я

так за_ си_ дел_ ся в мир_ ке по_ лу_ сон_ ном,

в мир_ ке, где у_ же не жи_ вут чу_ де_ са. Я

но_ вых дру_ зей и_ ме_ на не у_ пом_ ню, я

ста_рых дру_зей по_за_был го_ло_са. Се_бя са_мо_го при_зы_ваю к от_ве_ту за про_шло_е, что я у_спел рас_те_рять. Ах, про_шло_е, ты раз_ле_те_лось по све_ту, по кро_хам при_дёт_ся те_бя со_би_рать. Так //

рать_ся и встре_чи да_рить. Как на_до, как на_до до са_мых да_лё_ких дру_зей до_би_рать_ся и встре_чи да_рить, да_рить.

Как-то получается, что у любого автора много друзей. Не просто знакомых — «обожающих» или всегда находящихся «рядом», а именно друзей. Арик Крупн не был исключением, скорее даже слишком подтверждал правило. Пожалуй, одно из свойств таланта — возможность привлекать к себе, заставляя раскрываться сердца и души. Он любил людей, любил Родину — и лесистую Белоруссию, и суровый Кольский, и заснеженный Полярный Урал. Любил и умел слушать собеседника. Любил и умел писать и петь песни. Песни эти поют, потому что в них — его обнажённая искренность, и доброта, и непоказное мужество, и философское стремление к познанию себя, людей. Они живы, и поэтому как-то неуместно звучит слово «был» в приложении к их автору...

Я включаю магнитофон и вижу чуть-чуть грустное лицо Арика Крупна, поющего:

Вот так мне шагать сквозь разлуки и встречи
И боль расставания прятать в глазах,
Но память, но память, схвативши за плечи,
Заставит не раз оглянуться назад...

Игорь Михалёв.

Журнал «Турист», Москва, 1984

КОГДА НЕ ПРИХОДИТ ЗИМА

Тает снег на лету,
Самолёты в порту
В тумане тоскуют о небе,
Как нуждаемся мы
В возвращенье зимы,
Как голодные — в корочке хлеба.

Дни туман окружил,
И косые дожди
Поливают продрогшие крыши,
Всюду серая мгла,
В доме в тёмных углах
Сиротливо покоятся лыжи.

Никуда не бежать,
Только ждать, только ждать
Перемены ветров и погоды.
Облака, облака
Сеют всюду пока
Только воду, холодную воду.

Ветры всё не дают
Обрести вновь уют
В густолесье затерянных хижин.
И грустят поутру
Самолёты в порту,
Как в углу запylённые лыжи.

1967

Быстро (♩=144)

Та_ет снег на ле_ту, са_мо лё_ты в пор_ту в ту_ма_не тос_ку_ют о не_бе, как нуж_да ем_ся мы в воз_вра_щень_е зи_мы, как го_лод_ны_е — в ко_роч_ке хле_ба. (свист) Ни_ку_ //

1. A7 Dm E7 Gm A7 Dm Gm A7 Dm A7 Dm Dm6.

2. A7 D7 Gm Dm A7 Dm.

(свист)

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Железный путь вагон качал,
Я в тамбуре курил, скучал,
Вдруг тип ко мне какой-то подошёл.
На мои лыжи поглядел,
Слегка плечом меня задел
И как-то посмотрел нехорошо.

Он прохрипел мне:
«Ну скажи, зачем ты крутишь виражи,
Ну для чего тебе катиться вниз?
Прогресс — в движении вперёд,
Туда стремится весь народ,
Подумай, погоди и оглянись.

Уходит в небо самолёт,
Корабль по морю плывёт,
Распугивая рыбу за кормой,
Уходит в горы альпинист,
А ты вот норовишь всё вниз,
При этом далеко не по прямой.

Ну что за мода повелась,
Куда же смотрит наша власть?
Пора такие штуки запретить:
На вираже можно упасть,
Спортивный инвентарь и ноги — хрясь,
За что ж тебе по бюллетню платить?»

А я и спорить с ним не стал,
Я думал о других местах,
Где склоны и покруче, и длинней,
Где снег под лыжами поёт,
Где спуск со склонов, как полёт,
Который детям видится во сне.

1968

Подвижно (♩=120)

Же_ лез_ ный путь ва_ гон ка_ чал, я в там_бу_ ре ку_
 рил, ску чал, вдруг тип ко мне ка_ кой - то по_ до_ шёл.
 На мо_ и лы_ жи по_ гля_ дел, слег_ ка пле_ чом ме_
 ня за дел и как - то по_ смот_ рел не_ хо_ ро_ шо.
 На // рел не_ хо_ ро_ шо. Он

Musical notation in G major, 2/4 time, featuring chords: Dm, Gm, A7, Dm, C7, F, D7, Gm, C7, F, Eb, 1.A7, Dm Dm6, 2.A7, Dm Dm6, and a repeat sign.

БОРТПРОВОДНИЦА

На запад ночь, а мы — навстречу,
Сибирь всё ближе,
И самолёт к себе на плечи
Пространство ниже.

Гремят турбины и разрывают
Морозный воздух.
Бортпроводница голубая
Разносит воду.

Хозяйка дома, под которым
Остались тучи.
А дом летит, какая скорость:
Вот сбились в кучу
Четыре пояса, четыре
Часа планеты.
Мы пролетаем над сонным миром,
В снега одетым.

Бортпроводница, присядь поближе,
Свободно место.
Хочешь, о кукинском «Париже»
Напомню песню?

Поговорим мы о расстояниях,
О самолётах,
А постоянные расставанья —
Твоя работа.

Знаком мне вкус разлук, я дома
Подолгу не был,
Но на земле это всё знакомо,
А ты всё в небе.

Я скоро встану, а ты растаешь,
Подобно птице.
Ты улетаешь, ты улетаешь,
Бортпроводница.

С движением (♩=114)

На за_пад ночь, а мы — на_встре_чу, Си_бирь всё
бли_же, и са_мо_лёт к се_бе на
пле_чи про_стран_ство ни_жет. Гре_мят тур_
_би_ны и раз_ры_ва_ют мо_роз_ный воз_дух.
Борт_про_вод_ни_ца го_лу_ба_я раз_но_сит
во_ду. (свист)
Хо_зй_ка //_ни_ца. Ты у_ле_
_та_ешь, ты у_ле_та_ешь, борт_про_вод_ни_ца.
(свист)

Chords: D, E₇, A₇, D, H₇, E_m, G₇, F₇[♯], H₇, E_m, F₇[♯], E_m, A₇, D, H₇, E_m, A₇, D, E_m, F₇[♯], H_m⁶.

Саяны. 1971. Негатив — из саянского рюкзака

ПУРГА

Ветер бьётся спиною о скалы,
Ветер рвёт у палаток фалы,
Забавляется новой игрушкой.
Мы в ловушке. Да, мы в ловушке.
С гор срываются вниз лавины,
Заметает пурга равнины,
И вдали от людских селений
Пастухи мёрзнут и олени,
Стонет пурга.

А солнце в твоих городах
Листву оживляет в садах,
Врывается в витражи,
Осколками в лужах дрожит.
Друзья созывают гостей,
А ночь согревает постель.
Но где-то сжигает война
Надежду, любовь, имена.

Слева — тундра, а справа — скалы.
Как людей в этом мире мало,
Но в беде здесь приходят на помощь,
Потому, что о каждом помнят.
Потому, что всего дороже
Человек — он так много может,
Человек — он так много значит.
Ну а если бывает иначе —
Как же тогда?

Давайте у нас посидим,
Беседу дымком подсиним.
Болгарский хорош табачок.
О чём говорить? Да так, ни о чём.
Приёмник на сотню ладов
С надрывом и без — про любовь.
Но где-то горит самолёт,
А рядом — убитый пилот.

Саяны. 1971

Ветром вылизан склон, как вымыт.
 Потрепало, но вышли живыми.
 Вновь разматывают нитку лыжи,
 Дом всё дальше, а значит — ближе,
 Значит, скоро людские лица.
 Людям важно с людьми делиться
 Словом, куревом, пониманьем,
 Кровом, радостью и вниманьем,
 Чистой водой.

Весна. Отогрел нас апрель...
 Но Север нас сделал мудрей.
 Тревога в уроках веков,
 Тревожен домашний покой.
 Гудят самолёты в ночи,
 У коек дежурят врачи.
 Идёт на земле вечный бой,
 И нет нам команды «Отбой».

март 1968

Довольно скоро (♩=123)

Ве_тер бьёт_ся спи_но_ю о ска_лы, ве_тер
 рвёт_у па_ла_ток фа_лы, за_бав_ля_ет_ся но_вой иг_
 руш_кой. Мы в ло_вуш_ке. Да, мы в ло_вуш_ке. С гор сры_
 ва_ют_ся вниз ла_ви_ны, за_ме_та_ет пур_га рав_
 ни_ны, и вда_ли от боль_ших се_ле_ний пас_ту_

Em F#7 Медленнее (♩ = 90)

хи ме́рзнут и 2 о ле_ни, сто_нет пур_га. А

Em F#7 Hm H7

солн_це в тво_их го_ро_дах лист_ву о_жив_

Em A7

ля_ет в са_дах, вры_ва_ет_ся

D C#7

в вит_ра_жи, ос_кол_ка_ми

F#7 D

в лу_жах дро_жит. Друзь_я со_зы_ва_ют гос_

E7 A7 Dm

тей, а ночь со_гре_ва_ет по_стель. Но

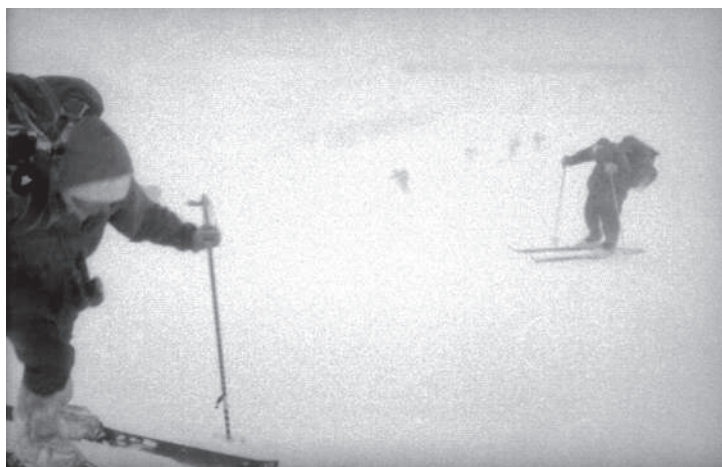
Gm A7 B

где_то сжи_га_ет вой_на на_

Gm A

1. D 2. D D6

деж_ду, лю_бовь, и ме_на. Сле_ва // _бой".

Саяны. 1971

ТУНДРА

Поговорили, махнули рукой,
Вот и уходит последний аргиш.
Звон бубенцов над замёрзшей рекой
Прошелестел, как засохший камыш.

Прошелестел и растаял вдали,
Больше людских не слышать голосов,
Больше тепла не просить у лесов.
Тундра в лицо нам снегами пылит.

Горы горстями гребут облака,
Звёздные шорохи слышны в ночи.
Тундра, ты мысли в слова облекать,
Думать о близких нас научи.

Нам ещё долго не видеть людей,
Значит, есть время подумать о них.
Тундра нас заперла в тундре одних —
Это на несколько долгих недель,
Это на несколько белых недель.

Знаю, нас тундра одарит сполна:
Если туман, то не видно ни зги.
Если пурга — снеговая стена.
Если устал — под глазами круги.

Но где-то едут в весну поезда,
Тонкой струною прощанье звенит,
И, уступая подругам зенит,
Сдвинется в небе Пастушья звезда.

1968

ПАРОДИЯ НА ЮРИЯ ВИЗБОРА*

Кончается начало, начинается бетон,
Начало исчезает за горой.
Девчонки преподносят мне букетики цветов,
Я альпинист, бродяга и герой.
Певец я, композитор и герой.

Простёганные ветрами и сбоку, и в упор,
Друзья без памяти лежат.
Дырявые посудины навечно встали в порт,
И паруса порвались без ножа.

Так вот обломок шпаги — переломанная сталь —
Беру с собой на бережок реки.
Я рад, что у приятеля обломок тот достал,
На нём я буду жарить шашлыки.

Кончается начало, начинается бетон,
Начало исчезает за горой.
Девчонки всё кидают мне букетики цветов,
Артист я, композитор и герой.

1968

* На мелодию песни Визбора «Так вот моё начало...».

СЕВЕРНАЯ II

Два дня гудим в полярных кабаках,
Горланим песни, попиваем спирт,
Два дня не экономим табака
И на вокзалах деревянных спим.
Ещё плечо хранит следы ремней,
Ещё мы не привыкли к городам,
Но в сны уже врывается ко мне
Полярный край, Уральская гряда.

Сегодня снег и горы наяву,
И Воркута под этим снегом спит.
Но города к делам уже зовут,
И допиваем мы последний спирт
За этот край безмолвных ледников,
За эти дни дороги и труда.
И машет мне платками облаков
Полярный край, Уральская гряда.

Вот тепловоз прощально прогудел.
Теперь о средней полосе слова.
Ждут вместо гор нас горы разных дел,
А вместо снега — пыльная трава.
Но если из-за тысячи причин
Дни станут длинными, как провода,
Ты вспомни, есть советчики мужчин —
Полярный край, Уральская гряда.

1968

Довольно быстро (♩=144)

Два дня гу_ дим в по_ ляр_ ных ка_ ба_ ках,

гор_ ла_ ним пес_ ни, по_ пи_ ва_ ем спирт,

два дня не э_ ко_ но_ мим та_ ба_ ка и

на вок_ за_ лах де_ ре_ вя_ ных спим.

Е_ ще пле_ чо хра_ нит сле_ ды рем_ ней, е_

_ ще мы не при_ вык_ ли к го_ ро_ дам, но

в сны у_ же вры_ ва_ ет_ ся ко мне по_ ляр_ ный

край, У_ раль_ ска_ я гря_ да. По_ ляр_ ный

край, У_ раль_ ска_ я гря_ да.

* * *

Мы не умеем забывать,
Но мы умеем забываться.
А духов нам не вызывать
И духами не называться.
Души движенья, её крик
Кладём в коробки с маркой «Свема».
Мы технари, мы технари,
И мы читать умеем схемы:
Схемы приёмников, любви,
Надежды, грусти и моторов,
И, в спор кого-нибудь втавив,
Знаем заранее ход спора.
Мы постигаем смысл и суть,
Но забываясь, забываясь...
И нам, бывает, не уснуть,
И скачет сердце, забываясь
Негармонично, кое-как,
И ряд Фурье не объясняет,
Какой гармонией тоска
В ночи дыхание стесняет.
Мы знаем длины волн цветов,
И тёплых рук прикосновенье,
Как к свету тянется росток,
И сколько тянется мгновенье.
И пусть мы только технари,
Нам, как и вам, близки печали,
Но мы пытались говорить
И там, где вы порой молчали.

21 декабря 1968

Слепив людей, Бог не дал им уменья,
Глаза закрывши, скорость ощущать.
Мы воспринять способны ускоренья,
Когда костяк и нервы затрещат,
И рушатся земные представленья.
Да, сильных чувств и мыслей тяжек путь.
И всё же — пусть
Сопутствуют нам взлёты и паденья.

19 декабря 1968

ЗАМОРОЗКИ

Листья в реке — жёлтые паруса.
Березина заплутала в лесах.
В поле озимые зябнут ростки.
Заморозки, заморозки...

Гуси над лесом печально кричат.
Стая на юг улетаєт: «Прощай!
С крыльев печаль свою за море скинь!»
Заморозки, заморозки...

В белом тумане байдар караван
Вечером к лесу придёт, а туман
Скатится утром слезами с ресниц.
Заморозки, заморозки...

Вечером бакенщик выгонит бот,
Богу речному лампаду зажжёт.
Что-то прошепчут кострам языки.
Может, про первые заморозки?..

Лес тихо замер у сонной воды,
Слушает сказки вечерней звезды.
И в полнолуние тени резки.
Заморозки, заморозки...

Грустно. Наверное, гуси правы:
Что-то по осени сам я раскис.
Видно, коснулись моей головы
Заморозки,
заморозки,
заморозки...

1968

Довольно медленно (♩=72)

Музыкальная партитура с нотами и русскими текстами. Ключ: D (два диэза). Темп: Довольно медленно (♩=72). Ритм: 6/8.

Ноты: D, F#m, Em, E7, D, C#, C, H, E7, 1. A7⁵⁺, 2. A7⁵⁺, D, D⁶.

Текст:

Листья в ре_ ке — жёл_ ты_ е па_ ру_ са.
 Бе_ ре_ зи_ на за_ плу_ та_ ла в ле_ сах.
 В по_ ле о_ зи_ мы_ е зяб_ нут рост_ ки.
 За_ мо_ роз_ ки, за_ мо_ роз_ ки... //
 За_ мо_ роз_ ки, за_ мо_ роз_ ки.

* * *

Куда летите вы, в Одессу?
А отслужили ли вы мессу?
Свечу зажгли перед иконой?
Вон в небе облако попоной.
Просите, господа, молитесь,
Иначе вряд ли улетите.
И ожиданье расстоянья,
И без разлуки расставанье.
В порту дежурные устанут...
А над страной висят туманы,
И на вопросы нет ответов,
А в небе не видать просветов.

22 декабря 1968

В конце семидесятых в Минск приехала группа функционеров от КСП, собиравших материал о Крупне. Я дала им целый список адресов и телефонов грузей, коллег и знакомых Арика. Они записали несколько плёнок с воспоминаниями о нём. Одну из них я слышала. Рассказывал Игорь Коваленко. Дама, которая руководила группой и вела беседу под магнитофон, спросила, какие у Арика были отношения с женщинами, какое место в его жизни занимала любовь. До сих пор помню замечательный ответ Игоря: «Вокруг Арика всегда было много женщин, каждая из которых готова была отдать всё, чтобы заслужить его внимание. Но он обладал удивительной способностью — отыскать среди этого множества ту единственную, которая по той или иной причине не могла ответить ему взаимностью».

* * *

С. Н.

Улетаешь, опять улетаешь,
Просто таешь, как льдинка в руках.
Что теряешь и что обретаешь
В уходящих назад облаках?
Помню губы твои, помню руки
И печаль, нисходящую с плеч,
Я опять привыкаю к разлуке
(Не привыкнуть бы к радости встреч).
Вслух скажу: нас дела разделяют,
Про себя: если б только дела...
Держит память и не позволяет
Мчать вперёд, закусив удила.
Что же делать мне — пить до икоты?
Слушать бред о любви «Маяка»?
Чуть печально мне, что далеко ты,
Очень страшно, что ты далека.
Умирает, рождая день новый,
Старый день на идущих часах,
Исчезает, как тихое слово,
Как ушедших друзей голоса.
И, как выброшенная игрушка,
Ночь изломана грусти рукой,
И знакомый корабль — подушка —
Не везёт меня в бухту «Покой».

23 декабря 1968

С. Н.

Смотреть в огонь всегда занятно,
Всё сказочно, невероятно:
Как пляшут языки огня,
Как жизнь дают они теням.
А те, зажив своею жизнью,
Рвут власть предметов неподвижных
И обретают голоса,
Когда час ночи на часах.
И светлы думы у людей,
Коль долго на огонь глядеть,
И мудры лица кузнецов...
Я всё гляжу в твоё лицо.

23 декабря 1968

*Ты научила меня смотреть на красивых женщин
безотносительно к личному. Как на красивые дома,
картины, старые самолёты. Раньше я это только
знал, теперь — понимаю.*

С. Н.

Всё так просто: всё та же стеклянная дверь.
Как всегда, вечерами она на запоре.
Как всегда, ты стучишься в окно, а теперь
Ты до завтра уходишь, так это ж не горе.
Ты до завтра ушла, вот и кончился день.
Тут горюй не горюй, только этот день прожит.
Ухожу я домой, и длинная тень
Всё кидается под ноги редких прохожих.
Ветер вертит над городом мокрый снежок,
Этот снег белым градом на дом твой ложится,
В доме мало тепла, для тебя он чужой,
С этим домом ни мне, ни тебе не ужиться.
Только разве причина для горя — твой дом?
Он тебя у меня до утра отбирает,
А потом отдаёт, но ведь дело не в том...
Если это причина, то только вторая.
Дом тебя отпускает ко мне — не ко мне?
Но крадут тебя письма, звонки телефона.
Вечер на сердце кинул десяток камней.
Как нести эту ношу без крика и стога?

24 декабря 1968

* * *

С. Н.

Давай решимся без пари
Признать, что жизнь не так уж зла...
Давай не будем говорить
Про послезавтрашний разлад.
 Давай считать, если не лень,
 Что это, в общем, просто так,
 Просто ушла на один день
 Из этой жизни пустота.

И, как всегда, из разных бед
Придёт какой-то вариант:
То нужно мне, а то тебе —
То в Воркуту, то в Самарканд.
 То просто ночь перелистнёт
 Страницу губ, страницу плеч.
 То мысли утро принесёт,
 Что, мол, игра не стоит свеч.

Но чтоб не начал тяжелеть
Мешок печалей и утрат,
Договоримся не жалеть
О том, что к нам придёт с утра.
 Давай, злых слов не говоря,
 Себя от ветра не спасать,
 Давай сегодня, как в морях,
 По ветру ставить паруса.

1968

Из туристского архива. Вторая половина шестидесятых

Медленно (♩=92)

Am Am⁶

Да_ вай ре_ шим_ ся без па_ ри при_ звать, что

Dm G C

жизнь не так уж зла... Да_ вай не бу_ дем го_ во_

H₇ G₇

_ рить про по_ сле_ зав_ траш_ ний раз_ лад. Да_ вай счи_

C H₇ Em

_ тать, ес_ ли не лень, что э_ то, в об_ щем, прос_ то

A₇ Dm F₇

так, прос_ то у_ шла на о_ дин день из э_ той

G₇ A₇ Dm

жиз_ ни пус_ то_ та, прос_ то у_ шла на о_ дин

F[#]dim G₇ 1. C E₇

день из э_ той жиз_ ни пус_ то_ та. И как все_ //

2. C E₇ Am Am⁵⁺ Am⁶ Am⁵⁺ Am

_ та. (свист)

ПЕЧАЛЬ

Перестань грустить, выйди из дому,
Плащ накинь — ничего, что ливни.
Вон куражится уже издавна,
Побеждая тебя, твой противник,
 Твой противник — твоя печаль.
Ты уже не справляешься с нею
Серым днём, в смутных снах по ночам,
Ты соври ей, скажи, ты сильнее.

Ты соври, чтоб потом стало правдою
То, что сила ещё с тобою,
В чемоданах оставь только главное,
Выйди к ливням, оружие к бою.
 Из всех песен оставь десять строк,
 И три дня из трёхсот уходящих,
 Да одну из десятков дорог.
 Остальное всё — в мусорный ящик.

Не давай печали опомниться,
Разбуди синий мир надежды,
Пусть печаль твоя скромной школьницей
Будет тихою, будет сдержанной.
 Разве трудно печаль победить?
Мир надежды пока ещё прочен.
Ты ей место во снах отведи,
Ну и в песнях — по несколько строчек.

1969

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

А я по вас соскучился, ребята,
Теперь пора мне о другом скучать,
Пора и мне бежать к горам горбатым
И сызнова всё старое начать.

Над снегом туманы,
Под снегом трава,
Ах, дальние страны,
Ах, песен слова.

Я к вам вернусь, как блудный сын из бегства,
Поглубже спрятав память губ и рук.
Отказываться жалко от наследства,
Где доля для меня — Полярный круг.

А вам ещё рано
Меня отпевать,
Ах, дальние страны,
Ах, песен слова.

Ещё есть сто причин, чтобы держаться,
И быть хоть чуточку самим собой,
И уезжать, и по свету болтаться,
И с мельницами выходить на бой.

От мелких обманов
Болит голова...
Ах, дальние страны,
Ах, песен слова.

А жизнь нам всё дарит свои подарки:
Любовь, дороги, песни и друзей,
Их трудно брать, отказываться — жалко,
А спрятаться — нет места на земле...

И дальние страны,
И песен слова,
И птиц караваны,
И в росах трава.
Любимые руки
На жарком лице,
Снега и разлуки —
Длиннющая цепь.

Подвижно (♩=126)

А я по вас со_ску_чил_ся, ре_бя_та, те_

_перь по_ра мне о дру_гом ску_чать, по_ра и мне бе_

_жать к го_рам гор_ба_ тым и сыз_но_ва всё

ста_ро_е на_чать. Над сне_гом ту_ма_ны, под

сне_гом тра_ва, ах, даль_ни_е стра_ны, ах,

пе_сен сло_ва, ах, даль_ни_е стра_ны, ах,

пе_сен сло_ва. Я // би_мы_е

ру_ки на жар_ком ли_це, сне_га и раз_

_лу_ки — длин_ню_ща_я цепь, сне_га и раз_

_лу_ки — длин_ню_ща_я цепь...

Chords: Dm, H₇, E₇, Am, G₇, C, A₇, Dm, G₇, C, F₇, Dm, E₇, Am, G₇, C, C⁶, H₇, Dm⁶, E₇, 1.Dm, Am, F₇, E₇, Am, Am⁶, Am, Am⁶, 2.Dm, C, Dm, Am, E₇, F₇, Dm, Am, E₇, Am, Am⁶, Am, Am⁶, Am

У Дугинцева есть сказка о Чёрной Сове... Чёрная сова — это символ. Либо человек сделает что-то очень много за свою жизнь, либо он не сделает ничего. То есть или-или: человек в релейном режиме. Раз увидел чёрную сову — значит или начинай жизнь по-новому и делай так, чтобы оставить след на Земле, или, в общем, отдавай концы. Чтобы было понятно, как появилась песня. Когда возвращаешься из тяжёлого похода, ты перешагнул какой-то рубеж. Либо это начало нового года в твоей жизни. И тогда всё мелкое, вся шелуха, которая занимает основную часть твоего времени, так и кажется мелкой, мелочью и шелухой. И ты стоишь на перепутье, особенно в первые дни после похода: ты готов сделать многое и отбросить всё мешающее и наконец-то стать настоящим человеком. Время после похода — это обычно время больших ожиданий, когда такая иллюзия возникает, что отныне можно начать жизнь по-новому.

Арик Крупп.
С фонограммы

ЧЁРНЫЕ СОВЫ

Тропы раскисли, дождь да распутица.
В собственных мыслях как не запутаться?
Дождь снаряжает в грусть экспедицию,
Опережает жажда события.

Жадность да жажда — с ними мне мучиться.
Прожить бы дважды — да не получится.
Чёрные совы, смутные облики...
Не нарисован путь мой на облаке.

Ну, не добрали мы в жизни почестей,
Но не добра ли от жизни хочется?
Не улыбался тот, кто не бедствовал,
Не ошибался тот, кто бездействовал.

Старым ошибкам — пышные проводы.
Выпью с улыбкой в жажде ведро воды.
В мире такое слышится пение...
Нету покоя, жжёт нетерпение.

Ладно, не взвою — мне не опомниться.
С чёрной совою выйду знакомиться.
Дверь на засовы — дождик за шиворот.
Чёрные совы — нет больше выбора.

Чёрные совы — нет больше выбора...

весна 1969

Не спеша (♩ = 90)

Тро_ пы рас_ кис_ ли, дождь да рас_ пу_ ти_ ца.

В собст_ вен_ ных мыс_ лях как не за_ пу_ тать_ ся?

Дождь сна_ ря_ жа_ ет в грусть экс_ пе_ ди_ ци_ ю,

о_ пе_ ре_ жа_ ет жаж_ да со_ бы_ ти_ я.

Жад_ ность да // Чёр_ ны_ е со_ вы_ —

нет боль_ ше вы_ бо_ ра.

СНАЧАЛА — И ПОТОМ

Сначала год — как год, и месяц — это месяц.
Сначала так легко искать, не находя.
Спокоен стрелок ход, и стрелки время месят,
Настоянное на рассветах и дождях,
На синих поездах, на розовых мечтах.

Сначала нет потерь и от разлук нет боли,
И радиус витков спирали так велик,
И не страшна метель, и время не неволит,
И от движенья стрелок сердце не болит,
И сказка исцелит боль маленьких обид.

Потом быстрее, быстрее, и нету остановок,
Всё чаще нервы рвут слова: «В последний раз».
И что пора стареть — для нас уже не ново.
И в сказках нет концов, а правда — без прикрас.
И каждый час крадёт у нас частицу нас.

1969

Неторопливо (♩ = 102)

Сна_ ча_ ла год как год, и ме_ сяц — э_ то

ме_ сяц. Сна_ ча_ ла так лег_ ко ис_ кать, не на_ хо_

_ дя. Спо_ ко_ ен стре_ лок ход, и стрел_ ки вре_ мя

ме_ сят, на_ сто_ ян_ но_ е на рас_ све_ тах и дож_

_ дях, на си_ них по_ ез_ дах, на ро_ зо_ вых меч_

_ тах, на си_ них по_ ез_ дах, на ро_ зо_ вых меч_

1. Am 2. Am Am⁶

_ тах. Сна_ // нас.

КОРОТКАЯ ПЕСНЯ (контрпесня)

Ещё нам не поздно исправить ошибки,
И есть ещё время, чтоб новые сделать.
Не стоит дары принимать за наживку,
И стоит петь песни, пока не отпелось.

Мы можем пока уживаться с вещами,
Считая невзгоды моделью удачи.
И гадкий утёнок — всегда обещанье
И первый намёк на решение задачи.

1969

Неторопливо (♩.=92)

(F#₇) Hm A₇

Ещё нам не позд_но ис_пра_вить о_шиб_ки, и есть ещё

G₇ F#₇ Hm

вре_мя, чтоб но_вы_е сде_лать. Не сто_ит да_ры

A₇ G₇

при_ни_мать за на_жив_ку, и сто_ит петь пес_ни, по_ка не от_

F#₇ Hm H₇ Em

_пе_лось. Мы мо_жем по_ка у_жи_ваться с ве_ща_ми,

A₇ D H₇ Em

счи_та_я невз_го_ды мо_дель_ю у_да_чи. И гад_кий у_

A₇ D G Em Hm

_тё_нок — все_гда о_бе_щан_ье и пер_вый на_мёк на ре_

F#₇ G Em Hm F#₇ Hm

_шень_е за_да_чи, и пер_вый на_мёк на ре_шень_е за_да_чи.

Как прекрасно сказал Михаил Михайлович Зощенко, смысл жизни — не в том, чтобы удовлетворять свои желания, а в том, чтобы их иметь. Вот у Арика они были.

Евгений Клячкин.
Ленинград, 1971

ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

А всё-таки, всё-таки хочется жить,
Даже когда окончательно ясно,
Что выдуманные тобой миражи
Скоро погаснут, скоро погаснут.
Гаснут, и, значит, к началу пути
Снова ты брошен, а путь давно начат...
Трудно, а всё-таки надо идти.
Хочется жить, невозможно иначе.
Хочется, хочется жить.

А всё-таки, всё-таки хочется петь,
Даже когда в сердце песням нет места.
Только б не сдаться и только б успеть
Спеть свою самую главную песню.
Ставь против горя свою доброту —
Это, наверное, кое-что значит.
Пусть даже песня застрянет во рту,
Хочется петь, даже если ты плачешь.
Хочется, хочется петь.

А всё-таки, всё-таки хочется взять
Мир окружающий в долг под проценты
И, на ладонях держа, осязать
Спящих дыхание и пульс континентов.
Чтобы потом, раздавая долги,
Сердцем и памятью стал ты богаче.
Тратя себя, ты себя сбереги.
Хочется взять, невозможно иначе.
Хочется, хочется взять.
Хочется, хочется петь.
Хочется, хочется жить...

Подвижно (♩=120)

А всё-та_ки, всё-та_ки хо_чет_ся жить,
 да_же ко_гда о_кон_ча_тель_но яс_но, что вы_ду_ман_
 _ны_е то_бой ми_ра_жи ско_ро по_гас_нут,
 ско_ро по_гас_нут. Гас_нут, и, значит, к на_ча_лу пу_
 _ти сно_ва ты бро_шен, а путь_дав_но на_чат...
 Труд_но, а всё-та_ки на_до ид_ти. Хо_чет_ся
 жить, не_воз_мож_но и на_че. Хо_чет_ся, хо_чет_ся
 жить. А //взять. Хо_чет_ся, хо_чет_ся
 петь. Хо_чет_ся, хо_чет_ся жить...

ПЕСНЯ О ГРАНИЦЕ ОСЕНИ И ЗИМЫ

Ф. Либману

С дождями снег — ещё не первый снег,
Не хочет осень потесниться,
А мы давно пересекли во сне
Зимы и осени границу.
Мы скоро ляжем в зиму, как в постель,
Укроем недуги снегами,
За 67-ю параллель
Уйдём разделаться с долгами
За ошибки и за прожитые лета,
И за песни, что пока ещё не спеты,
За друзей, которых часто провожаем,
И за то, что сами редко уезжаем.

Долги, долги, но это не беда,
Коль скоро осень на исходе.
Уйдут друзья, пусть даже на года —
Они когда-нибудь приходят.
Уйдём и мы, ну в чём же тут беда?
Вернёмся, как в апреле птицы.
Мы от любви уходим навсегда —
Вот с этим трудно расплатиться.
Где-то ветер веет, след наш задувая,
Забываем, ничего не забывая.
Так и носим мы с собою боль ушибов,
Груз любимых песен, счастья и ошибок.

Ну что ж, что осень кажется долга?
Мы в нетерпенье терпеливы.
Сквозь дождь с туманом нам видны снега,
И мы долгам бросаем вызов.
И каждый год, как будто в первый раз,
И, слава богу, не в последний,
Уходим мы — к себе бежим от нас —
И возвращаемся по следу.

В это время самых первых космодромов,
 В эти дни последних самых паровозов
 Отчего-то застываем в тёплом доме
 И уходим отогреться на морозе.

1969

Умеренно (♩=108)

С дож_дя_ ми снег — е_щё не пер_вый снег,
 не хо_чет о_чень по_тес_нить_ся, а мы дав_
 _но пе_ре_сек_ли во сне зи_мы и о_се_ни гра_
 _ни_цу. Мы ско_ро ля_жем в зи_му, как в по_
 _стель, у_кро_ем не_ду_ги сне_га_ми,
 за шесть_де_сят седь_му_ю па_рал_лель
 уй_дём раз_де_лать_ся с дол_га_ми. За о_

шиб ки и за про_ жи_ ты_ е ле_ та и за
 пес_ ни, что по_ ка е_ щё не спе_ ты, за дру_
 зей, ко то_ рых час_ то про_ во_ жа_ ем, и за
 то, что са_ ми ред_ ко у_ ез_ жа_ ем.
 Дол_ ги, дол_ ги, но э_ то не бе_ да, коль ско_ ро
 о_ сень на ис_ хо_ де. // _ли_ вы. // _ро_ зе.

МЕТЕОСТАНЦИЯ ХАДАТА

С. Н.

За снегами в горах Хадатá приютилась,
В чёрных нитях антенн быются флаги пурги.
Нас на гребне вчера круговерть прихватила,
И смеялась пурга: «Посиди, не беги».

А сегодня в тепле у радиста сидим мы.
Для согрева — чаёк, для души — разговор,
Отстучал на ключе, что положено, Дима,
И течёт разговор, и чадит «Беломор».

Тих пока что эфир, ещё время осталось.
Хочешь чаю? — Налей. — Что грустишь ты? — Да так.
Это просто в тепле разморила усталость
Да сквозь окна мне в душу глядит Хадата.

Что нас ждало вчера, я забыл половину.
Память прячет минувших событий куски.
Пьём чаёк у людей, и при чём тут лавины?
А что было вчера — белой ниткой в виски.

Дать гитару? — Давай. Я забыл про усталость.
Пел полярникам песни до новой зари,
А гитара чуть-чуть про тебя проболталась.
Ты прости, я б не стал о тебе говорить,

Ты прости и гони прочь тревожные слухи,
О живых и здоровых у нас не скорбят.
До весны мне всего лишь неделя разлуки,
И всего лишь неделя зимы до тебя.

1969

Не спеша (♩.=84)

За сне_га_ми в го_рах Ха_да_та при_ю_

_ти_лась, в чёр_ных ни_тях ан_тенн

бьют_ся фла_ги пур_ги. Нас на греб_не вче_

_ра кру_го_верть при_хва_ти_ла,

и сме_я_лась пур_га: "По_си_ди, не бе_

_ги". А се_год_ня в теп_ле у ра_дис_та си_

дим мы. Для со_гре_ва — ча_ёк, для ду_ши — раз_го_вор,

от_сту_чал на клю_че, что по_ло_же_но,

Ди_ма, и те_чёт раз_го_вор, и ча_

дит "Бе_ло_мор". // _бя. // _бя.

ГЕОЛОГУ

Скажи мне, дружище, но только без слов:
А сможешь ли ты жизнь бродячую бросить,
Чтоб домом был дом и любовью любовь,
Чтоб вовремя старость и вовремя осень?

Когда ты устанешь бежать в холода?
Не сладка же вечная осень без лета...
Ты житель палаток, ты гость в городах,
Запрятанных где-то за кромкой рассветов.

Скажи мне, а что тебе снится во снах?
А впрочем, усталые видят сны редко.
Скажи мне, ты помнишь, как пахнет весна,
Как в стёкла стучится сиреновой веткой?

Ну что ж, о тебе где-то песни спокуют —
Не зря столько отдано вечным походам!
Скажи мне, а что же взамен отдают
Тебе в горизонт уходящие годы?

Ты хмуришься, злишься... Не стоит, старик.
Оставь без ответа пустые вопросы.
Я просто с тобой захотел говорить...
Над Севером осень, над Севером осень...

1969

Эту песню Арик написал по просьбе режиссёра Вячеслава Никифорова для короткометражного фильма «Берег принцессы Люськи» по одноимённому рассказу О. Куваева. Песня в фильм не вошла, так как во время озвучания Арик был в походе.

ОДЕССКОМУ СЛЁТУ

Снова порт и огни, а в Одессе туман,
Круг замкнулся, и снова нам в зиму пора,
Адресами друзей переполнен карман,
Переполнено сердце прекрасным вчера.

А вчера было лето и встреч теплота,
А вчера было лето, и врал календарь,
Что декабрь на дворе. Нет, всё было не так,
Было тёплое море и снежный январь.

И в мире уснувшего леса,
Что спрятался в белых снегах,
О твоих берегах, о твоих берегах
Буду помнить, Одесса.

Полыхал алым пламенем флаг над кормой,
А мы пели про горы, про снежный маршрут.
Говорили, как жаль возвращаться домой,
Как любимые ждут, и о том, как не ждут.

А пока снова порт, и в тумане ревун
Вместо нас на прощанье нам песни поёт...
Мы печалим глаза, мы не трогаем струн,
До свиданья, друзья, до свидания, слёт.

И в мире уснувшего леса,
Что спрятался в белых снегах,
О твоих берегах, о твоих берегах
Буду помнить, Одесса!..

1969

В умеренном темпе (♩=96)

Сно_ ва порт и ог_ ни, а в О_ дес_ се ту_

_ман, круг замк_нул_ ся, и сно_ ва нам в зи_ му по_ ра,

ад_ре_са_ми дру_зей пе_ре_пол_нен кар_ман, пе_ре_

_пол_не_но серд_це пре_ крас_ным вче_ ра. Авче_

_ра бы_ло ле_то и встреч теп_ ло_ та, а вче_ра бы_ло

ле_то, и врал ка_ лен_дарь, что де_кабрь на дво_ ре.

Нет, всё бы_ло не так, бы_ло тёп_ло_е мо_ре и

снеж_ный ян_варь. И в ми_ре у_снув_ше_го ле_са,

что спря_тал_ся в бе_лых сне_гах, о тво_их бе_ре_гах,

о тво_их бе_ре_гах бу_ду пом_нить,

О_дес_са. По_лы_ // _дес_са!

НОВЫЙ ГОД В КРЫЖОВКЕ*

Что случилось со мной — будто всё стороной,
Будто книги не впрок, будто возраст — пустяк.
За лесною стеной ожил мир озорной,
И жар-птица трепещет в антенных снастях.
С утра с землею поделилось небо небом,
А может, это снег, на небеса похожий.
Не верить миру старых сказок ты не требуй,
В ночной Крыжовке этот мир внезапно ожил.
Вон вышел из лесу на старых лыжах леший,
В мохнатой шапке и с зелёной бородою.
Вон к заповедному колодцу ведьма чешет,
Спешит наполнить вёдра свежую водою.

Но не злы чудеса в белорусских лесах —
Просто в зиму всё спуталось — день или год.
Лишь кукушка в часах всё стоит на часах
Да за снежной горой электричка поёт.
А старый леший не завертит в глухомани,
Чайком напоит, от моей прикурит спички,
Покажет лес, а коль запутаюсь в тумане,
Заветной тропкой доведёт до электрички.
От козней старых ведьм давно уж не страдаю,
А я испорченный приёмник ей налажу.
Мне по лыжне она за это нагадает
Да всё про дальнюю дороженьку расскажет.

А случись, вдруг замрёт у печи старый кот,
Перестанет когтями царапать метлу,
Я поверю: вот-вот чудо в дом забредёт,
Отряхнёт снег и лыжи поставит в углу.
Придёт Снегурочка на свет свечи неяркий,
На звук гитарных струн и песенки негромкой,
Придёт и станет новогодние подарки
Нам раздавать из вышитой котомки.

* Крыжовка — дачная местность под Минском.

Подарит год — в нём будут праздники и будни —
 Подарит каждому хоть на минуту крылья.
 И будет лёгким горе, счастье будет трудным...
 Вот так зима моя смешала сказку с былью.

декабрь 1969

Медленно. В свободном ритме

Что слу_ чи_ лось со мной — буд_ то
 всё сто_ ро_ ной, буд_ то кни_ ги не впрок, буд_ то
 воз_ раст — пус_ тья. За лес_ но_ ю сте_ ной о_ жил
 мир о_ зор_ ной, и жар_ пти_ ца тре_ пе_ щет в ан_ тен_ ных снас_
 тях. С ут ра с зем_ лё_ ю по_ де_ ли_ лось не_ бо
 не_ бом, а мо_ жет, э_ то снег, на не_ бе_ са по_
 хо жий. Не ве_ рить ми_ ру ста_ рых ска_ зок ты не
 тре_ буй, в ноч_ ной Кры_ жов_ ке э_ тот

мир вне_ зап_ но о_ жил. Вон вы_ шел
 из ле_ су на ста_ рых лы_ жак ле_ ший,
 в мох_ на_ той шап_ ке и с зе_ лё_ ной бо_ ро_
 до ю. Вон к за_ по_ вед_ но_ му ко_ лод_ цу ведь_ ма
 че_ шет, спе_ шит на_ пол_ нить вёд_ ра све_ же_ ю во_
 до ю. Но не //с быть_ ю. Вот так зи_
 ма мо_ я сме_ ша_ ла сказ_ ку с быть_ ю.

Chords: Fm⁶, G₇, Cm, G₇, Cm, Cm⁶, Cm, Cm⁶, Fm, B₇, E^b, Fm, B₇, E^b, Fm, D₇, G₇, G₇, Cm, Cm⁶.

Tempo: **Темп I** (Allegretto), **Замедляя** (Ritardando).

АКСЕЛЕРАЦИЯ

Пристроились морщиночки
Промежду глаз,
И разные причиночки
Канают нас.
И это не доделано,
И то не так...
И изменяет тело нам.
Ох, маята!

Предвоенные, убогие —
Куда уж нам:
Девчонки длинноногие —
Не по зубам.
У них — акселерация,
У нас — рахит,
Боимся эскалации,
Строчим стихи:

Мол, на фиг нам секс-темочки,
До баб ли нам?
У нас своя системочка —
Портвейн к блинам.
У нас своя походочка —
В диагональ.
Закалены мы водочкой,
Крепки как сталь.

Вообще-то коренастые —
Росли мы в кость,
Во времена ненастные —
Какой там рост!
А всё ж мы тренированы
Таскать мешки,
А у акселерованных
Тонки кишки.

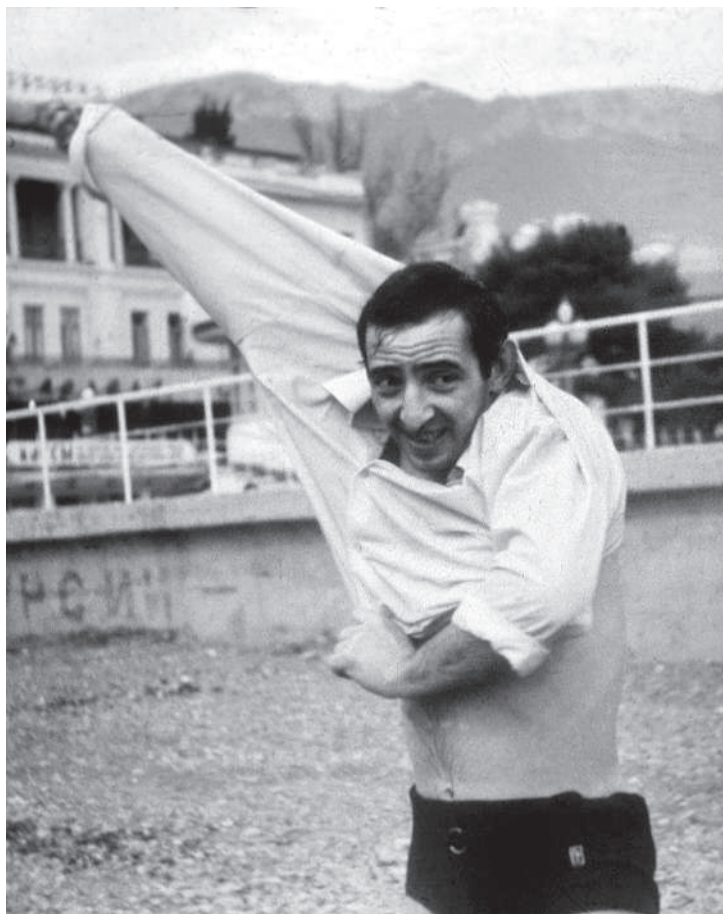

Но в явном ослеплении
 На счёт на наш,
 Те, с голыми коленями,
 Дают мандраж
 Лишь от прикосновения
 Нашей руки.
 Мы дети предвоенные,
 Мы — старики,
 Мы мужики!

январь 1970

Скоро (♩=150)

Н
 При_стро_и_лись мор_щи_ноч_ки про_
 G#m C#m
 _меж_ду глаз, и раз_ны_е при_
 F#7
 _чи_ноч_ки ка_на_ют нас. И
 Н Е
 э_то не до_де_ла_но, и то не так... И
 C#m 1. F#7
 из_ме_ня_ет те_ло нам. Ох, ма_я_та! Пред ва_//
 2. F#7 Н
 мы ста_ри_ки. Мы му_жи_ки!

Одесский слёт-круиз. Декабрь, 1969

Север был его слабостью, его любовью, его тревогой.

Отпуск Арик брал только зимой и ходил только на Север. В 1967 году — Кольский полуостров, в 1968-м — Приполярный Урал, в 1969-м — Полярный Урал, в 1971-м — Восточные Саяны, откуда он не вернулся. А вот 1970 год выпадает. В том году Арик совершил невероятное: он был в Бакуриани. Очень добрый человек, он не мог отказать своим друзьям-журналистам, которые — увы! — не ходили на Север, но очень хотели провести с Круппом отпуск. Они долго уговаривали его, скопом и дружно. И он, никогда не ходивший на юг и не представлявший себя там, уступил. После этой поездки друзья ждали от него песен, навеянных красотами Кавказа. Арик написал одну-единственную, которая начиналась словами: «Что я натворил, как я разорил и себя, и песни. Горы здесь не те...» Песня называлась «Антикавказская».

Арик никогда не мог простить себе своей единственной измены Северу.

*Это важно — где
И какой горе
Сдать души недуги...*

Чувство вины за свой вояж в Бакуриани не отпустило его до конца. В последнем своём письме из Верхней Гутары он снова вспомнил о нём: «...Ты знаешь, здесь очень красиво, я целый день сегодня мысленно водил тебя по этой долине и рассказывал про горы, которые здесь стоят со всех сторон. Это во всяком случае не хуже, чем в Бакуриани. Кстати, о Бакуриани. Я сейчас вспоминаю поездку туда, как дурной сон. Мне эта смесь гор с цивилизацией совсем не нужна была, я там был очень не на мес-

те и очень это чувствовал, но за год забыл, а сейчас, попав на место, опять почувствовал: нельзя садиться не в свои сани, от этого становишься только хуже».

АНТИКАВКАЗСКАЯ

Что я натворил,
Как я разорил
И себя, и песни.
Горы здесь не те,
А кавказский снег
Что-то не такой...
Тундра — ну что ей?
Проживёт... А мне
Надобно, хоть тресни,
Чтоб хоть раз в году
Мне в глаза взглянул
Северный покой.

Чтобы приносить
И леса дразнить
Песней про зимовье,
Где, когда пурга,
Белые снега
Нам в лицо пылят.
Где полярная
Длинная дуга
Служит изголовьем
И лежит в ногах
В тающих снегах
Вся моя земля.

Это важно — где
И какой горе
Сдать души недуги,
И куда бежать,
Чтобы побеждать
Годы и себя.
Я ещё не стар,
Я же не устал
Северу быть другом.
Рано связи рвать,
Рано отставать
От моих ребят.

Белоруссия. Справа — Яша Сапожников

А друзья сидят,
Душу бережат
Старым разговором.
Май в окно глядит,
Лето впереди,
До зимы сто лет.
И весь год опять
Не дадут мне спать
Северные горы,
Тундра и тайга,
Белые снега
И олений след.

апрель 1970

Довольно медленно (♩=76)

Что я на_тво_рил, как я ра_зо_рил и се_бя, и
 пес_ни. Го_ры здесь не те, а кав_каз_ский снег
 что - то не та_кой... Тунд_ра — ну что ей?
 Про_жи_вёт. А мне на_доб_но, хоть трес_ни,
 чтоб хоть раз в го_ду мне в гла_за взгля_нул
 се_вер_ный по_кой. // _кой.

САНЬКА

А. Чуланову*

Улица твоя неярким солнышком полита,
 В комнате тесно от книг, картин и от корней.
 Кто-то из приятелей, поклонник неолита,
 Набросал на стенке неолитовых парней.
 Мечутся по стенке голубые антилопы,
 Тучи стрел летят: у давних предков будет пир.
 Где сейчас ты, Санька? Возвратился ли в Европу,
 Иль в тайгу уплыл, а может, лезешь на Памир?
 Не часто, Санька, видит бог, не часто
 Выдастся нам свидеться, ещё реже — выпить.
 Самолёт разгонится в облака — и баста,
 То дела тебя зовут, то шальная прихоть.

За спиною тридцать лет, маленькая малость,
 Глубина сибирских рек и холод скальных стен.
 Кто-то сложит песенки, а тебе досталось
 Сбрасывать их к людям с острых кончиков антенн.
 А пока покоя нет, и бабы нет законной,
 И богатство-то — рюкзак да фотоаппарат,
 И ещё две сотни мест, хорошо знакомых,
 И две сотни тех, кто тебя видеть будет рад.
 Не часто, Санька, видит бог, не часто
 Выдастся нам свидеться, ещё реже — выпить.
 Самолёт разгонится в облака — и баста,
 То дела тебя зовут, то шальная прихоть.

весна 1970

Подвижно (♩=114)

У_ли_ца тво_я не_яр_ким сол_ныш_ком по_ли_та,
 в ком_на_те тес_но от книг, кар_тин и от кор_ней.
 Кто - то из при_я_те_лей, по_клон_ник не_о_ли_та,

*А. Чуланов — сотрудник минского телевидения, убит в марте 1994 года.

Em Hm C[#]₇ F[#]₇ Hm Hm⁶

на_ бро_ сал на стен_ ке не_ о_ ли_ то_ вых пар_ ней.

H₇ Em A₇ D

Ме_ чут_ ся на стен_ ке го_ лу_ бы_ е ан_ ти_ ло_ пы,

C[#]₇ Em⁶ F[#]₇

ту_ чи стрел ле_ тят: у дав_ них пред_ ков бу_ дет пир.

H₇ Em A₇ D

Где сей_ час ты, Сань_ ка? Воз_ вра_ тил_ ся ли в Ев_ ро_ пу,

Em Hm C[#]₇ F[#]₇

иль в тай_ гу у_ плыл, а мо_ жет, ле_ зешь на Па_

Hm Em A₇ D

мир? Не час_ то, Сань_ ка, ви_ дит Бог, не час_ то

C[#]₇ Em F[#]₇

вы_ даст_ ся нам сви_ деть_ ся, е_ щё ре_ же — вы_ пить.

H₇ Em A₇ D

Са_ мо_ лёт раз_ го_ нит_ ся в об_ ла_ ка — и бас_ та.

Em Hm Hm C[#]₇ F[#]₇

То де_ ла те_ бя зо_ вут, то шаль_ на_ я при_ хоть.

Em Hm C[#]₇ F[#]₇ Hm Hm⁶

То де_ ла те_ бя зо_ вут, то шаль_ на_ я при_ хоть.

Ира Яковлева, Ленинград. Первая половина шестидесятых

ЗОВИ

И. Я.

Зови, я ещё не устал,
Зови — проще принять решение.
Зови — я играю с листа
Забытую песнь возвращения.
 К чему эти все острова
 И солнце чужое, а мне бы
 Рубить в той избушке дрова,
 Где запах сосны или хлеба.

Я думал, что сотня дорог
К тебе, оказалось — ошибка,
Я думал согреться — продрог:
Чужое тепло слишком жидко.
 И солнце катилось зазря
 На красных ладонях заката,
 И реки бежали к морям,
 А я потерял свою карту.

Я песни слагал не про то,
А те, о тебе, — забывались.
И странною шёл я тропой —
Она за спиной обрывалась.

Но есть ещё горы в снегу,
А годы — привычной поклажей.
Зови — я обратно бегу,
А память дорогу подскажет.

весна 1970

Неторопливо (♩.=92)

Зо_ ви, я е_ щё не у_ стал, зо_

ви — про ще при_ нять ре_ шень_е. Зо_ви — я иг_ра_ю с лис_

та за бы_ ту_ю песнь воз_вра_щень_я. К че_

_му э_ти все ост_ро_ва и солн_це чу_

_жо_е, а мне бы ру_бить в той из_буш_ке дре_

_ва, где за_пах сос_ны и_ли хле_ба,

где за_пах сос_ны и_ли

хле_ба. Я //_ска_жет.

ПОЛНОЧЬ*

Просто глубокая полночь,
но это не страшно.
Тихо вокруг,
даже ветер ушёл на покой.
Где-то на краешке памяти
жив день вчерашний.
Умер закат,
до рассвета ещё далеко.
Старое кончилось,
новое не наступило.
Что ж, что нет радости,
это ещё не беда.
Был жаркий полдень,
был ветер, и солнце слепило.
Ночь, тишина,
и созвездья качает вода.
Что-то не так,
ну да я же гляжу в отраженья.
Всё перепутано:
запад глядит на восток,
Сонные сосны
забрали меня в окруженье...
Ах, календарь
похудел на один лишь листок.
Худо ли, ладно ль?
Считать я листки не приучен.
Лето — так лето,
а осень — так листьям лететь.
Звёзды, бывает,
попрячутся в серые тучи,
Но только звёзды —
не рыба, попавшая в сеть.

весна-лето 1970

*Мелодия не была написана.

ДИМЕ ПЕСИНУ*

Средние широты, мягкая погода,
Тихая работа да тоска полгода,
А ещё полгода — ожидание чуда,
Что найдёшь в походе далеко отсюда.

Только редко это: приполярный ветер,
Без ночей рассветы — так рождаются дети.
В ночь приходят двое, в мир приходит третий
Этот мир освоить, где дома и ветер.

Города и горы, доброта и зависть,
Войны и раздоры, и любовь, и старость.
Окуджава, Пушкин, Дон Кихот и Гамлет,
Но сперва — игрушки, пусть пока играет.

В мир пришёл мужчина маленького роста.
Следствия, причины — всё не так-то просто.
Приучи мальчишку к жадности кочевой,
Научи сынишку щедрости душевной.

25 июня 1970

Из туристского архива. Шестидесятые годы

* Песня написана по поводу рождения сына Димы Песина — Андрея.

В спокойном темпе (♩=96)

Сред_ ни_ е ши_ ро_ ты, мяг_ ка_ я по_ го_ да,
 ти_ ха_ я ра_ бо_ та да тос_ ка пол_ го_ да,
 а е_ щё пол_ го_ да — о_ жи_ дань_ е чу_ да,
 что най_ дёшь в по_ хо_ де да_ ле_ ко от_ сю_ да,
 что най_ дёшь в по_ хо_ де да_ ле_ ко от_ сю_ да.

Начальник Арика на заводе, Пайзу Исаев, любя его как друга и почти как сына, хотя молод был сам, не меньше других его друзей хотел повлиять на судьбу Крупна и сделать его своим соратником в науке. Он считал, что Арик разменивается на пустяки: песенки, походы куда-то там на Север — непонятно, зачем и для чего тратить силы? И поэтому была у Пайзу заветная мечта: «Вот если бы он женился...» Он даже не раз посылал его в командировки в Ленинград, потому что там жила первая, студенческая, любовь Арика. Не помогло...

И вот однажды Арик сказал ему, что женился. Пайзу обрадовался, но тут же тревожно спросил: «А твоя жена не туристка?» И когда Арик сказал: «Нет», — он обрадовался ещё больше. В тот же вечер прямо с работы он пришёл к нам домой, чтобы убедиться, что это так. Ушёл он совершенно удовлетворённый. Каким образом он убедился, что я не туристка, не знаю, но в тот же вечер он пригласил нас к себе в гости.

Буквально через пару дней Арик сказал, что Пайзу съездил в деревню, привёз барана и приглашает нас на ужин. Мы пришли. За столом сидели две семьи: Пайзу, его жена, сынишка маленький, мы с Ариком и Динка. Сначала был общий разговор, и потом он перешёл на главное для Пайзу и, пожалуй, на ту тему, которая больше всего наводила уныние на Крупна. Пайзу очень энергично стал говорить, что пора уже, хватит, что надо поступать в аспирантуру, что вот он съездил в Ленинград, в ЛИКИ, уже защитил тезисы реферата для Арика. Есть уже тема работы, которую они будут писать вместе — они над этим работают вместе на заводе. Для Пайзу это будет диссертация, а для Арика — первый реферат. Говоря всё это, Пайзу обращался ко мне, не сомневаясь, что найдёт сообщницу.

«Хватит, — говорил он, — хватит уже ходить в походы — нужно делом заниматься. А то ты свои отпуска тратишь на чепуху». Арик молча смотрел в тарелку. Я украдкой глядела на него, и у меня внутри разливалась горькая жалость: у него было такое грустное лицо, и я представила, что для него вот эта перспектива — писать диссертацию, учиться в аспирантуре — всё это вызывало у него страшную тоску. Он молчал. Я, к удивлению Пайзу, молчала тоже. Я смотрела на Крупна и думала: не слушай ты их всех — а у него виски были седые — не слушай ты их всех, мальчик, живи как тебе хочется и пиши свои песни. Живи как тебе хочется, мальчик.

Фонограмма 1975 года. Минск

Да, виски у него были седые, а я думала о нём как о мальчике. Вот что было в нём необыкновенно пленительно — сочетание зрелости с юностью. Ему было одновременно тридцать три и шестнадцать. Так он был устроен.

О СУЕТЕ*

Шорох серых дождей,
Желтизна там, где было всё зелено.
Дни прошли, сколько ж дел
В суете не доделано?
Суета, как во сне,
Не туда всё заносит.
Прикоснулся к весне,
Оглянулся — уж осень.

Сколько мыслей и слов
Суета задавила в зародыше.
Суета у столов,
Суетливые сборища.
Нескончаемый бег,
Я — зарвавшийся мальчик.
Всё стремился к себе,
Оглянулся — стал дальше.

* Мелодия написана не была. Позднее на эти стихи написал песню В. Ланцберг.

И не хочется петь:
Всё старо, и не знаешь, о чём ещё.
И уже не успеть,
Если просят о помощи.
 Суетою обвит,
 Как морскою травой.
 Нет ни битв, ни любви,
 Не предатель, не воин.

Где-то плачет дитя,
Кто-то предан, а тот — в одиночестве.
Это всё не пустяк,
Если можешь помочь ещё .
 Ночь над миром лежит,
 Зажигаются звёзды.
 Продолжается жизнь,
 Оглянуться не поздно...

конец сентября 1970

Слава Пирог и Арик готовятся к выступлению на слёте. 1970

БЕЛАРУСЬ

Есть у года четыре времени.
Нас сосновый покой в октябре манит,
По зиме лыжи просятся к северу,
А весной опять курс к Усе беру.
Мы уходим, кто летом, кто осенью,
По огромной стране ноги носят нас.
Бездорожьями дальними нам идти,
И всегда Белоруссия в памяти.

В поездах, и в машинах, и просто пешком,
На байдарках, на лыжах, с тяжёлым мешком,
Не за школьной окрашенной партой
Твою пёстро-зелёную карту
Изучили давно наизусть,
Беларусь, Беларусь.

Как нужны, Беларусь, твоё небо нам
И песчаные кручи над Неманом,
Стены Бреста, огнём опалённые,
И леса твои, вечно зелёные.
Беларусь поросла обелисками,
Потому звёзды стали нам близкими,
Не небесные звёзды — солдатские,
В пять лучей над могилами братскими.

В поездах, и в машинах, и просто пешком,
На байдарках, на лыжах, с тяжёлым мешком,
Не за школьной окрашенной партой
Твою пёстро-зелёную карту
Изучили давно наизусть,
Беларусь, Беларусь.

Осень. Первый ледок. Птицы струсили —
Курс на Африку из Белоруссии.
Мы ж не птицы, погодой ранимые,
В нашей связке друзья и любимые.
В нашей связке друзья и любимые,
И разрезать нет силы самим её.
А разрезать — и до смерти каяться.
Все дороги в кольцо замыкаются.

В поездах, и в машинах, и просто пешком,
На байдарках, на лыжах, с тяжёлым мешком,
Не за школьной окрашенной партой
Твою пёстро-зелёную карту
Изучили давно наизусть,
Беларусь, Беларусь.

Довольно медленно (♩ = 84)

Нм Е G F#7
Есть у го_ да че_ ты_ ре вре_ ме_ ни.

Нм Е A7 D
Нас сос_ но_ вый по_ кой в ок_ тяб_ ре ма_ нит,

Em A7 D
по зи_ ме лы_ жи про_ сят_ ся к се_ ве_

G C#7 F#7
ру, а вес но_ ю о_ пять курс к У_ се бе_ ру.

Нм Am H7
Мы у_ хо_ дим, кто ле_ том, кто о_ сень_

Em A7 D
ю, по ог ром_ ной стра_ не но_ ги но_ сят нас.

C Hm
Без_ до_ рожь_ я_ ми даль_ ни_ ми нам ид_ ти,

C#7 Em⁶ F#7 **Замедляя**
и все_ гда Бе_ ло_ рус_ си_ я в па_ мя_ ти.

Темп I Hm Em
В по_ ез_ дах, и в ма_ ши_ нах, и прос_ то пеш_ ком, на бай_

A7 D
дар ках, на лы_ жах, с тя_ жё_ лым меш_ ком, не за

школь_ной о_кра_шен_ной пар_той тво_ю пёст_ро-зе_лё_ну_ю

кар_ту и_зу_чи_ли дав_но на_и_зусь, Бе_ла_

_реть, Бе_ла_ реть. Как муж_ // _реть.

ОбАрике часто говорили, что у него грустные песни, грустные глаза. Может быть. Но я знала его другим: меня всегда поражала — счастливо поражала — его постоянная, очень чуткая и точная настроенность на радость. Он прямо был настроен на волну радости, и ему надо было совсем немного, совсем чуть-чуть... нужен был какой-нибудь пустяк, чтобы он ликова-вал от счастья. Ну сущий пустяк. Вот была у него такая меч-та — заиметь старый приёмник. Он считал, что самые луч-шие приёмники — это приёмники, сделанные до 56-го года. «После 56-го года, — говорил он, — ничего интересного в ра-диотехнике не произошло. Всё самое лучшее сделано до 56-го года — три марки: «Мир», «Фестиваль» и «Рига-10». И была у него мечта завести себе один из этих трёх приёмников. Но купить было невозможно, потому что они нигде не продава-лись, даже в комиссионном магазине. Эти марки давно уже были списаны. И вот я однажды случайно узнала, что у нашего осветителя где-то в подвале стоит старая «Рига-10». Я тут же спросила Арика, нужна ли ему такая «Рига-10» — она к тому же ещё не работает, её надо налаживать. Он сказал: «Конечно, ну что ты!» Договорилась я с этим парнем, купила у него за двадцатку эту старую «Ригу-10», привезла домой. Боже мой! Нужно было видеть, какой счастливый был Крупп. Он плясал вокруг этой «Риги-10», он баюкал её, как своё ма-ленькое дитя. Он побежал в магазин, принёс огромный поли-этиленовый мешок с деталями, он возился с ней каждый ве-

чер. И наконец он наладил её. Она заработала, и когда кто-нибудь к нам приходил, он, совершенно счастливый, показывал на этот ящик, и человек, который ничего не понимал, спрашивал: «Ну и что?» — «Как "ну и что?" Подарок любимой женщины!» Словом, он до такой степени был настроен на радость, что достаточно было абсолютного пустяка, в полном смысле пустяка, — белой бумажной водолазки, привезённой из командировки, или короткой стрижки, которую я творила ему в меру своих скромных парикмахерских способностей (он обожал короткие стрижки у себя и у других), чтобы он был счастлив. Ну а уж если к нам приходили в гости его товарищи, приходили его ребята, то уж тогда он был самый счастливый человек, наверное, на этой земле. Ребят своих он любил невероятно. И когда я, например, выходила в коридор, чтобы помыть посуду (мы снимали комнату в доме, где не было никаких удобств), он выходил следом за мной и говорил: «Какой я счастливый! Я самый счастливый человек!» Я знала, что он очень любил своих ребят и что их приходы доставляли ему невероятную радость. И когда уже поздно ночью мы провожали их и они уходили, то он всё никак не мог успокоиться и говорил: «Правда, они хорошие? Как я их люблю! Я их ужасно люблю! Вот когда у нас будет свой дом и мы сможем приглашать сразу очень много гостей... Представляешь, если в один вечер собрать всех, кого я люблю, или хотя бы всех, у кого я ночевал в городе Минске...» А потом подумал и сказал: «Нет, даже нашей трёхкомнатной квартиры, которая у нас когда-то будет, не хватит для того, чтобы в один вечер собрать всех, у кого я ночевал, а тем более всех, кого я люблю».

Я никогда не слышала, чтобы Арик о ком-нибудь плохо говорил. И никогда не замечала, чтобы он к кому-нибудь плохо относился. Это было удивительно, потому что мне понятна такая ситуация, когда у человека есть грузы и враги. У Арика врагов не было. И однажды я ему сказала: «Послушай, ты, может, Христос? Неужели ты всех абсолютно — любишь?» А он сказал: «Знаешь, есть люди, которые мне... — он запнулся, подбирая слово, — ну, неприятны. Но я не считаю нужным тратить на них эмоции. Вот я увижу этого человека — ровно настолько, чтобы с ним поздороваться, и мгновенно отключаюсь от него. Я просто перестаю его видеть. Это бывает очень редко. Но когда бывает, бывает вот так. Я перестаю его видеть и не считаю нужным тратить на него эмоции».

Фонограмма 1975 года. Минск

ЖЕНЕ

А ты уходишь, уезжаешь, улетаешь...

Дела, дела...

Я так держу тебя в руках, а ты растаешь,

И ночь бела

От непогашенной лампы и от дыма

Ста сигарет,

Поздней меня на час, поутру, свежевывыт,

Встаёт рассвет.

И вновь, как встарь, невыносимо я свободен,

Хоть песни пой,

И внешне для нырков как будто снова годен

В любой запой.

А здесь друзья мои старательно готовят

В снега побег.

А ты мне издали скажи хотя бы слово,

Как я тебе.

Весь мир в зиме, и дом осиротело

В снегу стоит.

Но что мне мир, когда полмира — твоё тело,

Плечи твои...

Твои слова, твоё дыхание, твои руки —

Тёплым замком...

И мне нисколько не легче, что с разлукой

Я так знаком.

январь 1971

Надя Крупн на слёте памяти Веры Матвеевой в Фирсановке
(под Москвой) 26 сентября 1976 года

Довольно медленно (♩=84)

А ты у_хо_дишь, у_ез_жа_ешь, у_ле_та_ешь...

Де_ла, де_ла... Я так дер_жу те_бя в ру_ках, а

ты рас_та_ешь, и ночь бе_ла. От не_по_

_га_шен_ной лам_па_ды и от ды_ма ста си_га_

_рет, позд_ней ме_ня на час, по_ут_ру,

све_же_вы_мыт, вста_ёт рас_свет.

И // я так зна_ком.

В феврале 1971 года я вернулась из бесконечно долгой командировки, и Арик, сияющий, спел мне свою новую песню. У неё ещё не было названия, но начиналась она удивительными словами: «А люди не стареют, не стареют... О, жизнь, ведь это правда, не стареют?..» Мне показалось, что песня эта — сплошной поток солнца и радости. Мне почудилась в ней хемингуэевская любовь к жизни, и я сказала об этом Арику. Он улыбнулся светло, распахнуто и удивлённо:

— Да... Ты угадала. Когда я писал, я всё время смотрел на портрет Хемингуэя, — Арик кивнул в сторону висевшего на стене большого портрета любимого писателя. — И ещё всё время вспоминал наш последний разговор с Евой Львовной...

Ева Львовна Мирская — очаровательная женщина, в то время преподаватель французского языка в Минском инязе, время от времени устраивала своим грузьям домашние вечера французского шансона. У неё уникальная коллекция пластинок французских шансонье, и звучание их она сопровождала ненавязчивым, тихим, но очень точным синхронным переводом. Когда мы были у неё с Ариком в последний раз (она специально для Крупна устроила вечер Азнавура, потому что считала, что они похожи, и не только внешне — она находила в их песнях сходные мотивы и мысли), Арик о чём-то разговаривал с Евой Львовной на кухне, пока она готовила чай.

Ева Львовна рассказала мне об этом разговоре, когда мы встретились с ней вскоре после гибели Крупна:

— Арик, ну как жизнь?

— Я счастлив, как никогда. Я даже не думал, что в моём возрасте, на четвёртом десятке, человек может быть счастлив, как в юности, и даже больше, чем в юности.

Разговор сразу перешёл на проблему возраста. Ева Львовна говорила о том, что ей не страшно стариться, потому что каждый возраст хорош по-своему, она говорила о том, что любит свою работу и получает много радости и от своих студентов, и от своих грузей, и от своей семьи.

«Каждый возраст хорош по-своему...» — вот это, вудимо, вспоминал Арик, когда писал свою песню: «...А в зрелости любви безоглядней...» Он считал, что в этой песне он написал лучшую свою строчку: «И женщины красивы, и мужчины». — «Я ничего лучше не написал за всю жизнь», — говорил Арик и сиял при этом.

Когда он пел эту песню, которая без его участия как-то сама собой назвалась «Зрелостью», всё его существо излучало радость... Только позже, когда его не стало, я услышала

Ева Львовна Мирская. Минск, сентябрь, 1974

песню на плёнке и была потрясена тем, сколько в ней грусти — при всём свете, исходящем от неё. Теперь я услышала в ней то, чего Арик, когда пел её, вероятно, и сам не слышал — предсказание, пророчество своего близкого конца, своего ухода. Он сам не ведал, что сотворил, и, утопая в потоке радости, не заметил этого.

ЗРЕЛОСТЬ

Е. А. Мирской

А люди не стареют, не стареют,
О жизнь, ведь это правда, не стареют?
С годами всё красивей и добрее,
Хоть жизнь их больно ранит, не щадит.
И женщины красивы, и мужчины...
О жизнь, ведь это правда, что мужчины
И женщины красивы? А лучина —
Пока не догорит, не зачадит...
И женщины красивы, и мужчины...

И мне не жаль ушедших лет несколько.
О жизнь, ведь это правда, что несколько
Не жаль ушедших?.. Просто грустно дольки
Души оставить там, где уж не быть.
А юность... Что же, юность так нарядна.
Нет, не красива — только лишь нарядна.
Но в зрелости любви безоглядней,
И с каждым годом интересней жить.
Но в зрелости любви безоглядней...

А если уж приходит к нам усталость,
О жизнь, такая страшная усталость,
Когда несколько силы не осталось
Снести и бремя лет, и боль от ран,
Вдруг кто-то скажет: «Стоп, пора на отдых».
Мы сеяли, и зеленеют всходы...
Над ними бег свой остановят годы,
И новый день к другим придёт с утра.
Мы сеяли, и зеленеют всходы...
Мы сеяли, и зеленеют всходы...

февраль 1971

Последняя фотография Арика перед уходом в Саяны.
Февраль, 1971

Неторопливо (♩=84)

А лю_ди не ста_ре_ют, не ста_ре_ют,
о жизнь, ведь э_то прав_да, не ста_ре_ют?
С го_да ми всё кра_си_вей и доб_ре_е,
хоть жизнь их боль_но ра_нит, не ща_дит.
И жен_щи_ны кра_си_вы, и муж_чи_ны...
О жизнь, ведь э_то прав_да, что муж_чи_ны
и жен_щи_ны кра_си_вы? А лу_чи_на,
по_ка не до_го_рит, не за_ча_дит.
И жен_щи_ны кра_си_вы, и муж_чи_ны...
И мне не жаль у_шед_ших лет ни_сколь_ко.

О жизнь, ведь э_то прав_да, что ни_сколь_ко
 не жаль у_шед_ших... Прос_то груст_но доль_ки
 ду_ши о_ста_вить там, где уж не быть.
 А ю_ность... Что же, ю_ность так на_ряд_на,
 нет, не кра_си_ва, толь_ко лишь на_ряд_на, но
 в зре_лос_ти лю_бо_ви без_о_гляд_ней, и
 с каж_дым го_дом ин_те_рес_ней жить. Но
 в зре_лос_ти лю_бо_ви без_о_гляд_ней... А //
 вдруг кто - то ска_жет: "Стоп, по_ра на от_дых". Мы
 се_я_ли, и зе_ле_не_ют восхо_ды... Над

ни_ ми бег свой о_ ста_ но_ вят го_ ды, а

но_ вый день к дру_ гим при_ дёт с ут_ ра. Мы

се_ я_ ли, и зе_ ле_ не_ ют всхо_ ды... Мы

се_ я_ ли, и зе_ ле_ не_ ют всхо_ ды...

ПРОЩАЛЬНЫЕ ЭКСПРОМТЫ

* * *

*Игорю Лучинкину**

Затеряемся по каютам
Просто так посидеть.
Затеряемся, раз поют там,
А от песен не поседеть.

Жаль, кончаются быстро слёты,
И не скоро начать.
Разнесут по домам самолёты,
И опять целый год скучать.

Разве лишь мудаки осудят
То, что было, то, что есть,
Только очень хорошие люди
Собрались почему-то здесь.

И качает нас, ох, качает
То ль питьё, то ль вода,
И опять самолёт разлучает...
Но вернёмся, вернёмся сюда!

Жаль, кончаются быстро слёты,
И не скоро начать.
Разнесут по домам самолёты —
И опять целый год скучать...

Я вас очень люблю, ребята!

Одесса, 1970

* И. Лучинкин придумал мелодию на эти стихи.

★ ★ ★

Олегу Нечаенко

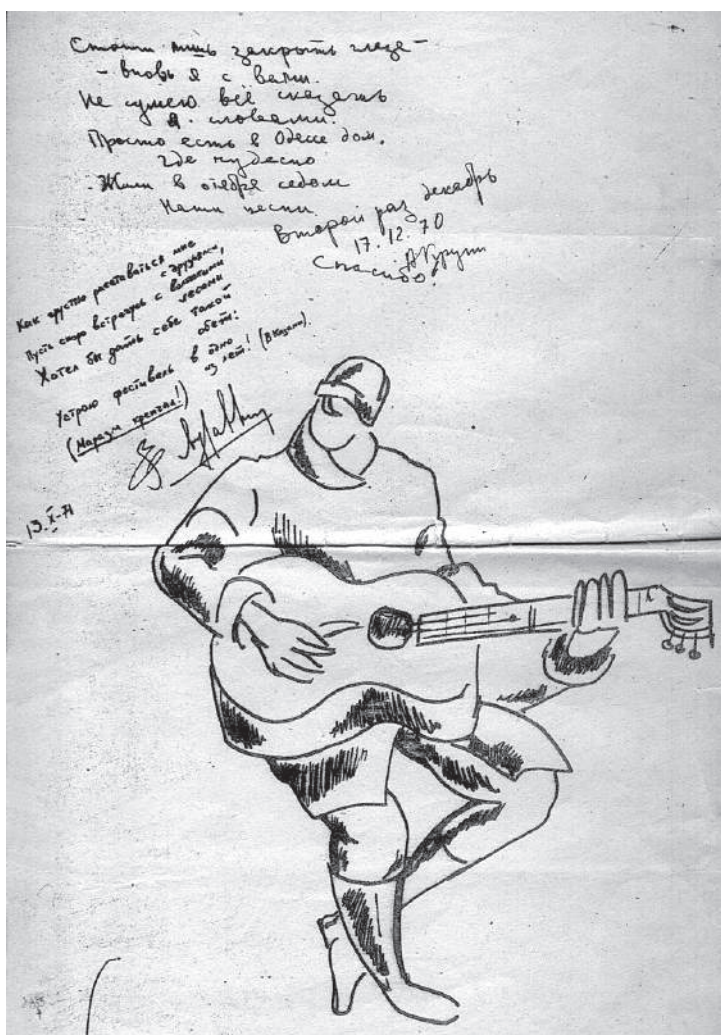
Адреса я спрячу в нагрудный карман.
Как легко их спрятать, как просто достать.
Понимаешь, сейчас над Одессой туман,
Ну а нам уж пора в декабре улетать.

Понимаешь, никак не случается вновь.
Может быть, даже лучше, а всё же не так.
Память снова подарит картинки из снов:
Море, волны, корабль и декабрь в цветах.

Арик Крупн

Спасибо!

Одесса, 1969

Олегу Нечаенко

Стоит лишь закрыть глаза —
Вновь я с вами.
Не сумею всё сказать
Я словами.
Просто есть в Одессе дом,
Где чудесно
Жили в октябре седом
Наши песни.

Второй раз декабрь

17 декабря 1970

Спасибо!

Октябрь, 1970

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Я увидела его, стоя на троллейбусной остановке, в один из первых мартовских дней 1971 года. Он стремительно шёл в распахнутом пальто, улыбающийся и, казалось, ничего не видящий перед собой.

— Арик, ты что сияешь, такой счастливый?

Он на мгновение остановил на мне взгляд и, продолжая улыбаться, сказал:

— У меня есть дочь!

— Ну и что? Я знаю, что у тебя есть дочь...

Всё так же улыбаясь, Арик покачал головой:

— Ничего ты не понимаешь! — и умчался в солнечный день. Сам, даже летящей спиной своей, он был олицетворением весны. И таким он остался в моей памяти навсегда.

**Фая Жениховская.
Фонограмма 1975 года. Минск**

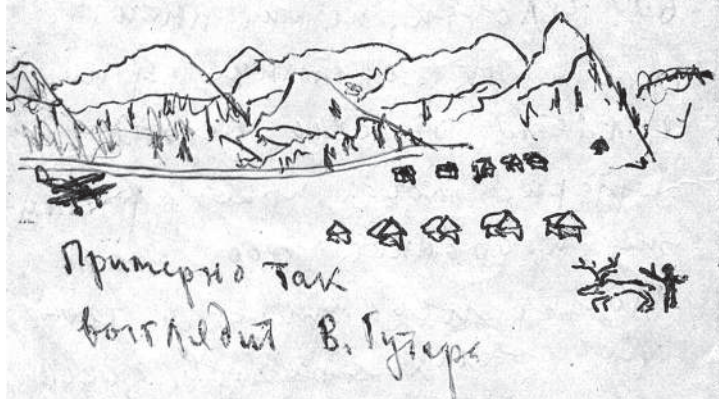
Динка

Диночка, здравствуй! ✱
 Пишу тебе из восточной
 Сибири. Здесь горы, снег
 и настоящая тайга, растут
 ели, сосны, берёзы, кедров,
 но больше всего лиственниц.
 Село называется Верхняя Тугара,
 живёт здесь очень маленькая
 народность: тофалары, их всего
 600 человек, но они имеют
 свой язык, а столицей у них
 является это село: Верхняя
 Тугара. Когда приеду, расска-
 жу подробнее обо всём.
 Постараюсь привезти тебе
 кедровых орехов, здесь
 они, кажется, есть.

у тебя, наверное, скоро
капитулы будут, отдохни
хорошо.

Еще очень прощу тебя,
Димочка, слушайся маму,
не сорвись.

Я приеду примерно 10 апреля.
Папа.

Примерно так
выглядит В. Гутер

Арик и Федя Гимеин. Поезд Минск — Москва,
7 марта 1971 года. Впереди — Саяны

Из письма:

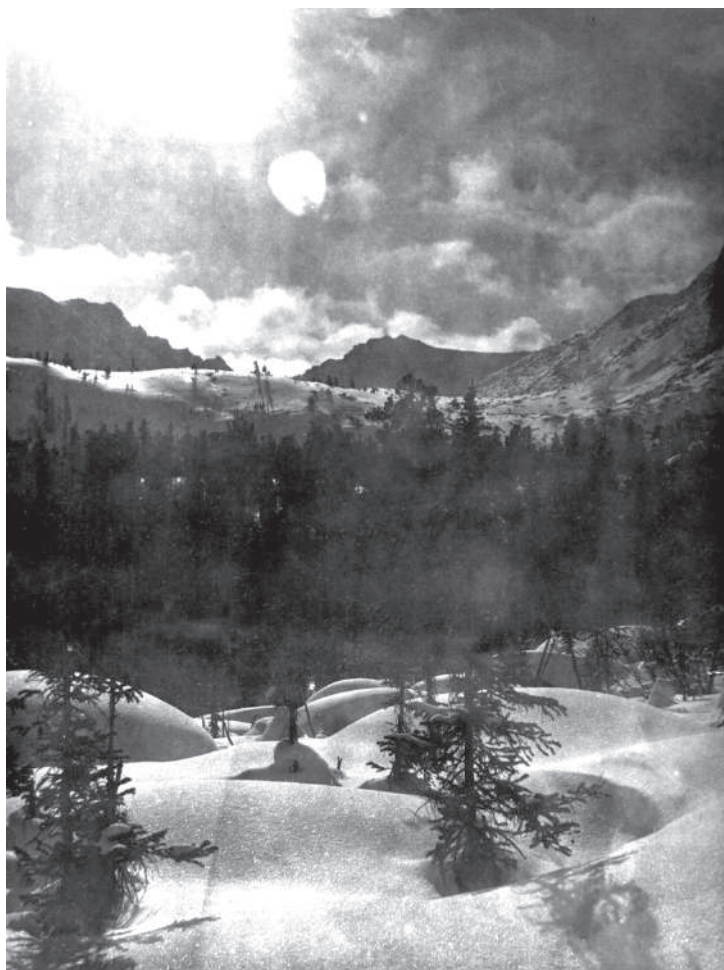
Диночка, здравствуй! Пишу тебе из Восточной Сибири. Здесь горы, снег и настоящая тайга, растут ели, сосны, берёзы, кедры, но больше всего лиственницы. Село называется Верхняя Гутара, живёт здесь очень маленькая народность: тофалары, их всего 600 человек, но они имеют свой язык, а столицей у них является это село: Верхняя Гутара. Когда приеду, расскажу подробнее обо всём. Постараюсь привезти тебе кедровых орехов, здесь они, кажется, есть. У тебя, наверно, скоро каникулы будут, отдыхай хорошо.

Ещё очень прошу тебя, Диночка, слушайся маму, не ссорьтесь.

Я приеду примерно 10 апреля.

Папа.

**Верхняя Гутара
11 марта 1971 года**

Пихтовый перевал. Восточные Саяны. 1974

1

14 марта

Родная моя, здравствуй!
 Вот мы и добрались до начала
 маршрута, сидим в Верхней
 Гужаре, завтра утром прийдут
 олени, закупимся и - в путь.
 Погода в долине прекрасная:
 безоблачно, безветренно, снега
 в этом году выпало очень
 мало, это сводит почти к нулю
 лавинную опасность и облегчит
 нашу путь, т.к. легче будет
 быть лыжню. Настроение у
 нас бодрое, надеемся пройти
 маршрут на 1-2 дня раньше,
 чем планировали.
 Всё время думаю о тебе, в
 этот раз разлучу много време-
 ни, а привок уже к твоим
 отъездам, а теперь уехал сам,
 а сроки стали больше.

2

А в эту ночь сон ушел из моих; ты уходишь. Потом я подумал, что, может быть, дело в том, что в последние дни я ни разу не услышал от тебя, что ты меня любишь, откуда и подсознательная тревога.

А я люблю тебя, а сейчас всё это особенно остро, потому что я сам выбрал разлуку, но это действительно мне нужно, это уже во мне, и ты тоже во мне, и сейчас такая располовинченность: я чувствую себе дома, как будто перенесённый ~~туда~~ ^{туда} из города - это противостоит между походами, а теперь она есть и не есть, а с другой стороны так хочется видеть

3

Тебе, и тешет к тебе, иногда
просто физически вспоминаю
твою голову не иначе у меня, а
это всего лишь 5560 км расстояния

А потом будет еще больше.

Я знаю: всё будет хорошо, ты
только думай обо мне, я скоро
вернусь. А я тебя вижу такой,
какой ты была в последний день,
ирезанной и предельно удалой.
Нади, Нади, как ты далеко
сейчас, я очень хочу тебе
обнять, и поцеловать тебя.

Всё время тешет задавать
тебе в письме вопросы,
как живёте, как дела, как
двигается фильм, а потом
соображаю, что куда
тебе писать, впрочем, и

4

не очень уверен, что тот кому-
нибудь мое письмо понравится,
раньше моего возвращения,
Кері его знает, как тут
ходит почта.

Ты знаешь, Надя, здесь очень
красиво, я целый день
сподняю мысленно водить
тебя, по этой долине и
рассказывая про горы,
которые здесь стоят со
всех сторон, это, во всяком слу-
чае, не хуже, чем в Бакуриани.
Кстати, о Бакуриани, я сейчас
выполняю поездку туда, как
дурной сон. Мне эта смесь
гор с цивилизацией совсем
не нужна была, а там был
очень не на месте и очень

5

это почувствовать, но за год забыть,
а сейчас, покав на место, опять
почувствовать: нельзя сидеть
не в свои яны, от этого ста-
новиться только хуже.

Если бы я смог написать тебе
письмо с маршрута, совсем
свежие ощущения, но это
невозможно. А завтра мы
выходим.

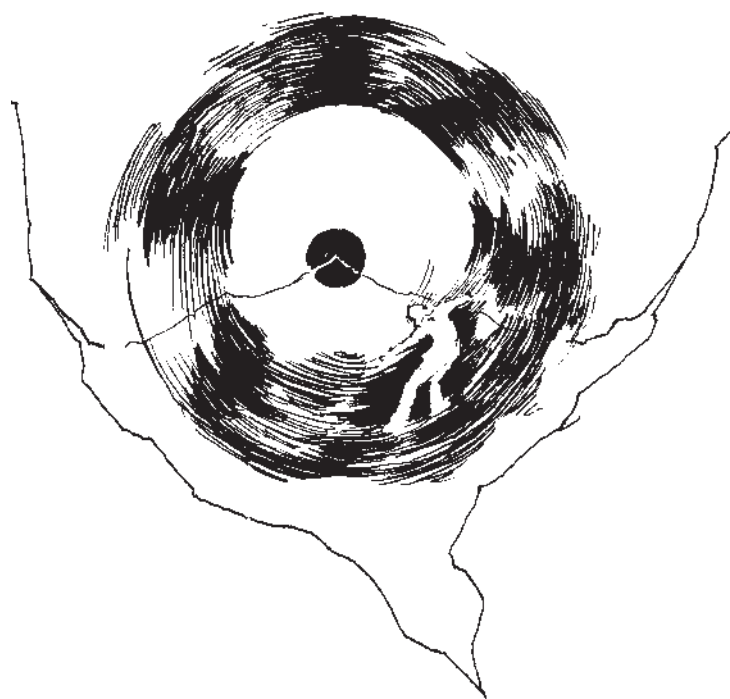
"С утра подъём, с утра..."
Как вы там живёте?

Надеюсь, милая, я уже там
только по тебе, а что же
будет дальше? Хотя на
маршруте, может быть, нагруз-
ка и усталость придут.

6
 остальные эмоции.
 Ведь самая большая цен-
 ность похода в том, что
 через несколько дней, после
 окончания ты вдруг заме-
 чаеть, что стал чуть
 дружнее, чуть лучше, чем
 был раньше, чем-то
 чуть богаче. А как
 происходит этот процесс -
 не замечаеть.
 Ну, вот и всё, Кадынка,
 до встречи, обнимаю тебя,
 целую крепко. Сейчас
 будет последняя ночь в
 доме. Ночью я опять увижу
 тебя. Всегда твой
 Коля

Верхняя Гутара,
12 марта 1971

...Когда всё это случилось, когда не было больше надежды, когда меня вызвали в Белсовет по туризму и сказали, что Арика уже нашли, ну, в общем, когда уже были оборваны последние ниточки, я позвонила Пайзу. Его перед этим не было, он был в командировке и, приехав — накануне моего звонка, — узнал, что произошло. Я позвонила Пайзу на работу, и мы договорились, что я приду к нему домой. Он ушёл с завода и ждал меня. Поставил на низкий столик три рюмки, налил водки себе и мне, и в третью рюмку. А я, в общем, водку не пила, а тут мне было совершенно всё равно. Пайзу долго молчал. Потом взял рюмку — «Давай». — Опрокинул. Я тоже выпила. Потом посмотрел на третью рюмку и сказал: «И за него выпьем», — и выпил. Как я ни сдерживалась, слёзы катились... Пайзу сказал: «Нельзя. Не плачь. Он был весёлый человек, и вспоминать его надо таким — весёлым. Не смей плакать! И помни, что он очень-очень любил вас с Динкой. Помни. Никогда этого не забывай».

А потом он сидел долго, обхватив голову руками. И вдруг прорвалось... Он стал вспоминать об Арике: как он иногда ночевал у него — Пайзу ещё жил без жены, один в этой комнате, — как он любил копаться в его книгах, как они вместе мечтали перевернуть горы, как ему каждый раз не хотелось отпускать Арика в поход. Он был его начальником и, конечно, каждый раз мог его не пустить... Но Арик... Не думаю, что он хитрил, у него это получалось естественно, само собой: он брал гитару и пел ему целую кучу всяких песен — про зиму, про горы, и про пур-

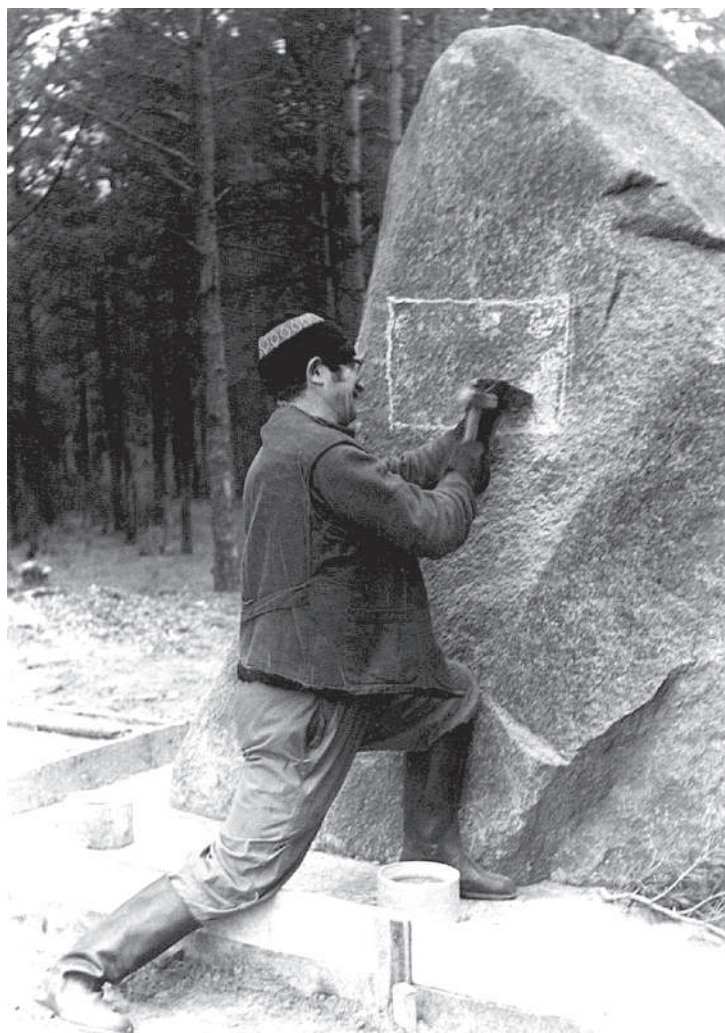

20 мая 1971 года. Минск, Чижовское кладбище.
Слева — Виктор Соболевский, справа — Пайзу Исаев

гу, и про Север, и про походы, и... как Пайзу говорил, «до такой степени задурил мне голову, так вскружил мне голову, что я махал рукой — "Чёрт с тобой, иди! Иди на свой Север, раз ты без этого жить не можешь". — Я хотел, чтоб ему было хорошо. Уже всё — работа, всё — пускай катится, лишь бы только тебе было хорошо. Ты хочешь — иди!»

И ещё он рассказывал о том, какой Арик был инженер. Он говорил: «Будь на то моя воля, я бы сказал Круплу: вот полгода работаешь, а полгода отдыхаешь, потому что ты делаешь в четыре раза больше, чем все эти олухи, которые работают у нас». Он говорил: «Я без него осиротел, осиротел я без него. Боже мой! Что я буду теперь делать без него один?»

Фонограмма 1975 года

Последние штрихи

Закончен труд

Этот памятник Арику Крупну сделали его грузья через год после его гибели. Он был установлен в ста километрах от Минска на высоком берегу Немана, неподалёку от деревни Новый Свержень за Столбцами. Арик очень любил это место.

Валун около трёх метров высотой ребята нашли в двухстах километрах оттуда, скинулись с очередной зарплаты, наняли автокран и платформу и перевезли его. Им хотелось поставить памятник Арику в таком месте, куда они могли бы приходить и праздновать его день рожденья, как это бывало и до 71-го года. Им нужен был памятник в лесу — там, где они сидели с живым Крупном у костра и слушали его песни, где сам воздух был насыщен воспоминаниями.

Ребята работали там несколько суббот и воскресений кряду. Среди них были инженеры-строители, и всё делалось по правилам строительного искусства: котлован, булыжник, раствор, накат брёвен, снова булыжник — и так доверху. Одним словом, делалось всерьёз и надолго. Тогда ещё никто не знал, что этот камень простоят всего два с половиной года.

В субботу, 29 октября 1972 года, накануне дня рождения Арика Круппа, состоялось открытие памятника. Событие не афишировалось. Присутствовали только минские грузы да несколько ребят из Смоленска. Всего сто человек. В камень была вмонтирована плита из нержавеющей стали, а на ней — четыре строки:

А всё-таки, всё-таки хочется петь,
Даже когда в сердце песням нет места...
Только б не сдаться, и только б успеть
Спеть свою самую главную песню.

Арик Крупп

Вокруг памятника горели свечи, обёрнутые алым ста-нио-лем. Вазы были переполнены хризантемами. Перед по-стаментом был разложен небольшой костёр, а под фото-графией, укреплённой на камне, сооружён подсвечник из фольги. В нём до утра горела свеча, и всю ночь у костра пели песни Круппа и любимые им песни других авторов.

Туристы назвали это место «Арькин Камень», и каж-дую неделю на выходные сюда приходили туристские груп-пы. Здесь всегда было чисто и всегда стояли цветы. Пионе-ры из соседнего села проводили здесь свои слёты. Камень никому не мешал.

Летом 1973 года ребята с удивлением увидели в метал-лической плите со стихами восемь пулевых прострелов. По-думали — хулиганы. Сменили плиту. К осени, ко дню рожде-ния Круппа, поставили новую, точно такую же. А ещё через полтора года, летом 1975-го, Минск облетела весть: нет больше Камня. Очередная группа, приехавшая сюда на вы-ходные, увидела на месте Камня большую яму и вокруг се-рые осколки. Местные жители рассказали, что приехал на-ряд милиции, заложили динамит, оцепили горку, рванули, а потом — бульдозером. Осколки, все до единого, очень быст-ро разобрали на сувениры.

Позже выяснилось, что снести Камень потребовали по-томки писателя Якуба Коласа, родовое имение которого на-ходилось неподалёку, однако отнюдь не по соседству с Кам-нем — совсем в другой стороне от деревни Новый Свержень.

Чем приглянулся Камень детишкам из соседней школы, неизвестно, но пионерских сборов у памятника «сионисту» честолюбивые потомки белорусского письменника не про-стили. Они были вхожи в ЦК КП Белоруссии, и добиться такого решения им труда не составляло.

...Всю ночь у костра пели песни Круппа и песни других авторов, которые он любил. (С гитарой — Дима Песин)

Камня не стало, но долго ещё ничего не менялось. По-прежнему сюда на выходные приходили туристские группы, по-прежнему в ближайшую к 30 октября субботу здесь отмечался день рождения Арика Круппа. Так продолжалось ещё лет пятнадцать. Говорят, что сейчас там ничего нет. Люди, которые приходили туда с рюкзаками, разъехались по белу свету, а на этом прекрасном месте построили туристический комплекс для иностранцев. Имени Круппа он, слава Богу, не носит.

Минск—Москва. 1980—1995

АРИКУ КРУППУ

Эхо

мечется в бочке бездонной.

Снег — напролом, с грохотом — вниз!

— Арька!

Я не застал тебя дома —

Я подожду,
только вернись!

Струны...

Нет, нет, это нервы из стали,

Не угрожать им по весне.

— Знаешь,

что-то мы грустными стали...

— Всё — почему?

— Падают снег.

Тихо

хлопья летят мимо окон,

Чудится скрип лёгоньких нарт...

— Мокро!

Бьёт от троллейбусов током!

— В городе снег.

— В городе март!

Стелет

лужи к подъездам знакомым.

Видишь, в слезах чей-то карниз...

— Арька,

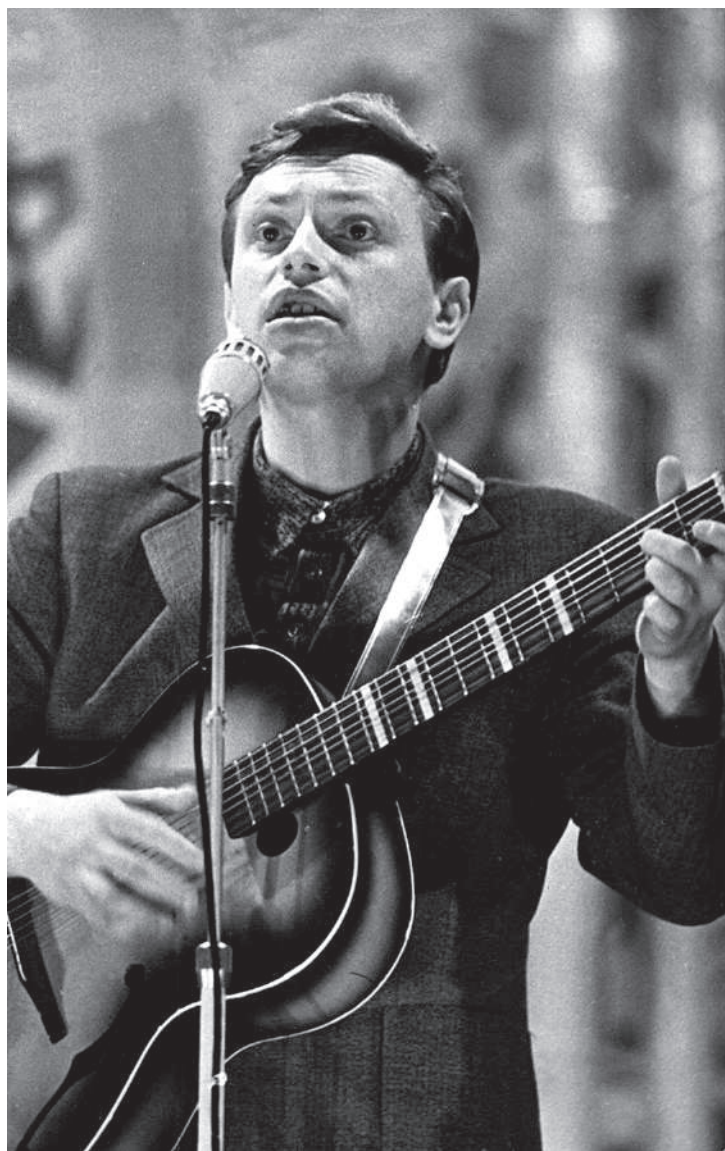
я не застал тебя дома,

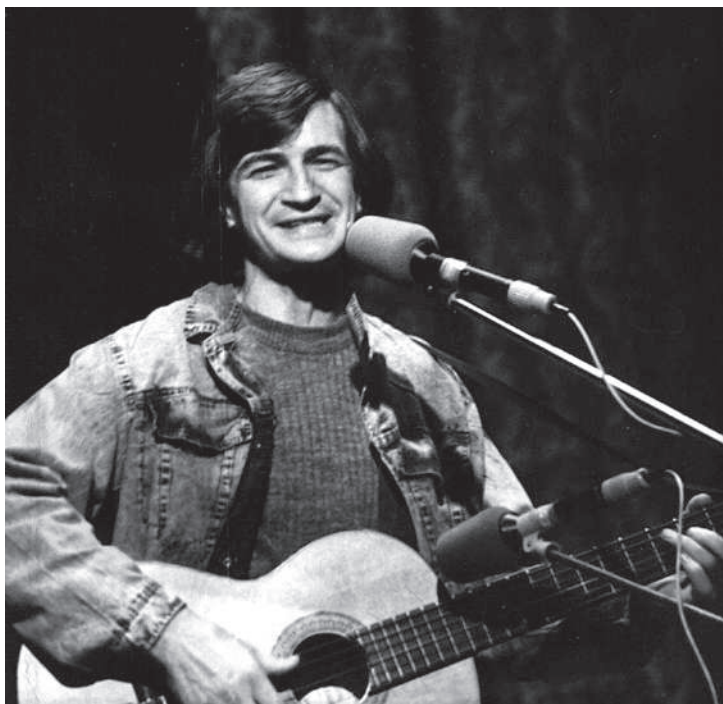
я подожду.

Только вернись!!!

1973

Владимир Ланцберг

МОЙ КРУПП

Июнь 1971 года. Мы стоим на платформе «Казанвокзала» и провожаем грузей в экспедицию на Западный Тянь-Шань. Естественно, «сушнячок», чтобы скатертью дорога (как сейчас помню, пили рислинг), естественно, десяток любимых «песняков»: Визбор, Туриянский, Аделунг. И вдруг Витька Длинный (добрая ему память!) берёт «струмент» и поёт что-то необыкновенное, незнакомое, песни, будто написанные про нас лично. Будто автор — один из нас, говорит о самых сокровенных делах нашей жизни:

Сколько у нас в жизни счастья?
 Выпивка после разлуки.
 Радости чуточку чаще,
 Чем быть должно по науке...

Так я первый раз услышал песни Арика. Потом была десятидневная зимовка в избе в заброшенной деревне в глухомани Владимирской губернии в январе 1972 года. Там под шелест позёмки мы часами крутили огромную бобину его песен и, не в силах оторваться, переворачивали её снова и снова, почти забыв про цель нашей зимовки — катание на лыжах.

С той поры Арик и его песни остались навсегда со мной. Годом позже, во время службы в армии, катушка с песнями Крупна, которую мне прислали грузья, стала для меня соломинкой, спасшей меня в перипетиях солдатской «бытовухи». Я много пел своим товарищам по роте, и уже через полгода Крупн стал самым любимым автором в нашей части. Это было для меня и первой школой жанра: мир песен Арика, его творческие приёмы были так близки мне и понятны, что я обрёл уверенность и в том, что делал сам.

Гибель Крупна и его грузей потрясла весь бродяжий песенный мир. Без преувеличения, вся первая половина 70-х годов прошла под знаком его творчества. Не было ни одного концерта и фестиваля в России, где не звучали бы его песни. Наследие Крупна невелико по объёму: одна повесть и около 70 песен, но это тот редкий случай, когда все песни представляют единую обойму — ни одной проходной, «для разминки». Песни Арика сегодня стали частью нашей песенной культуры. Крупн — классик дорожной песни, родоначальник отдельного направления, где песенный текст поднимается до уровня истинной поэзии, а музыка, быть может впервые, вырывается из заколдованного круга «пяти бластных» и обретает совершенную мелодию и истинную гармонию.

На творчестве Крупна росли многие барды новых поколений. А для меня Арик стал старшим братом в жанре. Часто в трудные моменты жизни я перебираю в памяти строчки его вечных песен и почти всегда нахожу подсказку и поддержку. А песни его я знаю наизусть почти все.

Владимир Капгер.
 1995 г.

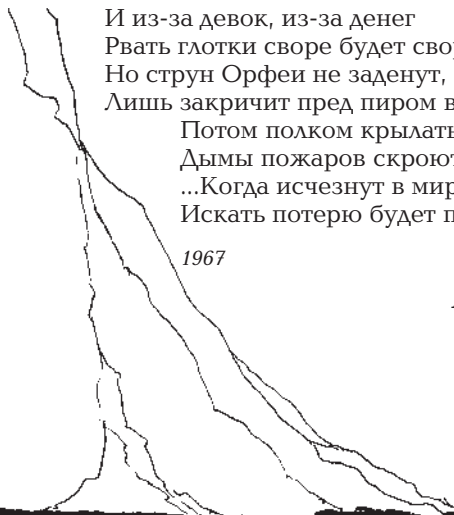
КОГДА ИСЧЕЗНУТ ПЕСНИ

Когда исчезнут в мире песни,
Дома не рухнут, гром не грянет.
Всё, всё останется на месте:
Зелень лесов, закат багряный.

И будет ветер биться в крыши,
И будут люди жить под ними,
Но кто-то друга вдруг не същёт,
А тот — с врагом бокал поднимет.

Когда исчезнут в мире песни,
То, не почувствовав потери,
Маляр смешает краски вместе
И всё закрасит цветом серым.

И с некогда весёлой кисти
Падёт на окна и на травы,
На лица, мысли и на листья
Бесцветно-серая отрава.

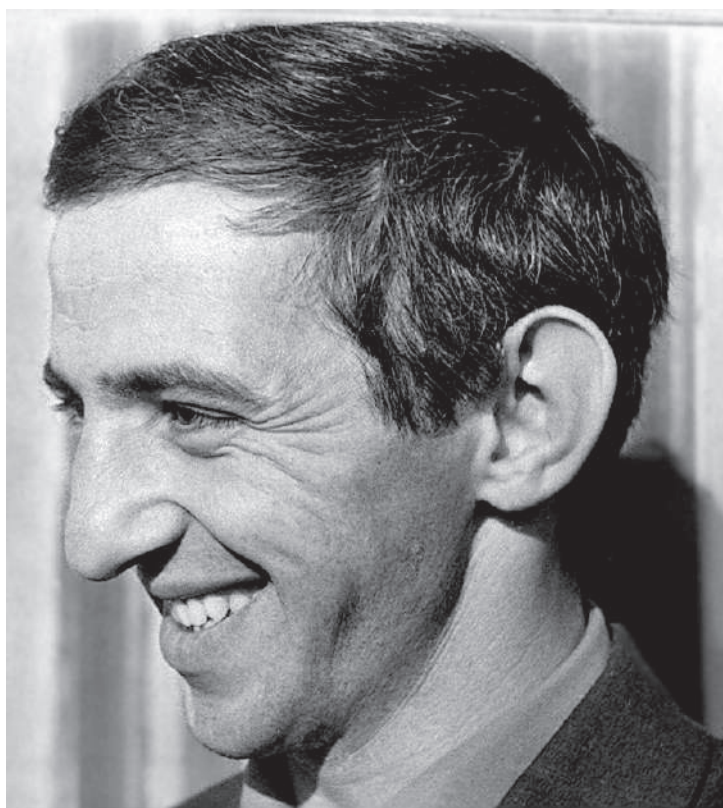

И из-за девок, из-за денег
Рвать глотки своре будет свора,
Но струн Орфеи не заденут,
Лишь закричит пред пиром ворон.
Потом полком крылатых бестий
Дымы пожаров скроют звёзды...
...Когда исчезнут в мире песни,
Искать потерю будет поздно.

1967

Арик Крупп

Умеренно (♩=108)

Музыкальный текст с нотами и гармониями. Ключевая подпись: Умеренно (♩=108). Гармонии: Dm, Gm, Dm, B, D7, Gm, A7, D6, F#7, H7, Em, A7, Dm, A7, Dm, Gm, Dm, Gm, Dm.

Ко_гда ис_чез_нут в ми_ре пес_ни, до_ма не
 рух_нут, гром не гря_нет. Всё, всё о_ста_нет_ся
 на мес_те: зе_лень ле_сов, за_кат ба_
 _гря_ный. И бу_дет ве_тер бить_ся в кры_ши,
 и бу_дут лю_ди жить под ни_ми, но кто - то
 дру_га вдруг не сы_щет, а тот с вра_гом бо_
 _кал под ни_мет. Ко_гда ис_ //позд_но.
 ...Ко_гда ис_чез_нут в ми_ре пес_ни,
 ис_кать по_те_рю бу_дет позд_но.

ХОЧЕТСЯ КОЕ-ЧТО СКАЗАТЬ ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ

1. По какому праву?

Действительно, по какому праву я, посторонний, влезаю в эту книгу? На каком основании я, никогда Круппа в глаза не видевший, пытаюсь что-то утверждать?

Смею надеяться, по праву живого человека, более того, заинтересованного лица; на основании своеобразного сродства натур. Плюс энная доля наглой самоуверенности при попустительстве тех, кто эту книгу задумал и выпустил в свет.

В чём же моя заинтересованность? Во-первых, я люблю хорошие песни и хочу, чтобы их услышало как можно больше хороших людей. А Крупп, по моему разумению, писал в основном хорошие песни.

Во-вторых, я неравнодушен к хорошим людям и хочу, чтобы каждый из них познакомился с как можно большим числом других хороших людей. А Крупп, как мне кажется, был одним из них.

В-третьих, есть и мой профессиональный интерес в этом деле. Как-то раз друзья, собираясь познакомить меня с неким весьма известным педагогом и психологом, предупредили на всякий случай, что он занимается проблемой детской одарённости. Я перепугался: в молодые годы кое-кто из моих приятелей-сверстников попал в спецшколы с импортноязычным или химико-математическим уклоном; там они помимо всего слушали записи Галича и Окуджавы, рассуждали в обществе умных людей о судьбах мира и на

этом ли, или каком другом основании довольно скоро перестали замечать само моё присутствие. Было немного обидно. Я же, волею судьбы оказавшись в педагогах, наоборот, старался как можно больше погрузиться в проблему детской «бездарности», ибо не встречал, кажется, ни одного человека, а тем более ребёнка, начисто обойдённого Божией милостью. Вопрос всегда оказывался в чём-то другом — то ли в воспитании, то ли в ситуации... Короче, практически все «мои» детки в конце концов оказывались одарёнными, но эти открытия требовали приличной возни. И терпеть я не мог тех чад, которые с унаследованным от родителей нахрапом требовали, чтобы я обязательно «записал» их туда-то и туда-то, обязательно вне очереди, потому что он-де, данный экземпляр, исключительно одарён от природы, не то что все прочие.

И более других я уважал людей, которые сами себя «сделали» помимо обстоятельств, а то и вопреки им. И мне так кажется, что Крупп во многом сделал себя сам. Влезая в ворох оставшихся после него материалов, можно сказать, в саму его жизнь, пытаюсь представить себе, каким он был в семнадцать, двадцать пять, тридцать лет, мне каждый раз хотелось крикнуть:

— Братцы, смотрите, ведь он был совсем таким же, как и мы, а что он с собой сделал! Сам!

А что он с собой сделал, точнее — не сделал? Всего-то — не стал зарывать свои таланты; наоборот, постарался выжать из них максимум. Получился толковый инженер, квалифицированный спортсмен, известный и любимый многими бард.

Не бросился стричь купоны со своей славы; остался человеком как бы без особых претензий...

Не поддался стереотипным разочарованиям, несмотря на то, что «система», да и отдельные люди были не во всём справедливы и ласковы к нему; не перестал хорошо относиться к людям, в целом к жизни. И все свои чувства, усиленные песнями, выплёскивал на нас, чем и помогал время от времени и по сей день...

А мне как раз и хотелось бы, чтобы каждый из нас не зарывал бы, не стриг, не разочаровывался и т.п. Как это сделать? Думаю, один из способов — писать себя с натуры, естественно, привнося в своё творение долю личной творческой самобытности. И натурой этой (своей, то есть) Крупп для меня ценен более всего. Поэтому во всём, что он

делал, мне интересен, как бы это сказать, человеческий фактор.

А на основании какого сродства я пытаюсь что-то утверждать?

Дело в том, что и сам иногда пишу песенки, не обладая при этом ярко выраженным талантом, то есть во многом «высиживая» их. И дело не в том, хорошо или плохо я это делаю, а в том, что происходит это у меня очень похоже на то, как происходило у Крупша. По милости его жены Надежды два года в моём доме «жили» его фотографии, записные книжки, черновики, некоторые письма... Перебирая их время от времени, я не мог отделаться от мысли, что это в каком-то смысле «моё», я сам писал это, зачёркивал, не спал ночами и всё такое прочее. Довольно похоже многое выходило и по мыслям, и по стилю, и «по жизни».

Генетики и психологи могут это чётко обосновать; мне же достаточно ощущения какой-то параллельности наших жизней; кажется, я даже знаю, как бы он писал сейчас, в наше постсовковое время, а точнее, как бы не стал писать. Как стал и как не стал бы жить. Почему-то я абсолютно в этом уверен.

Потому и смею о чём-то говорить.

2. Как он рос?

Естественно, я почти ничего об этом не знаю. И в то же время знаю всё. А чего тут не знать?

С одной стороны, родовые традиции уважения к близким, культа семьи, законопослушания, помноженные на реалии жизни в стране Советов, жёсткие правила выживания тех или иных конкретных «прослоек». Ну, и сами родители — интеллигентные, чуткие, любящие; очень добрые отношения в семье. Отсюда — нежность к матери, отцу, сестре...

С другой стороны, природная живость характера, толкающая на авантюры, «подвиги», подмывающая испытать себя то так, то этак. Отсюда, в частности, страсть к экстремальному туризму.

Где-то посредке — нормальные заморочки для мужика, в частности склонность к философствованию, любовь к джазу и железкам. В школе он заработал прозвище Радиокрупп.

Но вот что любопытно: ни одно из этих обстоятельств само по себе не определяет такое свойство натуры, про

обладателей которого говорят, что им «больше всех надо»! Можно быть прекрасным семьянином, работать радистом на полярной зимовке или бортинженером космической станции, трепаться за пивом о смысле жизни и при этом не выламываться из общей массы добропорядочных граждан. Более того, таких большинство, и это нормально. Но — вот один из парадоксов русского языка: словосочетание «больше всех надо» по логике предполагает сверхнормативное обогащение, присвоение каких-то благ. На самом же деле тем, о которых так нехорошо говорят, «надо» почему-то именно отдавать себя другим, и в этом их непонятное благо. Откуда у Крупа была предрасположенность к такого рода странностям, можно предполагать с достаточной степенью вероятности; для меня же важно то, что в этом направлении он двигал себя с особенной ожесточённостью, если это слово вообще уместно. Если кто-то нервничает из-за того, что я говорю не о песнях, а бог знает о чём, заявляю, что речь именно о песнях, хотя не в них дело. Лучше уж обижаться на последнюю реплику.

3. Как он жил?

Об этом я совсем ничего писать не собираюсь, и вовсе не потому, что книга пересыпана воспоминаниями его друзей и близких и россыпь отдельных мозаичных камешков можно легко дополнить воображением. А потому, что Арик принадлежал к тем, увы, ныне немногим авторам, которые как жили, так и пели, один к одному. Тогда, в 60-х, таких было несколько больше в процентном отношении; этим они и определили характер и главные ценности жанра. Ныне границы размыты, понятия смешаны, ценности подменены, таланты же многие суетятся — занимаются творчеством, искусством, пекутся о своём месте в нём, пытаются на что-то претендовать... Хотя я не уверен, что в результате творчества и искусства стало больше или тогда было меньше. Всё же классика так и осталась классикой. Если кто-то обрадовался — вот наконец и о песнях что-то — нет, дорогие мои, не о песнях это я...

4. Как он писал?

По-разному. Иногда — довольно легко, быстро. Иногда. Была некоторая техника, набитость руки. На страничках черновиков время от времени попадают заготовки рифм («трамваи — скрывают»; «помощи — угонишься»;

«один я — льдины») — в них порой чувствуется некоторый изыск. Крупн избегал глагольных рифм, знал толк в аллитерациях...

Но чаще роды оказывались мучительными, как бы ни прекрасны были эти муки. Полистаем его записные книжки и поработаем литературными детективами.

Вот одна из книжек 1966 года. Первое, что в ней написано: «Скажешь послушай... еду снова» (карандашом, не очень разборчиво, к тому же книжка без обложки; запись частично стёрлась) — и тут же зачёркнуто.

Вообще, что характерно, многие записи (кроме тех, что в «армейских» книжках) сделаны как бы наспех, второпях. Из знаков препинания — порой лишь, в виде одолжения, запятые — почти на все случаи жизни. Тире и точки — чуть ли не в случаях жизненной необходимости. Это в песнях. Стихи оборудованы более основательно. Некоторые неспешно писанные чистовики являют собой прямо образчики синтаксиса. Когда в 1958—1961 годах служба шла, а солдат А. Крупн больше уже физически не мог спать, он смаковал само общение с ещё не заполненными страничками книжек — так всё на них становилось красиво и уютно.

А «на гражданке» чаще всё — на ходу: на улице, в вагоне... Пометки: «борт» (самолёта), «рест. АП» (ресторан «Алый парус»)... Куда-то и в ресторане торопился.

Всё — с левым наклоном, потому что левой рукой, — левша. Чтобы отличить, где не им писано, и почерка знать не надо.

Что ещё характерно и, вообще говоря, интересно — как правило, он с самого начала знал, чего хотел. От данной песни, в частности. Случай с песней «Осенние разъезды», в которую превратится зачёркнутая карандашная строчка, — тому пример. Теперь уже мы знаем, чем дело кончилось, чем сердце успокоилось: ты уехала, мне бы тоже уехать, а в это время — осень... Казалось бы, чего проще: знаешь о чём — пиши! Но самые страшные мучения чаще всего в дебюте. Почему? Думаю, ему нужна была точность — адекватность передачи состояния, и не столько в словах, сколько в ритме, мелодии... Как жаль, что он не писал ещё и нот и мы можем об этом только гадать! А чего, собственно, гадать? Смотрите:

У людей, не у всех, но издавна

Есть обычай: уходят из дома,

Из привычек удобных изгнаны
Уезжают искать себя.
Уезжают скитаться по свету
Ходят по морю или по суху
Бродят где-то с мешком и посохом...

Дальше вместо строчки — какая-то кардиограмма, будто он, не найдя слов, сказал: «Та-та-та, та-та-та, та-та!»

И снова всё перечеркнуто, крест-накрест. «Прячут листу леса»... Красиво? Однако — зачеркнуто. Далее — цирк:

«Ну как мне об этом сказать? Вот едешь ты ётм»... Признаться, я изрядно помучился, пока не понял, что последние три буквы — аббревиатура канонического народного словосочетания. Открытие это я сделал, идя от рифмы на «-ать». Но почему он так неласково обращается к предмету своей нежности? Ну, конечно, для него на какой-то момент слились воедино объект творчества и творческий процесс, который упорно не желал давать результата.

Далее мы всего лишь переворачиваем страничку, а у Арика в это время произошло какое-то важное событие; может быть, новый день настал. Во всяком случае, в ход пошла свежерасписанная (на первой странице) шариковая ручка. Читаем:

Ты куда-то уезжаешь,
Может быть опять надолго,
Стены города прижались
Пробегают мимо «Волги»,
Осень жёлтой пеной в стены
И неверным ветром в двери
Я не верю, нет, не верю
В то, что так обыкновенно...

Что же такое обыкновенное возмутило чувства и разум Круппа, нам так и не дано узнать, потому что фрагмент снова перечеркивается, ритм меняется — и мы слышим:

Без поправок на иней на бронзе
На миграцию птиц, на ветер
По часам живём, не по солнцу...

Ей-богу, возмутительно, какие прекрасные строчки он отбрасывает, и нам их никогда не услышать и не спеть.

Стебли травы жадно жуёт
Иней
Жалобный крик, птиц перелёт
Длинный
Вот и в реке стынет вода,
Стынет
Ветер бросается на города
В спины....

Отложено в сторону. Следующая страница: «Ты куда-то уедешь»... Зачёркнуто. «Куда-то уедешь ты»... Зачёркнуто.

«Ты куда-то уедешь, зачем?» Это «зачём» — как признак надвигающегося маразма. Естественно, зачёркнуто.

Ну вот, опять, в который уж раз
Пора бы привыкнуть, а я не могу...

Участь — та же.

Как просто мне собраться и уехать
И где-то пропадать по многу дней...

Что-то новенькое: еду уже я, а не ты. Но от этого не легче.
«Как мне просто уехать»... Следующая страница: «За растром дождей Косых, затяжных»...

«Растр» — это технический термин. Развёртка на экране, рисуемая лучом и именуемая растром, даёт линии, похожие на те, что прочерчивает дождь. Очень точно: дождь рисует картинку с унылым упорством и однообразием телевизионной развёртки. Но вообще-то даже самая качественная развёртка ещё не является гарантией счастливого разворота событий на экране. Посему — зачеркнём. Хотя — стоп! — в этом что-то есть:

«За растром дождей, косых, затяжных Исчезнешь, растаешь, не станешь видна. Ну где же, ну где слова, что нужны»...

Действительно, где? Зачёркнуто. «То солнца чуть-чуть, то растры дождей»...

Нет, так нельзя: растров не должно быть чересчур много. «За растром дождей, косых, затяжных Не станешь видна, уедешь опять»...

Я правильно предположил, что ты, дорогой читатель, в процессе проходки данной главы нет-нет да и заглядываешь на соответствующую страницу книги, где текст песни напечатан в окончательном виде, переживая, как Арик то приближается к конечному варианту, то отдаляется от него? Если нет, то

не поленись, проделай такую работу. В частности, ты обязан предположить, что слово «опять» Крупш зачеркнёт. И в результате получит искомый ритм, а может, и мелодию:

Ну где же, ну где слова, что нужны
Чтоб шли за тобой по следу
В миграции птиц, в застывшей воде
В осенних приметах книжных
И в тысячах лиц знакомых людей
Ищу тебя, и не вижу...

Это уже останется! Далее без перерыва:

Набрав сигарет, уеду и я,
И близкое станет дальним
К кострам на заре, в другие края
К песен системам сигнальным...

Вторая и четвёртая строчки стрелочками поменяны местами, но это их не спасёт: они исчезнут. Далее:

Пойму я себя, тебя и друзей
По-новому в новом месте
Взгрустну не скорбя, в молчаньи ночей
Услышу неспетые песни...

«Пойму я» зачёркнуто, после «себя» вставлено «и», а после «друзей» дописан «и ручей». На «в новом месте» образовалось «вдруг увижу», а «услышу» переставлено в конец строчки:

Себя и тебя, друзей и ручей
По-новому вдруг увижу
Взгрустну не скорбя, в молчаньи ночей
Неспетые песни услышу...

Мрак какой-то! Зачёркиваем всё. Правда, дело уже сделано. Так или иначе, заготовки пойдут впрок. А на предыдущих страницах (эта уже забита до отказа, а на следующей записаны чьи-то адреса и места совсем мало) фиксируется ещё один всплеск борющегося сознания:

И горечь подбив как сбитый каблук
В пути, что упрямо выгнут
Тебя не забыв, лишь горечь разлук
В пути забывать привыкну...

Над «лишь» надписано «я» — вариант. В песне первая «горечь» превратится в «нервы», «тебя» — в «ничто» (ради бога, не усматривайте в этом ничего символического, это обычная техническая замена с философским уклоном), а «в пути» — в «совсем».

Теперь — внимание! Читатель, будучи знатоком творчества Круппа, наверняка уже успел вполне резонно заметить про себя, мол, песенка далеко не шедевр, а сколько возни! Верно, Арик и сам не питал особых иллюзий по поводу данного своего творения, хотя наверняка был к нему неравнодушен, как любой автор даже к самому неудачному своему чаду — в глубине души. Свидетельство тому — две записи, на последней страничке с песней и на соседней, где адреса. Первая совсем короткая:

«16 часов». Крупп, обозначая послеполуденное время, охотнее пользовался выражениями вроде «два часа дня», «восемь часов вечера». Так что рискнём предположить, что здесь он отметил не время суток, а, скажем, протяжённость какого-то события. Какого?

На соседней страничке он пишет какого: «Качество песни не находится в прямой зависимости от трудов, на неё затраченных».

Вот так, с запятой в положенном месте и с точкой в конце. О чём это свидетельствует?

Вообще, листая его черновики, становишься свидетелем таких коллизий! Вот он подбирается к песне «Северная I». На левой страничке разворота:

И вечный ветер с вечными снегами...

На правой страничке:

И вечный ветер с вечными снегами...

Дался ему этот ветер! Потом он заиклился на «трамваях», которые, как известно, «скрывают», а вот что скрывают, как раз и неясно, ибо написано лишь:

И рельсы, как синие нити,
Трамвайный билетик храните
Колёсам ещё стыки рельсов толочь...

И на следующей странице:

Трамвайные билеты сохраните
Возьмите их с собой в большую ночь... —

что, впрочем, зачёркнуто, зато написано:

«Мы уезжаем, до свиданья, город»... — и далее всё то, что ныне хорошо известно. А трамвай окончательно сдал позиции более солидному поезду дальнего следования. И билетик не понадобился.

А вот четыре строчки из другой книжки 1966 года, совершенно, казалось бы, отдельные:

«Мы привыкли к этим названиям И живут они рядом с нами Память вечная безымянным Но они-то ведь с именами»... — и мы становимся свидетелями одного из важнейших открытий Арика. Разумеется, он «открыл Америку», «обезобезличив» (другого слова не придумаю) понятие «неизвестный солдат». Но какую работу должна проделать, прошу прощения за пафос, душа человека, идущего к этому откровению! А главное — ему же дело до этого быть должно! А нам остаётся песня «Следы ровесников». Мы опять как бы на всём готовом.

Да, забавно наблюдать за пишущим Крупном, забавно и поучительно.

Когда он рвётся к «струе», он — зверь, он отбрасывает лучшие строчки, если они почему-то не резонируют; швырятся золотыми самородками: «ласк лоскут» — прелюдия к песне «Не сердись!». Первые четыре строчки оказались удачливыми, уцелели:

Не сердись, я привык уходить
В книги, в горы и просто в тоску
Это так же, как мокнуть песку
Если вдруг начинает дождить...

Следующим четырём повезло меньше:

Ведь не хватит ни крыш и ни крон,
Кроны осень сорвёт по листку
Значит мокнуть и мокнуть песку,
Если осень садится на трон...

Жаль, конечно, особенно строчку с монархической грустью, да сколько ж можно перепевать!

Не сердись и не кутай меня
В лёгкий плащ твоих губ, твоих ласк...

В окончательном варианте лучше:

От лады твоих ласк и от рук
Что-то гонит меня в холода...

На следующих страницах (а это всё — блокнотик 1967 года) песня переписывается заново, вместе с первой, удачной, строфой, но и с новыми мучениями. Правда, как чаще всего бывает, к концу помарок становится меньше; нередко эндшпилю сопутствует этакая маленькая творческая инфляция, когда проскакивают немыслимые в других местах дешёвки, штампики — то ли находит головокружение от успехов, то ли обуревает желание дописать поскорее, любой ценой... Но вот что интересно: самые первые строчки этой песни в блокноте, ещё до «ласк лоскута», — «Если б я не любил уходить, Я б не смог возвращаться к тебе» — те, которыми песня заканчивается, к которым она неумолимо стягивается.

А бывало, когда Арик песней отдавал долги. Неважно, что не только свои. Ну, действительно, почему Саша Чуланов столько сил тратит на создание бардовских и туристских телепередач, а никто доброго слова о нём не споёт? И вот по книжкам и листочкам начинают кочевать слова, строки, строфы, которые затем соберутся в песенке-посвящении Саше. Тоже — вначале со скрипом...

А вот «Антикавказская» — практически сразу начисто. Доношенность? Или так «достала» его эта поездка в Бакуриани? Ведь — вспомним хотя бы «Чудака» («Куда ты вновь уйдёшь — на север, запад иль восток») или «Осеннюю песню о зиме» («Это птицам лететь на юг, / Нам их в путь провожать») — он никогда не смотрел на юг. Только оглядывался.

Кстати, повод оглянуться: я говорил, что по-настоящему заинтересовался Крупном, когда понял, что он сделал себя сам. И вот, будучи почти вдвое старше его, три десятка лет живя с его песнями как с корабельной библией («Нам ещё долго не видеть людей, / Значит, есть время подумать о них...» и т.п.), я оборачиваюсь в годы 56-е — 58-е, когда он был, по сути дела, почти математической функцией своего времени и пространства.

А это — Лиепая (многие ещё по старой памяти называли её Либавой), не забывшая довоенного «проклятого капитализма» с его маленькими прелестями — ресторанами, «стильной» музыкой (а джаз хорошими приёмниками в Прибалтике можно было и в советское время ловить на средних волнах), разговорами на «заданные» темы — девочки, выпивка и всё такое, что было в сухом остатке свобод того времени...

Не нужен нам Нью-Йорк и Монте-Карло,
Не нужен нам Париж и Лиссабон,
Ведь вечером на нашей Маркса Карла
Не так уж плохо светится неон.
Либава, как известно, не столица,
Но веселиться можно даже здесь.
Не верите — пойдите убедиться
В субботний вечер в Кокус или в ГРЭС.
Лишь только тёплый вечер наступает,
Лишь только загорятся фонари,
Как на Бродвей стилиги выползают
И бродят там до утренней зари.
Лишь только Каспарович заиграет,
Как все к нему бегут, разинув рот
И к женщинам прижавшись стилиют
Под звуки джаза, бути и фокстрот.

(«А. Я. Крупп как зеркало...»)

Что ещё звучало вокруг него? Гимн не в счёт: его не к чему было приткнуть. Если не очень рано вставать и не слишком поздно ложиться, можно было годами не знать о его существовании. То же и про «воплеберёзоньки», с окружающей Прибалтикой не гармонировавшие.

Зато возвращались из лагерей люди — разные, светлые и тёмные, и пели песни, выученные или придуманные «там», не очень качественно сложенные, зато носившие отпечаток отчаянного упрямства, без которого и на воле-то делать было нечего. Визбор? Окуджава? Не крутили тогда на либавском «бродвее» ни Визбора, ни Окуджаву, так что вряд ли что мог слышать Крупп, кроме попсы и блатняка, вряд ли что и сам мог придумать. Придумывалось положенное:

Город расплескал море огней,
Радугой горят рекламы,
Что ж ты не идёшь,
Приди скорей,
Приходи, не будь упрямой.

А это вполне могло звучать и за забором, теперь же хрипло плещется в автомагнитолах фрейдистской оговоркой их владельцев:

Сигарета, сигарета,
Ты ведь мне не изменяешь,
Я люблю тебя за это,
Да и ты об этом знаешь.

Крупп «в порядке», Крупп «как все». И от этого ему плохо, вот беда-то! Он начинает медленно, постепенно выпутываться из всей этой дряни, оставляя на ней клочки затёртых оборотов. Это его первая кожа. Она прикрывала сверхчувствительную голую плоть, и плоть эта потом уже не зарастёт. Второй кожи не будет: свои слова, которые придут на смену одолженных «поносить» у общества, — это другое. Это нервные окончания. Страшно? Наверное.

...Нам ещё долго не видеть людей,
Значит, есть время подумать о них...

Физический смысл Арика: лыжник на горе. Оттолкнулся и медленно покатился вниз. Три года — по март 71-го — крутой разгон. Последний кадр: на кончике трамплина. Сейчас взлетит?

Какой была бы следующая его песня?

5. Как он играл и пел, а также от чего «ехали крыши» у нотировщика, музыкального редактора и некоторых других солидных людей, делавших эту книгу

Очень специальная глава. Тому, кто не будет ковыряться в нотах, её лучше пропустить.

Что представляла собой гитара Круппа — как она настраивалась? Как вообще тогда строились гитары и какие бывали?

Практически все барды того времени (до середины 60-х) были семиструнщики. Четыре, шесть, восемь струн наблюдалось в основном на банджо, которые, может, и доводилось брать в руки, но занятие это котировалось как баловство. Стандарт же гитарный был — семь! Что касается строя, то тут наблюдалось робкое разнообразие: доминировал, конечно, русский, соль-мажорный («ка-пи-тан, ка-пи-тан, улыbnитесь!»). Процентом пять предпочитали цыганский, с приспущенной на полтона второй и приподнятой пятой струнами. Исчезающе малое количество играло на своих фирменных строях, наводивших на мысль о том, что их родословные восходят к неким эзкам, которые в режиме строжайшей изоляции изобрели с тоски не только свое-

обычную настройку, но и сам инструмент, в принципе повторяющий гитару.

Шестиструнщики считались пижонами; их демонстративно презирали, но втайне завидовали.

Крупн играл на семиструнке с классическим русским строем. А как настраивали и в каких тональностях музицировали? Тональности получались как-то сами, из тех созвучий, которые удобно было извлекать. Это значит — внизу грифа, где струны зажимать легче. Но не в самом низу, чтобы не приходилось брать аккорды с открытыми струнами: открытая струна, как известно, неуправляема — её не заглушишь, ослабив зажим; на ней не повибрируешь. Поэтому — не ля-минор (на первом-втором ладах), скажем, где доминанта обрекала на открытость струны, а си-минор (на третьем-четвёртом). И не ми-минор, а ре; и не до-мажор, не соль-мажор, а опять же — ре. Загадкой можно считать, почему не использовались тональности, удобные для исполнения, но с большим количеством знаков при ключе, ведь, когда играешь, знаков не чувствуешь. Но и этому, при желании, можно найти объяснение. Например, в музыкальной вязности сочетаний и переходов в пределах тональностей, основанных на «белых клавишах». Не исключено, что многие исполнители были музыкально грамотны, но не настолько, чтобы колупаться в многочисленных диезах, бемолях и (как следствие) бекарах.

«Цыгане», напротив, предпочитали соль-минор, где почти не надо было нажимать на струны: настройка предлагала готовые басы и основное, тоническое трезвучие. Ленивые, видать, были.

Короче, тональности народ брал исходя из удобства звукоизвлечения руками (стандарт подворотни — си-минор). А высоту настройки — соответственно, из возможностей голосового звуко-же-извлечения. Чаще всего настраивали не по камертону, которым работал либо дяди-васин баян, либо тёти-клавино пианино, а на тон-полтора ниже. Кстати, и струны при этом становились помягче. Ещё ниже спускаться было рискованно — появлялось дребезжание струн о порожки, а опускать гриф означало обречь себя на большие усилия при зажатии аккордов, а слушателей — на дискомфорт от появляющейся фальши: гитара переставала строить по ладам. Редко кому везло с голосом так, что он мог попасть в строй по камертону. Ещё реже встречались исполнители, ориентирующиеся в достаточно боль-

шом количестве тональностей, чтобы выбрать наиболее удобные, не насилуя инструмент изощрённой настройкой или (позднее) заковыванием его в каподастер.

Крупп играл на гитаре, настроенной в среднем на полтона ниже, чем предписывают правила приличия. То есть, часть записей являет нам образчики музыкального джентльменства, что по тем временам бывало относительной редкостью, а часть наводит на мысль о том, что гитара строит на тон ниже положенного.

Он ориентировался в паре минорных (си и ре) и стольких же мажорных тональностях (впоследствии круг их слегка расширился, но не радикально), зато диапазоном голоса обладал большим, примерно в две октавы — от фа большой до фа первой (что на нотоносце выглядит на октаву выше). Всё это вместе взятое позволяло ему не сильно ограничивать себя в музыкальных фантазиях, писать размашисто — от края до края, и при этом не слишком фальшиво и натужно петь.

Иногда по тем или иным причинам настроить гитару было не по чему (а абсолютным слухом Арик не обладал) либо в отсутствие своего доставался ему инструмент чужой — и, как уже упоминалось, на плёнках, дошедших до нас, появлялись такие соблазнительные для нотировщика ля-минор и до-мажор, вовсе без знаков при ключе. Однако истина дороже личного комфорта, и мы попытаемся сделать несколько логических умозвучений для установления её.

Что мы слышим на плёнке? Либо то, что было на самом деле, либо то, что нам досталось после прохождения записи через несколько «рук» допотопных «Айдасов», «Дзинтарсов», «Яуз», «Комет» и «Днепров», диаметры тонвалов и скорости моторов коих были не «самых честных правил». Повышение скорости воспроизведения (что может быть и следствием занижения её при записи) влечёт за собой не только повышение тональности (что бывает при погрешности в настройке гитары) и не только ускорение темпа (что может быть результатом исполнительского перевозбуждения), но и заметное изменение тембра голоса на более «лилипутский» (а этого в природе не бывает ни при каких обстоятельствах, разве что кроме варварского наказания исполнителя-самца). И всё наоборот — при понижении скорости. Но тут уж вообще никаких обстоятельств не просматривается.

Так что тональности, в которых пел Крупп, установлены вполне определённо, однозначно. Что важно — в результате

сравнения множества источников. Кстати, выяснено, что даже пользуясь гитарой, настроенной порочно (на тон ниже, например, как на концерте в Ленинграде в ДК Пищевиков 25 апреля 1970 года), он продолжал играть в привычной пальцам тональности, то есть на тон ниже. Голос позволял.

Что же касается содержательной части (слов, мелодии, отдельных моментов гармонизации) — тут всё не так просто.

Во-первых, Крупн прогрессировал. Он постоянно был недоволен собой, постоянно искал новые, более точные слова и (пусть даже в пределах привычных тональностей) новые аккорды. Он довольно много слушал и читал; жадно общался с людьми более умными или хотя бы более профессиональными. Он был достаточно скромен, даже в зените славы, и охотно воспринимал удачные советы, касающиеся творчества. А потоки общения нарастали лавинообразно (и мы наблюдаем резкий прогресс во всём именно в последние два-три года его жизни): тут и друзья-журналисты или киношники, и барды на фестивалях и слётах, куда он ездил всё чаще и чаще, — да мало ли кто! И вот мы слушаем его «Пургу» в домашней записи 23 апреля 1970 года в Ленинграде, на квартире у В. Сачковского, и двумя днями позже, в ДК Пищевиков — разница колоссальная, а всего лишь слегка изменились аккорды в паре тактов и соответственно им — мелодия, в более «грамотную» сторону. Подсказал ли кто, или сам он созрел, но — факт. И все более поздние записи уже несут след этого рабочего эпизода. Отдельная статья — новая песня. Жажда поделиться ею оборачивалась исполнением ещё весьма сырого опуса, неустоявшегося, невыученного — мы наблюдаем это, например, по ранним записям песни «Жене», единственной известной — «Зови!», первой и последней фонограмме «Зрелости», про которую он сам говорил, что это «рыба», то есть вещь сырая.

Наконец, в какой-то мере он не любил повторяться, и речитация мелодии от куплета к куплету и от концерта к концерту разнилась значительно, тем более что песни его — разговорны, а кто ж в разговоре повторяется! Так что единственно верным редактору представлялось — не «снимать» буквально исполнение куплета, а вылушивать музыкальную идею, пытаясь донести её до желающих поковыряться в нотах и полагаясь на их собственные интеллект и культурное развитие.

Во-вторых, бывали, скажем так, определённые обстоятельства.

Некоторые национально-традиционные химические соединения, стимулируя, особенно в узком кругу, само по себе желание петь, одновременно накладывали ограничения на технические возможности — дикцию, память, беглость пальцев, скорость реакции и пр. За всё ведь приходится платить! Отсюда — вариации, которые можно принимать близко к сердцу, но лучше относиться к ним с житейским пониманием и вводить соответствующие поправки. Особенно при расшифровке и осмыслении материала.

По всему этому основой для выводов служили не сборники случайных записей, пусть даже выпущенные такими почтенными фирмами, как «Московские окна», а моноконцерты (где поётся подряд большое количество песен и можно сопоставить тональности, темп, тембр голоса), возможно более поздние по времени (когда исполняются наиболее совершенные варианты), даденные автором, находившимся, по возможности, в хорошей форме (здравом уме и трезвой памяти). Что же касается текстов, то тут эталоном чаще всего служили авторские чистовики (и такие известны). Увы, там, где Крупп «не дотянул» до приличных вариантов или же таковые в записях неизвестны (например, самая первая его песня — «Сигарета»), редакторы не рискнули посягнуть на текст и отредактировать его за автора, какими бы очевидными ни представлялись поправки и как бы ни чесались руки. Некий минимум коснулся разве что повести «Со мной ничего не случится», да и то лишь по двум причинам: во-первых, она была недоработана и сам он сделал бы массу поправок гораздо более капитальных; во-вторых, вещь, претендующая на звание литературного произведения, обречена при публикации на определённое редактирование. И, пожалуй, всё.

(Вообще, ранние песни — большая тема: по молодости лет Арик играл на гитаре совершенно невообразимые вещи; есть подозрение, что хотел бы делать это пограмотней, да до поры до времени не знал как. А в какой-то момент просто переставал их петь, и «приличные» варианты в записях до нас почти не дошли. Вот и пришлось, как в случае с «Сигаретой», обнародовать то, что есть.)

Вот какие муки профессиональной совести пришлось претерпеть всему дружному коллективу, работавшему над книгой.

6. Как он рисовал?

Вообще-то следов серьезной причастности Круппа к изобразительному искусству не обнаружено. Так, почеркушки в черновиках и письмах. Штук шесть-семь. Но каких!

Вот, в блокнотике 1967 года — туристы в осеннем лесу. Дождь. Фигурки — лиц не видно, так, общие контуры. Но до чего живые! На другой картинке — лыжники на фоне приполярных сопок. Полное представление о северном ландшафте.

А вот случай: сижу дома за рабочим столом, рассматриваю письмо Арика к дочери, отправленное накануне выхода на последний маршрут. На страничке текста нет, только рисунок. В этот момент в комнату входит знакомый турист, гость из другого города, перегибается через моё плечо и вскрикивает:

— О, Верхняя Гутара!

— А ты откуда знаешь? — спрашиваю.

— Да где ж ещё самолёт прямо по улице, мимо домов, разбегается, чтобы взлететь! Кто рисовал?

— Крупп.

М-да! Ещё картинка — какой-то шабаш чертей. И нечто родственное — зарисовка дружеской (или, судя по тонко подмеченным деталям «их нравов» — вражеской?) вечеринки. Он гладит её под столом по коленке. Она ему выдаёт по морде. Эти двое в соседней комнате пляшут рок-н-ролл. Полная иллюзия, что не только видишь, но и слышишь все сопутствующие звуки...

В вышеупомянутом блокнотике — портрет носорога. Единственное графическое изображение, где прорисовано лицо, и только ради рога, который подозрительно смахивает на монумент покорителям космоса, что величественно торчит в Москве у ВДНХ.

И завершает галерею известных работ, собственно, не работа даже, а доработка чужого произведения, украшающего обложку общей тетради, в которой Арик писал повесть, а также несколько песен и стихов. На обложке этой вождь мирового пролетариата привычно протягивает руку в направлении светлого будущего. «Что делать?» — спрашивает вождь в известной своей работе. «Как это — «что делать?» — в свою очередь говорит Крупп и в качестве ответа вкладывает в протянутую руку стартовый пистолет.

7. Что он оставил?

Можно сказать — примус, гитару, рюкзак, самодельный магнитофон, и это будет правдой.

Можно сказать — письма, записные книжки, фотографии — и это также будет правильно.

Можно сказать — изобретения и инженерные разработки, стихи и песни, повесть, которую и в сыром виде читать интересно, — и это также ложью не будет.

Некоторым он оставил самое ценное — пожизненную мороку слушать его песни, читать стихи и — думать, думать, думать...

Владимир Ланцберг

Арон Крупп

Арон Яковлевич Крупп (30 октября 1937 — 25 марта 1971) родился в Даугавпилсе (Латвия) в семье юриста и школьной учительницы. В войну жил в эвакуации в Алма-Ате. После освобождения Латвии семья вернулась в Даугавпилс, в 1950 г. переехала в Лиепāju.

В 1945 году поступил в среднюю школу, в 1955 году окончил её и поступил в Ленинградский институт киноинженеров (ЛИКИ) на механический факультет. С третьего курса был отчислен за неуспеваемость. С 1958-го по август 1961 года служил в армии в Киеве. В 1961 г. восстановился в ЛИКИ, окончил его в декабре 1964 года, получив квалификацию инженера-механика. По распределению уехал в Минск, где работал инженером-конструктором на Минском механическом заводе им. С. И. Вавилова. Имел два свидетельства об изобретениях.

Песни начал писать с 1959 года на свои стихи. Написал более семидесяти песен. Был председателем первого минского КСП «Свіцязь».

Лауреат конкурсов туристской песни I и II Всесоюзных походов молодёжи по местам боевой славы в Бресте в 1965 году и в Москве в 1966 году.

Увлекался пешеходным и лыжным туризмом, совершил ряд походов по Белоруссии, участвовал в сложных походах по Саянам, Кольскому полуострову, Приполярному Уралу.

Арик Крупп и восемь его товарищей — Миша Корень, Аня Нехаева, Володя Скакун, Саша Носко, Вадим Казарин, Саша Фабриченко, Федя Гимейн, Игорь Корнеев — погибли под лавиной во время похода в Восточных Саянах.

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ

1. Следы. — Минск: Б.и., 1972. — 140 с. — Тексты 69 песен, отрывок из неоконченной повести «Со мной ничего не случится».
2. Путь к зрелости / Сост. Ю. Черноморченко. — Колыма: Б.и., 1977. — 136 с.
3. Сначала и потом...: Песни и стихи / Сост. Н. Крупп, Л. Сахнин, В. Подгорный. — Минск: Б.и., 1993. — 60 с.

ПУБЛИКАЦИИ В СБОРНИКАХ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

4. Камешки: [С нотами] // Технолог. — Л.: Ленингр. технол. ин-т, 1963. — 5 окт.
5. Ровесников следы: [С нотами] // Муза странствий / Сост. Г. Захарова, В. Серый, В. Винарский. — Вып.1. — Киев: Муз. Украина, 1969. — С. 40—42; То же // Вохом. правда. — 1979. — 29 сент.; То же // Вожатый. — 1986. — № 6. — С. 51—52; То же // Затеиник: Альм. — М.: Мол. гвардия, 1988. — № 38. — С.25. См. также №№ 8, 19, 24, 29, 37, 39.
6. Хадата: [Рассказ] // Знамя юности. — Минск, 1970. — 24 марта.
7. Десять звёзд; Что нам знакомые дома // Песни молодости. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1970. — С. 294, 298. — Авторство не указано.
8. Сначала — и потом; «Пора идти...»; Ровесников следы // Знамя юности. — Минск, 1971. — 29 авг.
9. Беларусь // Сов. медик. Минск: Мин. мед. ин-т, 1972. — 31 марта. См. также № 17.
10. «...И с мельницами выходить на бой»: [Отр. из повести «Со мной ничего не случится»] // Студ. меридиан. — 1976. — № 9. — С. 40—45. — Материал опубликован Р. Леонидовым под собственным именем.
11. Хочется жить; Заморозки: [С нотами] // Клуб и худож. самодеятельность. — 1976. — № 15. — С. 40—41. См. также № 40.
12. Дальние страны // Заполяр. правда. — Норильск, 1980. — 12 апр. См. также № 42.
13. Заморозки: [С нотами] // Менестрель. — 1980. — № 8. — С. 8; То же // Турист. — 1984. — № 9. — С. 24; То же //

Наполним музыкой сердца: Репертуар, сб. / Сост. С. Екимова. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. — С. 26 — 27; То же // Вожатый. — 1988. — № 12. — С. 52; То же // Муза странствий: Авт. песня / Сост. В. Винарский. — Вып. 3. — Киев: Инициатива, 1992. — С. 81 — 82. См. также №№ 11, 14, 20, 24, 26, 29, 36, 39.

14. Хочется жить; Десяток звёзд; Что нам знакомые дома; Заморозки // Песенник / Сост. С. Заяшников и др. — Новосибирск: НЭТИ, 1985. — С. 19, 105, 109, 110.

15. Песня о песнях // Ты и твоя песня / Сост. Л. Беленький, И. Михалев. — М.: Профиздат, 1987. — С. 31. См. также №№ 20, 39.

16. Сто дорог; Антикавказская; Хочется жить: [С нотами] // Физкультура и спорт. — 1988. — № 2. — С. 34.

17. Хочется жить: [С нотами] // Парус. — 1988. — № 2. — С. 61. См. также №№ 11, 14, 16, 18, 19, 24, 57, 59.

18. Десять звёзд; Хочется жить // Знамя труда. — Пудож, 1988. — 3 дек.; То же // Комсомолец. — Петрозаводск, 1989. — 25 мая; То же: [С нотами] // Грушинский / Сост. В. Шабанов. — Куйбышев. кн. изд-во, 1990. — С. 75 — 76, 161 — 162.

19. Ровесников следы; Хочется жить; Что я натворил: [Антикавказская]; Зови [С нотами] // Наполним музыкой сердца: Антология авт. песни / Сост. Р. Шипов. — М.: Сов. композитор, 1989. — С. 37 — 38, 48 — 49, 132 — 133, 151.

20. Сто дорог, Десять звёзд; Песня о песнях; Заморозки: [С нотами] // Среди нехоженных дорог одна — моя: Сб. турист. песен / Сост. Л. Беленький. — М.: Профиздат, 1989. — С. 300 — 305.

21. Сто дорог [С нотами] // Люди идут по свету: Турист. песни / Сост. Л. Беленький. — М.: Сов. композитор, 1989. — С. 50 — 51. См. также №№ 16, 20, 39.

22. Десять звёзд: [С нотами] // Песня зовёт в дорогу: Песенник туриста / Сост. Б. Ларионов. — Вып. 3. — Л.: Музыка, 1989. — С. 3 — 5. См. также №№ 7, 14, 18, 20, 22, 59.

23. Леса Белоруссии; Антикавказская: [С нотами] // Люди идут по свету: Кн.- концерт / Сост. В. Акелькин и др. — М.: Физкультура и спорт, 1989. — С. 46 — 48.

24. Ровесников следы; Беларусь; Леса Белоруссии; Заморозки; Хочется жить; Осенняя песня: [С нотами] // В пути и на привале: Сб. авт. песни / Сост. А. Чуланов. — Минск: Полымя, 1989. — С. 118 — 130.

25. Песня о границе осени и зимы: [С нотами]; «Пожалуй, мне не жаль...»; Со мной ничего не случится: [Отрывок из повести] // Вол. ветер. — 1990. — Июль-август. — С. 4–5: фото. См. также № 59.

26. Леса Белоруссии; Осенняя песня; Заморозки: [С нотами] // Наполним музыкой сердца / Сост. М. Володин. — Минск: Беларусь, 1990. — С. 99–102.

27. Леса Белоруссии: [С нотами] // Б-чка авт. песни / Сост. Р. Шипов. — Вып. 1. — М.: Музыка, 1990. — С. 28. См. также №№ 23, 24, 26, 59.

28. Зови // Лидер. — 1991. — № 3. — С. 64. См. также № 19.

29. Ровесников следы; Заморозки: [С нотами] // Старые песни: Сб. авт. песни. — Свердловск: Старт, 1991. — С. 69–71.

30. Детские сны забываются // Дети и мы. — СПб., 1994. — № 6–7. — С. 15.

ЛИТЕРАТУРА О ТВОРЧЕСТВЕ А. КРУППА

31. Муравьёв В. «Хочется, хочется петь» // Сов. медик. — Казань: Казан. мед. ин-т, 1971. — 19 мая.

32. Рассвет догонять... // Знамя юности. — Минск, 1971. — 29 авг.: фото.

33. Жук В. Дорога звенит струною... // Там же. — 1 дек.

34. Вахнюк Б. Есть в Саянах перевал Пихто // Кругозор. — 1971. — № 12. — С. 6–7.

35. Васильев Г. Он оставил нам песню // Веч. Челябинск. — 1972. — 30 нояб.

36. Озолин М. Песня живёт // Коммунист. — Лиепая, 1974. — 13 апр.

37. Лученок И. Человек — он так много значит // Неман. — 1974. — № 11. — С. 189–190: фото.

38. Ганкин Б. А песня осталась! // Физкультурник Белоруссии. — Минск, 1974. — 29 дек.

39. Стешенко В. Спеть свою самую главную песню...: [Из блокнота журналиста] // Сов. молодёжь. — Рига, 1975. — 11 мая.

40. Песни А. Круппа // Клуб и худож. самодеятельность. — 1976. — № 15. — С. 40, 3 с. обл.: фото. См. также № 11.

41. «Спеть свою самую главную песню...» // Вохом. правда. — 1979. — 29 сент.

42. Руусалепп Н. И дальние страны, и песен слова... // Заполяр. правда. — Норильск, 1980. — 12 апр. См. также № 12.

43. Рубашкин Б. «А люди не стареют, не стареют...» // Местрель. — 1980. — № 8. — С. 8.
44. Богданов Г. Успеть самое главное // Мол. гвардия. — Южно-Сахалинск, 1981. — 25 апр.
45. «Над нами бег свой остановило время...» // Турист. — 1984. — № 9. — С. 24: фото.
46. «Гитара без тебя грустит...» // Веч. Казань. — 1987. — 24 янв.
47. Памяти барда // Там же. — 10 окт.
48. Кантор В. «Мне не жаль ушедших лет...» // Тюмен. комсомолец. — 1987. — 10 окт.
49. Беленький Л. «Не может песня жить одна» У/ Физкультура и спорт. — 1988. — № 2. — С. 34: фото.
50. Володин М. Хочется жить // Парус. — 1988. — №2. — С. 58—61.
51. Акимов Б. «...А всё-таки, всё-таки хочется петь» // Вожакий. — 1988. — № 12. — С. 54.
52. Перегуд А. Арик Крупн // Знамя труда. — Пудож, 1988. — 3 дек.; То же // Комсомолец. — Петрозаводск, 1989. — 25 мая.
53. Арик Крупн (1937—1971) // В пути и на привале: Сб. авт. песни / Сост. А. Чуланов. — Минск: Польша, 1989. — С. 114—117.
54. Михалёв И. Арик // Лидер. — 1991. — №3. — С. 60—62.
55. Чуланов А. «Мои песни неуместны в городах...» // Знамя юности. — Минск, 1991. — 14 мая: фото.

ДИСКОГРАФИЯ И МАГНИТОГРАФИЯ

56. Кругозор. — 1971. — №12. — Грп. 4. Содерж.: Лыжные следы; Дальние страны; Заморозки.
57. Кругозор. — 1973. — №1. — Грп. 6. Из содерж.: Хочется жить; Ровесников следы / Исп. В. Муравьёв.
58. Встреча друзей. — М.: Мелодия, 1987. — Грп. 3. — С60 2619Э 000. Из содерж.: Осенняя песня / Исп. А. Брунов.
59. Сто дорог. — М.: Каравелла, 1994. — С 60. Содерж.: Антикавказская; Д. Песину; Песня о границе осени и зимы; Хочется жить; Лыжные следы; Северная I; Тундра; Хадата; Дальние страны; Пурга; Леса Белоруссии; Песня о песнях; Я привезу песню; Апрель; Три шляпки; Ровесников следы; Заморозки; Бортпроводница; Десять звёзд; Дождь; Акселерация; На плато Расвумчорр; Новый год в Крыжовке; Зима зовёт; Чудак; Сто дорог.

Составитель Р. Шипов

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А всё-таки, всё-таки хочется жить... Хочется жить	237
Адреса я спрячу в нагрудный карман... <i>Олегу Нечаенко</i>	291
А люди не стареют, не стареют... Зрелость	283
А Москва-то полна населения... Демография	163
А ты уходишь, уезжаешь, улетаешь... Жене	278
Ах, жениться бы мне, рыбкой в неводе... Не женюсь	146
А я по вас соскучился, ребята... Дальние страны	227
Ветер бьётся спиною о скалы... Пурга	201
В небе крик журавлей — это песня осенняя...	
Осенняя песня о зиме	133
Вот, говорят, ты в городе грустишь... Карпаты	137
Всё леса, леса, леса в Белоруссии... Леса Белоруссии	113
Всё так просто: всё та же стеклянная дверь... ..	221
В тундре есть много гор... На плато Расвумчорр	80
В тучи над чёрными крышами... Колыбельная	167
Города, города крепко держат всегда... Города	118
Город празднует победу... Я уйду	123
Давай поговорим о городах... Давай поговорим	176
Давай решимся без пари... ..	222
Два дня гудим в полярных кабаках... Северная П	211
Если женщины и нету... Сигарета	74
Есть десяток звёзд над головой... Десять звёзд	98
Есть у года четыре времени... Беларусь	273
Ещё нам не поздно исправить ошибки...	
Короткая песня (<i>контрпесня</i>)	235
Железный путь вагон качал... В электричке	196
За растром дождей, косых, затяжных... Осенние разъезды... ..	154
За снегами в горах Хадата приютилась...	
Метеостанция Хадата	243
Затеряемся по каютам... <i>Игорю Лучинкину</i>	289
Зима, зима, снега, ветра... Прощальная	111
Зови, я ещё не устал... Зови	263
Как много мне самим собой обещано... Раздумья	161
Как хочется устать, как хочется устать... Усталость	183
Когда исчезнут в мире песни... Когда исчезнут песни	320
Кончается начало, начинается бетон...	
Пародия на Юрия Визбора	209
Крик петушков жестяных... Городское утро	131
Куда летите вы, в Одессу?	217
Листья в реке — жёлтые паруса... Заморозки	215

Лишь вчера была метель... Апрель	116
Маленькие камешки с детства мы любили...	
Хибинские камешки	78
Мне всё мерещатся дороги... В дорогу	86
Мы не умеем забывать... ..	213
Мы уезжаем, до свиданья, город... Северная I	170
Над головой небосвод голубой... Три шляпки	102
На запад ночь, а мы — навстречу... Бортпроводница	198
Нам нравится на стройке... Строечная	85
Наши лыжи у печки стоят... Песня о песнях	143
Небо забыло, и небо забыто... Дождь	128
Не верь пословице, что правды нет в ногах... Не верь	106
Не грусти, когда снега, не грусти... Зима зовёт	135
Не от веселья песни были веселы... Проводы	127
Не сердись, я привык уходить... Не сердись	178
Опять над головой костёр качает дым... Ровесников следы . .	149
Перестань грустить, выйди из дому... Печаль	225
Поговорили, махнули рукой... Тундра	207
Пожалуй, мне не жаль моих ушедших лет... ..	7
Пора идти, но прежде оглянись... Пора идти	173
Пристроились морщиночки промежду глаз... Акселерация .	252
Просто глубокая полночь... Полночь	265
Прошу вас, не будьте ко мне слишком строги... Письма	121
Родилась ёлочка в лесу... Ёлочка	76
С дождями снег — ещё не первый снег...	
Песня о границе осени и зимы	240
Скажи мне, дружище, но только без слов... Геологу	245
Сколько у нас в жизни счастья?.. Десять пальцев	141
Слепив людей, Бог не дал им уменья... ..	214
Смотреть в огонь всегда занятно... ..	220
Сначала год — как год, и месяц — это месяц...	
Сначала — и потом	233
Снова порт и огни, а в Одессе туман... Одесскому слёту	246
Соломенной крыши ресницы... Синяя птица	152
Средние широты, мягкая погода... Диме Песину	266
Стоит лишь закрыть глаза... Олегу Нечаенко	293
Тает снег на легу... Когда не приходит зима	194
Тропы раскисли, дождь да распутица... Чёрные совы	231
Укрыт облаками умеренный пояс... Восточный поезд	188
Угелись на просеки, как в ножны... Лыжные следы	159
Улетаешь, опять улетаешь... ..	219
Улица твоя неярким солнышком полита... Санька	261
Уходит отряд, уходит отряд... Уходит отряд	109

Что делать, но у нас так повелось... Песня о расставаниях . . .	139
Что нам знакомые дома... Сто дорог	104
Что случилось со мной — будто всё стороной...	
Новый год в Крыжовке	249
Что я натворил... Антикавказская	258
Шорох серых дождей... О суете	270
Эй, чудака, ведь ты всё это выдумал сам... Чудака	89
Это видели крыши с кустами антенн... Бумажный змей	174

СОДЕРЖАНИЕ

Их было девять	3
«Пожалуй, мне не жаль моих ушедших лет...»	7
<i>Н. Крупл.</i> «Арика Круппа принято считать...»	8
Со мной ничего не случится. <i>Повесть</i>	19

ПЕСНИ И СТИХИ

Сигарета	74
Ёлочка	76
Хибинские камешки	78
На плато Расвумчорр	80
Строечная	85
В дорогу	86
Чудак	89
<i>Я. Сапожников.</i> Два рассказа	94
<i>Е. Клячкин.</i> Рассказ о сборах в Бресте	96
Десять звёзд	98
Три шляпки	102
Сто дорог	104
Не верь	106
Уходит отряд	109
Прощальная	111
Леса Белоруссии	113
Апрель	116
Города	118
<i>Н. Крупл.</i> «Мы ехали за город...»	120
Письма	121
Я уйду	123
Проводы	127
Дождь	128
Городское утро	131
Осенняя песня о зиме	133
Зима зовёт	135
Карпаты	137
Песня о расставаниях	139
Десять пальцев	141
Песня о песнях	143
Не женюсь	146
Ровесников следы	149
<i>И. Лученок.</i> Из журнала «Неман»	151
Синяя птица	152
Осенние разъезды	154

<i>Н. Крупп.</i> «Вокруг Арика всегда кипели страсти...»	156
Лыжные следы	159
Раздумья	161
Демография	163
Колыбельная	167
Северная I	170
Пора идти	173
Бумажный змей	174
Давай поговорим	176
Не сердись	178
Усталость	183
<i>Г. Кузнецова.</i> «Мы попали вдвоём...»	186
Восточный поезд	188
<i>И. Михалёв.</i> Из журнала «Турист»	193
Когда не приходит зима	194
В электричке	196
Бортпроводница	198
Пурга	201
Тундра	207
Пародия на Юрия Визбора	209
Северная II	211
«Мы не умеем забывать...»	213
«Слепив людей, бог не дал им уменья...»	214
Заморозки	215
«Куда летите вы, в Одессу?»	217
<i>Н. Крупп.</i> «В конце семидесятых...»	217
«Улетаешь, опять улетаешь...»	219
«Смотреть в огонь всегда занятно...»	220
«Всё так просто: всё та же стеклянная дверь...»	221
«Давай решимся без пари...»	222
Печаль	225
Дальние страны	227
Чёрные совы	231
Сначала — и потом	233
Короткая песня (<i>контрпесня</i>)	235
Хочется жить	237
Песня о границе осени и зимы	240
Метеостанция Хадата	243
Геологу	245
Одесскому слёту	246
Новый год в Крыжовке	249
Акселерация	252
<i>Н. Крупп.</i> «Север был его слабостью...»	256

Антикавказская	258
Санька	261
Зови	263
Полночь	265
Диме Песину	266
<i>Н. Крупп.</i> «Начальник Арика на заводе...»	269
О суете	270
Беларусь	273
<i>Н. Крупп.</i> «Об Арике часто говорили...»	276
Жене	278
<i>Н. Крупп.</i> Рассказ о песне «Зрелость»	281
Зрелость	283
Прощальные экспромты	289
<i>Ф. Жениховская.</i> Последняя встреча	294
Письмо Динке	296
Письмо жене	300
<i>Н. Крупп.</i> «Когда всё это случилось...»	308
<i>Н. Крупп.</i> Рассказ о памятнике	311
<i>В. Ланцберг.</i> Арику Круппу	316
<i>В. Капгер.</i> Мой Крупп	318
Когда исчезнут песни	320
<i>В. Ланцберг.</i> Хочется кое-что сказать об этом человеке	323
Библиография	342
Алфавитный указатель	346

Авторская песня

Арон Яковлевич Крупп

И ЖЕНЩИНЫ КРАСИВЫ, И МУЖЧИНЫ...

Нотное издание

Ведущий редактор

Наталья Жукова

Составление и текстологическая подготовка

Надежда Крупп

Редакторы

Владимир Ланцберг, Велла Щербакова

Нотная запись

Людмила Скворцова

Музыкальный редактор

Владимир Ланцберг

Нотный набор

А. Крылов, Н. Жукова, О. Фёдорова

Художник книги

Елена Горбачёва

Компьютерная вёрстка

Анна Николаева

Обработка фотографий и обложки

Алексей Николаев

Корректор

Елена Тарариева

Фотографии из архива Надежды Крупп
и архивов друзей и родственников А. Круппа

Формат 84×108/32. Гарнитура «Балтика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0.